Религия — дурман для народа

АТЕИСТ

№ 32 СЕНТЯБРЬ 1928

Содержание

А. Струве. Бытовые основы религиозных верований русского крестьянства.

Э. Фрейд. Будущее одной иллюзии.

Религия—дурман для народа

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ - СБОРНИК НАУЧНЫХ МАТЕРИАЛОВ

„АТЕИСТ“

ЕГО ОТДЕЛЫ:

1) **Религиозно-исторический и культурно-исторический**—статьи по вопросам истории религии и культуры как в нашем, т.-е. **материалистическом**, освещении, так и в освещении идеологически чуждых нам, но дающих обширный **фактический** материал, исследователей, **особенно иностранных**, поскольку этот материал может быть использован в интересах воинствующего атеизма.

2) **Церковь и государство.** Отдел посвящен разоблачению контр-революционной и шантажной деятельности церковников, какого бы то ни было культа.

3) **История атеизма.**

4) **Хроника** антирелигиозного движения у нас и за рубежом.

5) **Библиографический**—сведения и отзывы о книгах и статьях в области религии и ее критики, выходящих у нас и за рубежом.

Редакционный Совет: *Н. Румянцев, В. Шишаков, Е. Федоров-Грекулов, И. Вороницын, проф. С. А. Каменев, проф. С. Г. Лозинский, проф. В. Дитякин, И. Шпицберг* (Отв. редактор).

ПОДПИСКА С ПЕРЕСЫЛКОЙ ПО ПОЧТЕ:

На 1929 год на 12 месяцев	7 р. 50 к.
„ „ „ „ 6 „	4 „ — „
Отдельный номер	— „ 75 „
Журнал „АТЕИСТ» за 1925—26 гг. распродан.	
Комплект журнала за 1927 г. (№№ 15—26)	5 „ — „
„ „ „ 1928 г. (№№ 23—35)	7 „ — „

Москва, I. Гранатный пер., дом 1.

Издательство „АТЕИСТ“ —— Телеф. 4-53-12.

№ 32 АТЕИСТ 1928

Александр Струве.

Бытовые основы религиозных верований русского крестьянства.

1. Из эпохи средневековья.

Из эпохи средневековья сохранился рассказ:

Монах возил в ларчике перо из одного из крыльев архангела Гавриила. Кто к этому перу прикладывался,—(за деньги, конечно),— тот страховал себя от заболеваний чумой. Чума была в те времена частой гостьей, уничтожавшей иногда население целых городов—и поэтому дела монаха шли великолепно.

Но святое чудотворное перо кто-то у монаха украл. Тогда, при помощи хозяйки, у которой он жил, монах набил свой опустевший ларчик свежим сеном и, выдавая это за сено, на котором в яслях лежал будто бы спаситель христос, стал призывать верующих прикладываться к святому сену, которое обладает чудодейственной силой предохранять приложившихся от заболевания чумой [1]).

К изумлению монаха, приложиться к его святому сену пришла и его старушка—хозяйка, с которой он набивал свой ларчик.

И действительно: как могла притти прикладываться к сену женщина, которая видела, как все это мошенничество было проделано, которая собственными же руками содействовала этому мошенничеству и знала всю подноготную?..

---

[1]) См. Н. Румянцев „Великий шантаж“ (реликвии христа) Изд. „Атеист“ 1926 стр. 10.

В том то и дело, что такой рационалистический подход к данному случаю в корне неверен. Он был бы естественен для нас, людей определенного уклада, определенного напряжения мысли. Совсем другое—„божья“ старушка средневековья. Область веры и область разума для нее были строго разобщены. Она была верной дочерью церкви, верной и покорной последовательницей и исполнительницей всего, что требовали от нее святые отцы, посредники между нею и богом со всею его свитою святых и чудотворцев... Она не смела своим разумом двигаться с места там, где все было не от этого разума, противоречило этому разуму. Она впадала в святой паралич, когда попадала в этот повергавший ее в священный трепетный мир, который она принимала во всей его непостижимой для нее совокупности.

Даже в самых незначительных проявлениях жизни не действовала она самостоятельно: нескоро вденет нитку в иголку—и шепчет молитву и крестит ушко иголки, так как неудачу приписывает не ослабевшему зрению, а бесовским проделкам.

И вот стоит „отец святой“ и зовет приложиться к святому сену.

При чем тут сено, которое она набивала в его ларчик?

Два факта остаются разобщенными, несвязанными, принадлежащими к двум ничего общего между собой не имеющим мирам. Один из области веры принадлежит всему комплексу последней: „отец святой“ зовет, все идут, идет и она, идет как шла всегда в таких случаях. И не потому даже, что боится чумы, а потому, что сено святое. А маленький ни ей, никому другому ненужный фактец набивания ларчика не остался даже в памяти, как слишком ничтожный и никчемный,—он **под порогом сознания**, задавлен, уничтожен авторитетом веры.

В том-то и дело, что старушка **не знала** того, что она набивала это сено, что **она находилась в особом состоянии**: странно было бы убеждать загипнотизированного, подвергнувшегося внушению, что едя картошку, и согласно внушению, ощущая вкус яблока, он ест картошку: для всех это картошка, а для него—яблоко. И сколько бы он эту картошку не щупал, он все равно не будет **знать**, что это картошка, а будет **воспринимать** ее как яблоко. А кроме того мы здесь имеем дело с тем, что носит название условных рефлексов.

„Ошибочно думать, что как только абсурдность какого-нибудь верования **доказана**, с ним уже покончены всякие счеты“,—говорит И. М. Гюйо (Иррелигиозность будущего. Пер. Фриче, Москва, 1909 г.).

Опыт и практика показывают как раз противное.

2. Быт, мироощущение и мировосприятие.

Быт—это тот сложившийся образ жизни, тот уклад, которым живет то или иное общество, та или иная группа общества. Мы можем говорить о быте дореволюционном, понимая под ним все его особенности и противопоставляя его быту революционному. Но мы можем производить и градации и подразделения: говорить о быте фабричнозаводском, крестьянском, быте кустарей, служащих, писателей, художников и т. д. Являясь силою производной, возникающей в результате тех или иных социально-экономических отношений, он, раз возникши, сам становится направляющей, и при том,

в значительной степени консервативной силой... Быт наслаивается медленно... В его образованиях, наряду с зародышами новейших устремлений,—сколки самых отдаленныхэпох. Есть нечто общее между наслоениями быта и наслоениями почвы.

Но быт наслаивается не сам по себе, быт есть тот фактический уклад жизни, которым живут живые люди.

Живые же люди растут медленно и медленно слагается их мироощущение и мировосприятие.

Отсюда ясно: какие бы решительные внешние события ни совершились,—они могут переделать то, что еще не окончено и не окостенело: миросозерцание и уклад жизни вырастающих и слагающихся при новых условиях поколений. У уже сложившихся поколений можно вырвать что-либо из уклада,—ударить по той или иной подробности их мироощущения,—но целого не разрушить: привычка—вторая природа. Умрут поколения, жившие при одном строе, заменят их поколения, выросшие при другом, и в этот новый, в этот „другой" строй—притащат с собою то, что сами успели усвоить из старого, пока еще жили отцы и деды [2]).

В частности, обращаясь к народно-трудовому бытовому календарю,—мы видим, до какой степени органически проник он и скрепил с собой весь быт крестьянина. Мы можем говорить о новом стиле летоисчисления, мы можем указывать новые примеры полевой разработки и сева, а старые сроки, старая указка каждой работы, предуказания до мельчайшей подробности, чуть ли не до определенного часа, текут вместе с солнцем и вращением вокруг него земли... Надо всю эту стройную систему в его целом заменить чем-то таким же законченно-сложным, мощным и внушительно-значительным, чтобы вытеснить все старое и привить новое.

Мы часто даже и не подозреваем, во что верит крестьянский быт не только там, во глубине России, но иногда даже в непосредственной близости культурных центров. Всего только в первомайском номере Известий ВЦИК за текущий 1928-ой год был напечатан фельетон Г. Рывлина „Чорт", описывающий мнимое появление чорта во Владимирской губ., в селе Тоякове, близь Кольчугина. [3])

Попробуйте разубедить того, кого, будто-бы, сам чорт после попойки в лес завел и там бросил, причем у брошенного оказались отмороженными ухо или нога. „Ен" его „собственными глазами" видел, даже дрался с ним,—и к вашему об'яснению, что это было только обманом чувств, галлюцинацией, он отнесется с недоверием.

Ни один здравомыслящий человек не станет, конечно, верить в огненных змиев, о которых рассказывают и в которые верят, например, в Марийской области, и не в одной только этой области.

Но вот чему свидетелем был сам автор этой книги в феврале 1928 года в той же Марийской области.

Было около часа ночи, когда, от'ехав верст восемнадцать от затона Звениги, в феврале 1928 г., я и мои спутники, кучер и

---

[2]) О марксистской точке зрения на религию см. „Мысли Маркса и Энгельса о религии", „Мысли Ленина о религии" в изд. „Атеист", „Три статьи Плеханова о религии" в изд. „Красная новь", Ф. Путинцев—„Происхождение религиозных праздников", Альфа—Омега „Христианские и еврейские праздники и их языческое происхождение", целесообразно прочесть Липперт „Экономические основы христианских праздников" и мн. др.

[3]) Газ. Известия Всерос. Центр. Исп. Ком. от 1 Мая 1928—г. № 101 (3335) стр. 3.

местный кино-техник, спускаясь к реке Илети, сбились с пути. Порошило. Кучер, ища дорогу, провалился в реку. Вытащив его, отвезли в соседнее село, где оставили, а сами попробовали—было поехать одни, торопясь на находившуюся в 28 верстах станцию „Зеленый Дол" Моск. Каз. ж. д., чтобы попасть на шедший утром в Казань поезд.

Продолжало порошить, сбились опять, вернулись в то же село, захватили знакомого чувашина и стали искать дорогу по реке Илети, но никак дороги найти не могли. Я сидел в санях, остальные бродили взад и вперед в поисках дороги.

Вдруг кино-механик закричал: „Смотрите"! Я увидал мелькнувший сначала вдали, меж деревьев леса, огонек, а затем похожий на уменьшенную луну, более матовый, темно-желтый диск, который вылетел из леса и стал летать взад и вперед на протяжении нескольких верст по тянувшемуся ровному месту между рекою и лесами. То приближаясь, то удаляясь, летая невысоко над землей и минут на двадцать скрывшийся в низких зарослях, совсем желтый диск насился на моих глазах больше часа, иногда видимый мне матовой стороной, иногда сверкая какими-то лучами. Пространство, по которому он летал, тянулось на несколько верст, скорость была различная, то малая, то очень большая, а характер полета напоминал полет пушинки, подхваченной воздушными течениями.

Что это было за явление, мне неизвестно. Мне удалось с достоверностью только узнать, что один из врачей наблюдал это же, повидимому, явление, несколько лет тому назад в другой части той же Марийской области, в части, примыкающей к Арскому кантону Татреспублики. А спутник мой, кино-механик, нарассказал мне столько, что, если бы я все его рассказы принял во внимание, я бы, вероятно, окончательно растерялся. Было, впрочем, в его рассказах и кое что, заслуживающее внимание. А именно: сам он видел это явление уже пятый раз. В первый раз увидал осенью, в октябре, вскоре после первого выпавшего снега. Один раз, будто бы, видел на расстоянии саженей пяти, причем „оно" пересекло ему дорогу в виде большой огненной корчаги, напоминавшей большого головастика, сзади сходившего на нет в виде длинного хвоста.

„И каждый раз, как „его" увидишь, собьешься с дороги или несчастье случится". Но потом из разговоров выяснилось, что сбился он сегодня с дороги впервые со мною, и что несчастье (тонул кучер) тоже постигло его впервые только сегодня, когда он ехал со мною. Следовательно уж если надо было кого-то считать виновником наших напастей, то им пришлось бы считать меня. А между тем кино-механик продолжал валить вину за все беды на странный диск, сам не замечая, что на мои умышленно повторенные вопросы отвечает по разному, бессознательно сочиняя ответы.

У страха глаза велики. Спутник мой был напуган и, сам того не замечая, творил легенду. Взволнованный виденным и перенесенным, он в своих представлениях не ограничивался только тем, что творила его собственная фантазия: он говорил о якобы виденном другими, вплетал народные сказания об огненных змиях, и в его рассказах мелькало уже не индивидуальное восприятие, а типичные черты народных легенд и старых преданий. Он уже не мог быть свидетелем, **всецело находясь во власти как самовнушения, так и того коллективного внушения, которое передается верованиями и легендами, давно уже ставшими массовыми.**

А потому все, что я могу считать достоверным, это то, что видел сам. А то, что я видел сам, не заключало в себе ничего сверх'естественного: так же, как виденный мною диск, должен был бы летать и каждый наполненный газом баллон после того, как часть газов улетучилась, просочившись через оболочку. Ясно, что это было, вернее всего, механическое приспособление, возможно,—хотя и с меньшей вероятностью,—явление метереологическое. Сверх'естественного же в нем не было ровно ничего. Но в каком виде этот простой факт был передан дальше? Ясно, что в виде, менее всего соответствовавшем действительности.

Интересно было проследить, как к реальному, без всякого намерения, присоединялось фантастическое. И то, на чем я нарочно остановился подробнее, так как оно представляет **типичную картину создания веры в сверх'естественные силы и приписываемые им свойства, может послужить образцом того, как в жизни быта слагаются незыблемые предания о чудотворцах, о приметах, о добрых и злых силах и т. д.** При виде нового и неизвестного ум всегда старается об'яснить его путем сравнения с уже известным, виденным, слышанным,

Когда землеробы-крестьяне, понятия не имевшие о технике, увидали первые дымившиеся паровозы и огонь в поддувалах, они, конечно, испугались этого явления. В своих представлениях они могли для об'яснения этого явления найти только нечистую силу, при помощи которой вопрос разрешался вполне удовлетворительно.

Но техника теперь приблизилась к жизни и при встрече во время гражданской войны первых танок, уже не оказалось необходимости об'яснять непонятное таким далеким образом: гораздо ближе ада и нечистой силы была любая фабрика или завод. И если боялись танок вначале больше, чем следует, то потому, что **не понимали** их устройства. Бывало едешь на велосипеде; встречная лошадь в деревне боится. Окликнешь ее, подашь голос,—поймет, что непонятное—человек,—и страх прошел. Но когда не понял чего-то—беда: разыграется фантазия, вмешаются в дело страх, суеверие—и легенда готова.

3. Сознательное и бессознательное.

Роль бессознательной стороны психической жизни огромна. За последнее время ей уделено много вниманяя венским профессором Фрейдом и его последователями, фрейдистами. Учение Фрейда требует материалистического корректива, после чего становится приемлемым и для марксиста. О Фрейде уже возникла и марксистская литература. [1]).

Работы профессоров—биологов Сеченова и Павлова доказали, что нет ни одного проявления нервной деятельности, которое не являлось бы рефлексом или их сочетанием. Рефлекс же является ответным действием организма, снабженного нервной системой, на какое-нибудь внешнее раздражение.

Наиболее сложные из этих процессов (условные рефлексы по терминологии профессора Павлова) в значительной степени переживаются нами, как акты сознания. Другие, менее сложные, низшие

---

[1]) См. статью И. Д. Сапир—„Фрейд и его марксистская оценка“ ж. „Молодая Гвардия“, январь 1925 г., № 1, стр. 111—131. О Фрейде и психоанализе вообще см. так-же А. Л. Лурия. „Психоанализ в свете основных тенденций соврем. психологии“. Казань, 1923

процессы, (так называемые, безусловные рефлексы) могут протекать без всякой сознательной, суб'ективной окраски.

Бессознательная сфера динамична. Группа образов и представлений, связанная общим чувством, носит в психологии название „комплекс". Фрейд видит в человеке прежде всего половое существо. Для марксиста—человек существо прежде всего классовое. И, делая эту поправку, мы, в отличие от Фрейда, получаем несколько иное содержание комплексов, усваивая в дальнейшем его метод.

Человек стремится осуществить свои желания. Но реальность препятствует этому: ему приходится подавлять, **ущемлять** свои аффекты, стремления и желания.

И когда это подавление и ущемление непреодолимо, и возникает то, что Фрейд именует „ущемленными комплексами". Сознание и реальность оттесняют их в подсознательную область психики, где они и влекут жалкое существование.....

Но они, эти ущемленные комплексы, или другими словами, влечения, они, эти потребности, не умерли,—они живут, хотя, как будто бы, и не проявляют своего существования. Обладать ущемленными комплексами, значит носить в себе ряд глубоких психологических противоречий. [5]).

Правильно указывает т. Сапир в своей статье, что „основным источником ущемленных комплексов обладает общество классовое". Но всеми своими лишениями и подавленными желаниями и потребностями обрушивалось это общество не на верхушки свои, конечно, а на низы. И прежде всего на землероба—крестьянина, вся жизнь которого, от первого вздоха и до последнего, была одною сплошною неудовлетворенностью, или, по терминологии Фрейда, сплошным ущемленным комплексом.

По установленным Фрейдом законам, ущемленные комплексы не остаются пассивными. Бессознательная сфера психики—это их сфера. Сны, душевные заболевания, непонятные поступки, невольные ошибки, описки,—все оттуда же.

Я не собираюсь излагать во всех подробностях теорию Фрейда. Фрейд сам имеет смелость признавать, что многие вопросы, которые он ставит, требуют еще тщательной разработки. [6]).

Нам нет необходимости принимать те уклоны, те преувеличения, которые у сторонников фрейдизма принимают порой анекдотический характер.

Для нас важна эта научная мысль, легшая в основу известного учения Фрейда: **неудовлетворенность, ущемление желаний и потребностей только оттесняет их в подсознательную сферу. Оттуда творят они свой мир, и, разрушая все преграды, побеждая реальные препятствия, создают свой сказочный, фантастический мир. Потому что, если не было бы этого клапана, человек не выдержал бы, человек сошел бы с ума....** И потому то он и выдержал в своем прошлом самое ужасное подавление реальных желаний и потребностей, что вместо них получал мир фантастики.

Одно от другого. Будет реальность хороша,—не нужна будет фантастика.

Но разве может быть реальность хороша там, где существует эксплоатация одною частью общества другого? Конечно и там реаль-

---

[5]) См. Сапир. Цитир. статьи.

[6]) См., его недавно переведенную на русский язык книгу „Тотем и табу". Психология первобытной культуры и религии, пер. д-ра М. В. Вульфа, с предисл. Г. П. Вейсберга. Госиздат.

ность вполне хороша..... для верхушек, и религия им нужна лишь как орудие классовой борьбы: вот еще одна ступень в анализе консервативности и силы религии.

У А. Амфитеатрова, в его книге „Дьявол“ [7]) есть рассказ о том, как в половине прошлого столетия у рядового Федорова при обыске была найдена писанная им собственной кровью расписка о продаже души дьяволу... Он кончил печально: шпицрутенами. Но расписку он все же дал и ущемленные жизнью комплексы, „жажда“ осуществления силы и власти была осуществлена в этой расписке.

Вся психическая и физиологическая неудовлетворенность средневековых ведьм и их процессы становятся более ясными, если мы подойдем к ним с точки зрения ущемленных комплексов.

И если в религии, которая царила в массах, ярко сквозили элементы классовой организации и классового творчества господствующих верхушек, то вся психика масс,—результат классовых отношений,—сама тянулась им навстречу и искала разряда своему ущемлению в ею самой создаваемой фантастике, в удовлетворении и воплощении ущемленных желаний в виде заклинаний, заклятий, обрядностей, молитв и молебнов. Бессознательная жизнь—действенна. И в этой своей действенности она тысячелетиями копила сказочные богатства.

4. БОГ.

Там, где хозяйство, там есть и глава этого хозяйства. Это его большак. „Всякий дом хозяином держится“. „Без хозяина дом сирота“.

Хозяин—это великая вещь.

Хозяину в его доме никто не указчик. Это звучит, конечно, немного „слишком“ гордо, особенно, если принять во внимание, что, помимо всяких „властей“, в прежнем крестьянском быту, при крепостном праве, над крестьянином нависала всемогущая помещичья власть... Но эта маленькая заносчивость, это небольшое преувеличение опять-таки из области „ущемленных комплексов“,—прорвавшихся на минуту на волю и брыкнувших в воздух ногами, как расшалившийся теленок.

Пословица отчеканивает:

— Середа, да пятница—хозяину в доме не указчица.

Середа и пятница особенно серьезные постные дни.

— Крепка неделя середою.

А пятница когда-то была даже как бы полупраздником. По обету народ иногда не работал в этот день, причем в Москве, на Красной площади, было семь обетных пятниц, церквей во имя св. Параскевы. (Отсюда: „семь пятниц на неделе)“. Прясть же в пятницу раз навсегда считалось грехом: в пятницу был оплеван, де, христос, а на

---

[7]) Дьявол в быте, легенде и литературе средних веков. Из-во „Просвещение“. Стр. 393—394.

пряжу во время работы нельзя не плевать. (Плюешь, значит на христа).

И что же: большаку середа и пятница не указчица!

„Сам" порядки у себя заводит.

Он что? Он ничего... Он порядки знает... Против бога не пойдет, да и святой пятницы оскорблять не будет. Он и критики на требование соблюдать среду и пятницу наводить не будет. А все же он—большак, и порядки у него свои... А среда, да и пятница—это тебе не „благовещенье", когда и птица гнезда не вьет. Их можно, пожалуй что,—и по боку.

Придавая такое большое значение главе хозяйства, крестьянин и бога своего построил „по образу и подобию своему".

Все случайности религиозно-церковных учений о боге остались у него в стороне. **Его бог не так называемый еврейский, не так называемый христианский, а типично-хозяйственный.**

Раз во главе мирового хозяйства бог—хозяин, то, очевидно, ему и служить приходится, с ним и считаться надо.

„Жить—богу служить".

„Бог полюбит, так не погубит".

„Кто к богу, к тому и бог".

Прежде всего надо, конечно, считаться с тем, что богу угодно.

„Что богу не угодно, то не годно" (не сильно).

Оно-то, пожалуй, и досадно, что на бога некуда дальше жалобу подавать.

„На волю божью просьбы не подашь".

Он может, что хочет: „Бог, что захочет, человек, что сможет".

В конечном счете, все же, итоги с—„хозяином" подводить придется.

„Что бог не нашлет, того человек не понесет".

„Бог не даст, и земля не родит".

„Без креста и молитвы не будет ловитвы".

А потому умей угодить богу.

Сам-то, конечно, не разберешься, что делать, чтобы богу угодить.

„Люди темные, не знаем, в чем грех, в чем спасенье".

А „у честных отцов не найдешь и концов".

А потому:

„Дома спасайся, а в церковь ходи".

И будь хорошим духовным сыном своего духовного отца, священника.

„Кто попу не сын, тот незаконный сын".

Незаконный сын церкви и бога. Будучи хорошим духовным сыном церкви, получишь от попа все указания, необходимые для того, чтобы поладить с хозяином—богом, его угодниками, которые являются перед этим богом заступниками, если только уметь поладить и с ними.

„Не нужны нам праведники, нужны угодники".

Нужны такие посредники, которые сумеют настоять, **наше** провести, **нам** угодить.

Все то, ведь, и дело в том, чтобы в конечном результате **бог поступил так, как хочется нам.**

Мы ему не перечим. Зачем? Пойти против его воли,—нам же достанется.

Мы делаем так, что он **добровольно** по своему хозяйству распорядится, чтобы нам отпустили всего, что нужно, да, к тому же за недорогую цену: за то, что потрачено на посредников.

„Искусство—половина святости".

„Уменье—половина спасенья".

Надо знать, как и к кому с просьбой подойти.

Зря нечего и молиться.

„Что тому богу молиться, который не милует"

Вообще же взятки жалеть нечего. Не бойся лишнего передать,— всегда пригодится. Тем более, что, в конце концов, бог—большак—чудак: больше всего молитвы любит.

„Богу молиться—вперед пригодится".

Несомненно, что первоначальный, основной, коренной крестьянский домохозяин—бог в дальнейшем несколько видоизменен, усложнен. в перспективе политики исторического процесса. Сначала крестьянин, этот бог, под влиянием развития царизма, начинал получать свойства, присущие царям, со всеми царскими особенностями, когда царя добиться трудно и гораздо больше слышишь о действиях его приближенных и от действий этих последних зависит гораздо больше, чем от действий самого царя, который является только официальным, конечным адресатом и распорядителем. Именем царя—бога только действуют, а реально все просьбы разрешаются волею мелких придворных сошек.

„Милует царь, да не жалует псарь".

А в остальном:

„Бог на небе, а на земле царь".

И так-же чужд, как по существу своему и своему образу жизни является для землероба живущий непривычным для него укладом царь, так-же чужд ему по существу и царь—бог, в которого, под влиянием исторически—реального развития царской власти, в конце-концов, превращается тот бог, который, как большак, был им создан вначале по образу и подобию своему.

Теперь этот царь—бог окружен всевозможными властями, и к нему и не пробьешься.

„До бога высоко, до царя далеко" [8]).

Вот и старайся ладить с сошками поменьше чином, заботься о том, как бы, угождая богу, в то же время не испортить отношений с другими силами, которые, пока ты богу угождать будешь, тут на месте тебе вдвое всыпят.

Помни прежде всего о чорте.

Поклоняться ему, конечно, не поклоняйся: чорт — исконный враг бога. Бог и его приближенные заметят, — достанется тебе. Да и душу свою погубишь. А все же чорт силен. Сколько бог с ним борется, а победить не может. Так вот, зря чорта не дразни, его напрасно не раздражай: будь благоразумен.

„Бога зови, а чорта не гневи".

„Богу угождай, а чорту не перечь".

Реальная действительность быта приучила ходить с оглядкою и опаскою. Зависишь-то от многих,—это и помни, от этого себя и охраняй.

„Ласковая теля двух маток сосет".

А слишком большое усердие по отношению к одному может вызвать раздражение другого.

---

[8]) У некоторых первобытных народов главный бог—главный лентяй, который ровно ничего не делает и которому, поэтому, и молиться нечего. Не молятся и не приносят обычно жертв главному богу и язычники-чуваши. Только во время бездождия и других общественных бедствий жертвы приносятся и ему. (См. об этом В. Магнитский. Материалы к об'яснению старой чувашской веры". (Казань 1881, стр. 246).

Поэтому-то и усердие следует проявлять только настолько, насколько оно нужно. Не везде и не всегда одинаково.

„По богу и свечка".

В конечном счете все равно.

„Раньше веку не помрешь".

"От судьбы не уйдешь".

„Кому суждено опиться, тот обуха не боится".

„Коли быть собаке битой, найдется и палка".

Иногда гораздо проще взять и покориться:

„Покорись беде и беда покорится",

в награду за то, что ты ей уважение оказал. И все же большак не забывает, что он — большак. Все сделано, чтобы быть в ладах и с богом-большаком, и с царем-богом.

Как будто бы все в порядке.

Но дело-то в том, что опыт показывает, что, несмотря на все это, и святые, и угодники, и сам бог, как будто не больно-то наши молитвы слушают, не больно-то на поповские молебны внимание обращают, а все идет так, как будто бы всех их, вместе взятых, и вовсе не было.

На кого же тогда надеяться?

Да на единственного, кто тебя никогда не выдаст — на себя самого.

„Бог-то бог, а сам не будь плох".

„На бога надейся, а сам не плошай".

Придет пора, и умудренный опытом, землероб поймет, что и на самого себя полагаться нельзя, что коллективный труд ему даст больше, чем его единичный труд, кустарно-растраченный и распыленный в индивидуальном хозяйстве. Тогда он скажет свое новое, вещее революционное слово в зависимости и в связи со „сменой вех" во всем его хозяйственном укладе,

Но чисто по мужицки звучат только что приведенные слова двух последних пословиц и показывают за мнимым ликом церковного и еще одиннадцать лет тому назад официально насаждавшегося российского православия другой облик того мнимо-христианского страсто-терпца и богоискателя, в которого старалась превратить русского пахаря русская интелигентская литература последних дореволюционных десятилетий. В сборнике „Смена Вех", Ю. В. Ключников в статье того же названия пишет: „Русского крестьянина и рабочего соблазнило не то, что он получит в собственность лишних пять десятин земли, и не то, что он сам себе выдаст патент на умеренность и аккуратность в законно-избранном Учредительном Собрании: его соблазнила мысль пострадать за рабочих и крестьян, за униженных и оскорбленных всего мира" [9]).

Хочется хохотать, именно хохотать: до чего оторваны были эти люди от русской действительности, какою сладенькою патокою стараются развести нашу революцию. Им нужно искусство для искусства, богоискание ради удовлетворения „высших запросов духа" и революция в виде добровольного заклания себя на подобие смиренного христа во имя нравственного удовлетворения. Конечно, есть исключения везде и всегда. Но когда берешь русский народ в его отношении к созданному им себе богу, то здесь прежде всего поражаешься той исключительной **практичности**, с которой он подошел к своему богу... Этого бога он воспринимает, как реальность, но ме-

[9]) Смена Вех. Сборник статей, Прага. 1921 г.

нее всего сентиментальничает с ним и перед ним и идет в своих отношениях с ним к строго и определенно намеченной цели. Эта цель — обезопасить себя от напастей, добиться хоть сколько-нибудь сносного существования при условиях по истине кошмарных, когда весь мировой социально-экономический и политический строй по его же представлению был таков, что

„Душа божья, тело государево, а спина барская".

А тут приходит сентиментальная, соболезнующая ему, интеллигенция и „оправдывает" его революцию тем, что ему, будто бы, еще захотелось „пострадать" за благо рабочих всего мира, а вовсе не добиться нескольких лишних десятин земли.

Но страдать хочет русский рабочий и крестьянин и не несколько только лишних десятин земли хочет он получить, — пусть это знают г-да профессора Ключниковы. Он хочет иметь всю власть в своих руках и вместе со всею властью советов иметь все знания, все достижения культуры и техники. Он хочет построить свою жизнь так, чтобы мог обойтись без всяких богов. И без этих богов в конце концов он обойдется.

Вот именно о том, что при неверном представлении о возможности добиться облегчения невыносимой участи путем особых религиозно-суеверных приемов русский землероб все же сохранил здоровый, реально-воспринимавший жизнь ум, не превратился в изможденного аскета, мечтающего о воздаяниях за гробом и отрешившегося от земного, именно о том, что наоборот, он упорно мечтал об улучшении своего **земного** благополучия, — вот о чем говорит нам вся сокровищница русского быта, русских пословиц и поверий, когда мы углубляемся в нее.

5. Боги недоброго порядка.

Наряду с признанием бога, как большака над мировым хозяйством, и чорта, как набольшого его антипода и, вместе с теми наслоениями, которые вносились в это простое представление догматическими хитросплетениями веры, — жившая прежде всего практическою жизнью народная масса не могла не считаться с безконечным числом явлений окружающей ее жизни, и, бессильная пробиться через эту толщу, признавала все их многообразие как факт, все так же стремясь использовать их в своих интересах. Чисто бытовым путем переплелись верования, тысячелетия тому назад возникшие в древнем мире и дожившие до наших дней, с вновь слагавшимися и дифференцировавшимися. В народном примитивном религиозном миросозерцании и мироощущении все—от анимизма, демонологии, первобытной магии и т. д.

Вы найдете осколки всего этого в смешанном виде и притом не ввиде констатирования и созерцания только, а именно и прежде всего в виде активного воздействия на эти силы, в смысле получения от этого воздействия желаемых результатов. Глубокое заблуждение относиться к народным массам, как к какому то теоретику, проповедующему и воспринимающему что-либо.

Пасивно можно воспринимать только безразличное, да и то восприятие обычно пассивно только по внешности. Но если воспринимаемое небезразлично для человека, оно активно и по своим результатам: только рефлексы уходят в глубь и ждут там очереди, ждут времени для действия, ч результаты проявляются не сразу.

Интелигенты типа Ключникова с удивлением констатируют изумительную творческую активность „ленивой“ и „пассивной“ русской трудовой массы. Они проглядели Стеньку Разина, Емельку Пугачева и в действительности никогда не прекращавшийся народный бунт, — они думали, что Илья Муромец — сидень, в то время, как ему достаточно выпить водицы, преподнесенной каликами перехожими, чтобы показать таившуюся в нем исполинскую силу, которая-то и являлась его сущностью.

Огромное количество внешних явлений нашло себе отражение в приеме на учет огромного же числа разных „сил“, от вредного влияния которых себя обезопасить и использовать которые в своих интересах старалась трудовая масса. Не понимая однако истинную сущность этих явлений, быт старался использовать мнимых виновников этих явлений магическим путем.

Принцип все тот же, только способы различны, в зависимости от эпохи и социально-экономической кон'юктуры: надо делать то, что хочется, к чему стремишься, и так как прямым путем ничего не достигнешь, действуй обходным, ловко устраняя на пути к цели творимые тебе незримыми врагами препятствия и самих этих незримых врагов. В конечном результате создавалась своеобразная картина многобожия:

Между небом и землею живут неисчеслимые сонмы враждебных человеку злых духов... Это демоны, черти. С ними волей-неволей считаться придется: говорит же православная религия о мытарствах, по которым пойдет душа после смерти[11]) и где ей будут представляться счета грехов. Но против этой особой борьбы чертей из-за овладения человеческими душами существуют и особые приемы страхования себя от чертовской атаки после смерти. Этим делом, занималась когда-то религия египтян при помощи заклинаний, — „Книги мертвых“. Этим делом, в порядке очереди, занимается и православная церковь, берущая на себя под охрану и защиту души умерших, при помощи отпевания на панихидах, разрешительных молитв и т. д.

Здесь будь только верным сыном церкви, — и за тебя постоят.

Но иначе обстоит дело в обыденной жизни, где тебе приходится выкручиваться самому. Ведь если черти — в воздухе, то на них не может не действовать удар церковного колокола, одна из задач которого именно и заключается в том, чтобы разгонять нечистую силу. Посыпятся черти сверху, а ты — внизу. Следовательно, и на тебя посыпятся. Колокол — то дальше гудеть будет, богослужение пойдет своим чередом, а тебя тем временем облепили черти. Представьте себе только эту картину реально. А для представляющего себе наряду с нашим обычным миром параллельное сосуществование другого мира, также как и здешнего, населенного соответствующими ему живыми существами, эта картина именно реальна, и причина достаточная, чтобы призадуматься и почувствовать себя в лучшем случае неловко.

Но черти—дьяволы не только в воздухе.

Разве вы не знаете, что:

„В тихом болоте черти водятся“?

Да там, где мочаги, топи, ходуны—трясины и крепи—заросли,— в этих таинственных, неприступных местах и живут черти [12]). И при-

[11]) Подробности см. в моих „Загробные ужасы, как черный террор“, изд. „АТЕИСТА“ 1927 г.

[12]) См. С. В. Максимова „Нечистая, неведомая и крестная сила“.

том живут совсем по людски. Живут они там, потому что привыкли... И не просто живут. Здесь творят они свои проказы, и горе тому, кто к ним туда заберется.

Здесь черти женятся (на ведьмах), обзаводятся семьей и размножаются. Они ходят друг к другу в гости, пьянствуют, играют в карты и кости, курят, пьют даже чай и едят картофель. Каждый, во избежание ссор с другими, очертил круг, в котором он полный хозяин. И горе тому, кто заберется в этот круг. Отсюда черти делают вылазки в окрестные селения. Правда, они боятся попов, но все же иногда от их проказ приходится плохо: беда в том, что черти обладают особою способностью принимать вид любого предмета живого и мертвого, то есть являются в виде так наз. „оборотней". Правда, не могут они обернуться козлом, ослом, голубем, петухом... Козлов черти терпеть не могут, ослом не могут становиться, т. к. на этом древнецарственном животном Иисус христос в'ехал в Иерусалим; голубь—это образ святого духа, а петух—птица, кричащая по утру, когда брезжит рассвет, и разгоняющая удобный для чертовских проказ мрак...

„Чорт".

Не превратится чорт и в ладан, т. к. в ужасе бежит от этой святой смолы,—во все остальное он превратиться может. Превратится и под'едет, соблазнит, „попутает".

Бывает и так, что вдруг чорт овладеет человеком. Тот сам не свой... А чорт его потихонечку подталкивает: глядишь, честный человек воровство учинил, здоровая баба кликушею стала, лихорадка или иная болезнь ни с того, ни с другого человека схватила; измается человек, высохнет.

Все эти болезни—от чертей, от дурных поветрий, которые чертями навеяны...

А то еще давятся, топятся люди. И это проделка чертей, как и запой.

Похищают черти иногда новорожденных, заменяя их своим отродьем: мать и не заметит, думает, что это ее ребенок. А в действительности—только облик его, а ребенок не ее. Соблазняют черти иногда женщин, приняв облик мужа, а то и в виде огненного змия к ним прилетают. Одних лихорадок, которые посылают на людей Иродовы дочери, погубившие Иоанна крестителя,—по одной версии двенадцать, по другой до семидесяти. И у каждой болезни есть свой дух.

Это, так сказать, общее указание на существование чертей. Но, вопервых, злые духи, по своей злобности, делятся на много степеней. А кроме того, у многих духов есть своя специальность, с которой приходится очень определенно считаться (домовой, дворовый, водяной, леший, полевой, банник, гуменник, кикиморы и т. д.). У церквя—свой штат добрых и злых духов. Там борьба и почитание ведется по официальной, так сказать, линии. Другое дело, все эти домовые и

лешие: церковь с ними не хочет считаться, причисляя их к остаткам язычества.

А для трудовой массы какой-нибудь живущий у него в избе домовой,—сила гораздо более реальная, чем какой-нибудь чтимый церковью, архангел Гавриил.

Вот и приходится лавировать и получается в конце концов нечто чрезвычайно сложное.

Ошибочно привешивать ко всему ярлыки „христианство", „язычество", „смешение языческо-христианских верований" и т. д.

Быт русского землероба создал у него самостоятельное мироощущение. Откуда бы ни приносились зародыши и материалы, он их перерабатывал в своеобразную самостоятельную систему.

У него был свой подход к окружавшим его силам.

Что это было? Религия? Нет, не только „религия". Так наз. язычество? Христианство? Была прежде всего здоровая классовая борьба за существование и жажды в этой борьбе победить. Общественными заклинаниями он „торопил наступление теплого времени, заботился об исправном цвете хлеба, задавая согласно установленным им приметам вопросы и получал на них ответы от земли и сил природы. Он заклинал семя, чтобы оно скорее дало ростки или „защепилось в поле", и, добавлю я, выносил на своих плечах, что вынести казалось невозможным.

Прав Аненков, которому принадлежат только что цитированные, поставленные в ковычки слова, [13]) когда, между прочим, говорит о том, что „народный календарь есть последовательно проведенный и строго систематизированный ряд сакральных (священных) действий, имеющих целью примирить потребности своего я с неподатливой природой и установить царство над нею человека—богоносца".

Но только опять этот термин „богоносец"! Меньше всего было землеробу дела до того, чтобы в интересах „высших целей" Ключниковых, Аненковых и им подобных нести и сохранять для будущих поколений столь облюбованного ими, близкого им бога. Тут им ничто не поможет, хотя бы они сто раз старались спасти великие „идеалы" от поругания. Принимая этого бога потому, что иначе не мог об'яснить существующего мира, существующих взаимоотношений, этот „богоносец", в то же время, упорно и упрямо вел свою линию и, якобы, служа этому богу, служил ему ровно настолько, насколько это ему казалось нужным и только для того, **чтобы заставить этого бога действовать так, как этого хотел он, смиренный „раб божий"**.

В конце концов, кто кому служил? Над этим стоит подумать!

6. Болезни вообще.

Особо опасную угрозу представляют для трудового человека болезни.

Болезнь затяжная, болезнь, выбивающая из колеи и надолго затем прилипающая к человеку—страшнее смерти.

„Смерть одна, а болезней тьма".

Болезнь—напасть. И как что-то, что с особенной тяжестью обрушивается на крестьянское хозяйство, землероб, поэтому, ее—то и приписывает злым духам, чертям в первую голову.

[13]) История русск. литературы под ред. Е. В. Аненкова и др. Статья „Народная поэзия и древние верования славян". Т. I, ч. I, стр. 69, 77.

Эти болезни часто насылаются на человека недобрыми людьми, при помощи нечистой силы.

Есть ряд приемов, которыми можно „испортить“ человека. Его можно и „сглазить“.

Прежде приемы эти были распространены; знали, к кому обратиться. Теперь вы не так легко натолкнетесь на спецов, знающих, что нужно делать, чтобы испортить человека, или, хотя-бы, таких, которые бы вам указали, к кому следует с этой целью обратиться.

Но спецы сохранились и теперь. Всего три года тому назад мне пришлось в Тульской губ. натолкнуться на случай, когда человек вполне интеллигентный и городской, обуреваемый страстью, обратился к местной колдунье для того, чтобы при помощи чар разлучить супругов, и потом помочь ему в его домоганиях. Но колдунья была хитра. Человек это был видный, и для того, чтобы не испортить себе карьеры, колдунья, учтя это, за десять рублей взялась только за то, чтобы при помощи чар установить, можно ли в данном случае надеяться на успех.

Эти десять рублей были ей уплачены и в конце сеанса, в течение которого она разводила какой-то огонь, что то варила и мешала и во что-то велела смотреть она заявила, что в данном случае имеются силы, более сильные, чем она, справиться с которыми она не может, а потому за дело о поселении между супругами неладов не берется. Но те, кто направили несчастного влюбленного к колдунье, божились и клялись, что она десяткам людей помогает, и что ее отказ означает выстую добросовестность: зачем заставлять человека тратить время и деньги, раз ничего сделать нельзя?

„Другая бы морочила“.

Умная „колдунья“ учла, что получить десять рублей сразу выгоднее, чем получать по рублям—двум несколько раз, ничего, в конце концов, не делая. Десять рублей, полученных за „консультацию“, остались у нее, и при ней же осталась нерастраченная слава о том, что если она за что берется, то помогает, за то за дело не берется, раз ему помочь нельзя.

Но если такие вещи творятся в уездном городе, в двенадцати часах езды по железной дороге от Москвы, то что же делается там, где железных дорог нет и откуда „хоть три года скачи—никуда не доскачешь“?

Как было сказано выше, не только народные верования, но и православная религия пространство между небом и землею наполняет чертями.

Нет ничего удивительного, что, согласно поверьям отдельных местностей, там же, в доме из железа и стали, с медными дверями, 12 замками, наложенными на них от бога печатями и ключами, у дьявола находятся и болезни.

Прогневавшись на человека, бог, де, посылает болезнь и направляет ее на человека. Не везде так конкретно представляют себе заболевание человека. Но обратите внимание, что конечным распорядителем, насылающим на человека болезнь. является все тот же бог...

Пусть тот или иной верующий поймет, что железный дом в воздушном или безвоздушном пространстве наверху—абсурд, или, скорее, просто сказка, пусть он отречется от этого железного дома, как от нелепости, но он оставит, как истину, распоряжение бога болезнью.

Пойдем дальше. Докажем верующему, что подобное представление о болезнях—вообще нелепо: болезни от микробов, и вовсе не надо посылать ангела в качестве посла к дьяволу, и дьяволу вовсе нет необходимости выпускать болезнь, чтобы человек заболел.

Верующий в конечном счете и на это пойдет. Но распоряжение бога бациллами он вам не отдаст, и по прежнему будет верить, что все—от бога; главнокомандование бога он не устранит. Ваши бациллы, сами по себе, бога у него еще не отнимут.

Рационализм и доказательства, как уже говорилось выше, не достаточное оружие в борьбе против религии и суеверия.

У последних слишком много запасных выходов и потайных уголков, где они могут укрыться для охраны своих коренных устоев. А этих коренных устоев вы не тронете бациллами или тронете только у того, кто недостаточно глубоко и основательно проникся стройным взаимоотношением целого. Взгляд на болезнь, как на наказание за грехи, распространен настолько, что про выздоравливающего во многих местах говорят „бог простил".

Но пусть болезни и от бога, а все же встреча с болезнью явление неприятное.

Только тремя болезнями человек, по суеверно-религиозному представлению, заболевает естественным путем: простудою, натугою и старостью. Все остальные болезни насылаются и пристают по воле бога и по наветам нечистой силы.

Возьмите старость,—она естественна, ее не избежишь. И огромное количество болезней валится на эту старость и когда умирает старик, то и смерть его валят на старость.

Но даже и тогда, когда болезнь кажется понятной и естественной и приписывается простуде, даже тогда ее истинная причина искажается под влиянием неверного представления о процессе жизни на земле вообще.

Крестьянин привык ходить босиком и если он, встав потными, например, ногами на холодный пол и простудившись, от этого заболеет, начнет кишлять, то он менее всего поставит этот кашель и эту простуду в связь со своими босыми ногами.

Теперь уж редко близ городов такое верование, но всего каких-нибудь 25 лет тому назад оно еще было широко распространено: если прошелся голыми ногами по избе и стал кашлять, то это от того, что, значит, попал на этом полу на следы там же прошедшего „домового". Чох, насморк у тех, кто ночью воды напился, не перекрестившись. Заболел человек чахоткой,—это ему „недобрик" в рот надыхал. Плачет, кричит ребенок,—это „ревун", „щекотун" или „крикса"—особые духи напали на него. Произошло у женщин „затворение кровей" или у женщины—„безвремение",—неправильные менструации, появилась у бабы так наз. „ложная беременность",—все это еще для очень многих—проделки бесов. Вздуло губу—бес в нее залез, страдает человек падучей болезнью—бес в нем сидит. Отдавила лошадь парню в ночном ногу—бес, обернувшись лошадью, это сделал.

Бесы же подталкивают вашу руку, чтобы вы вместо полена, хватили топором по пальцу и т. д.

Желудочно-кишечные заболевания приписываются чему угодно, но только не пище. Холерные бунты в девяностых годах прошлого столетия вызывались убеждением, что при помощи всевозможных приемов врачи и злые люди нарочно напускают холеру и портят воду.

Что вода—источник заразы,—было ясно даже для самого темного. Но воду-то кто испортил? И таким же путем из самых верных наблюдений делались неверные выводы, которые определяли и всю дальнейшую линию поведения, согласно основному, капитальному, довлевшему во всей своей силе миропониманию.

„Суеверные воззрения народа часто обнимают собою и касаются таких мелочей, что, будь они направлены в разумную сторону, они не свидетельствовали бы только о бесплодной пытливости ума, а делали бы большую честь народной наблюдательности“ [13]).

Кто нибудь заболел. Доктора с больным „валандаются“.

„Коли их слушать, так и сама то заморишься, за больными ходючи, да и снадобья-то их не больно способно потреблять“.

„Валандаться“ в крестьянском хозяйстве некогда. Болезнь надо сразить сразу, одним махом.

Нужны чудотворцы. Нужны силы сверх'естественные, могущие предупредить болезнь, т. е. такие, которые сами сильнее болезней и от воли которых эти болезни зависят.

И опять раздвоение между официально-церковной стороной и тою, в которой приходится разбираться без церкви.

„Нечего на зубы положить, так имешь ворожить“.

И так как в насылке болезней, как мы видели, принимают участие силы разного порядка (и бог, и черти), то с этим приходится считаться, умея воздействовать как на тех, так и на других.

Не надо упорствовать в глубоко неверном представлении, будто бог в бытовом восприятии—сила добрая, а бес всегда сила злая. Этот взгляд усиленно проводится религиями иудейской, христианской и магометанской. Мифы о бело и черно-боге, опять-таки, мифы определенной эпохи: Русский быт знает доброго чорта и „злого“ святого Касьяна, который „на что взглянет, то вянет“. Бьющую его палку быт воспринимает именно как палку, и, чуждый философии богоборчества, только озабочен вопросом, от того ли конца палки он обороняется, который его бьет и как бы не ошибиться в этом отношении, и неумело обороняясь от одного, не навлечь на себя еще и гнев другого. Палка бьет—и только. Надо сделать так, чтобы не била. Вот и все. А в белую, черную ли краску выкрашен бьющий конец,—до этого у него дело только в вышеуказанном, чисто-практическом смысле: как бы не ошибиться. Есть еще одна опаска: это привитая быту с течением времени искусственно убеждение, что в конечном результате непременно побеждает добро, почему злым силам, сверх необходимо-нужного почета, уважения оказывать не следует.

Добро и зло он одинаково видел и от бога, и от чорта. Даже болезни он получал от обоих.

Оставляя пока в стороне вопрос о мерах, при помощи которых быт защищается от болезней, о чем речь впереди, необходимо указать, что вторжение беса в человека для ввержения его в болезнь иногда принимает своеобразный характер.

Бывает так, что обернувшись, например, мышью, нечистая сила проникает к вам в кишки и там ползает. Вот один из таких рассказов, над которым вовсе не приходится смеяться, если принять во внимание, что только в 1913-м году святейшим синодом, т.-е. высшим

---

[13]) Д-р Попов. Русская народно-бытовая медицина. Стр. 45.

церковно-правительственным учреждением тогдашней России, официально была признана чудотворною обновившаяся в Свияжске, в семье Лебедевых, икона Казанской божьей матери, причем одним из главных зарегистрированных „чудес" было то, что когда одна старушка, у которой „около 30 лет под сердцем, как бы квакала лягушка", приняла внутрь немного масла из лампады от чудотворного образа, у нее началась рвота и „вышел из нутри червяк",— а лягушка в ней впредь квакать перестала. [14]) Если кваканье лягушки в человеке могли подтверждать ученые митрополиты и епископы, заседавшие в св. синоде, то удивляться ли, что уже в душевной простоте один больной рассказывает следующее. [15])

„У меня в брюхе жила нечистая сила мышью: как зачнет, бывало, она ползать там по кишкам, живот станет дуться, того гляди, лопнет. Я уж и гашник, и пояс распущу, да без памяти по избе катаюсь. А тоска, во, какая бывала: чисто пред смертью. А как зачнет к глотке подползать, так и чую, как в шерсти ворочается, трет, во (в горле). Кабы не один человек, давно бы меня эта нечисть доканала. Присоветывал он мне корень пить, от порчи, девять их, а самый главный—Адамова голова прозывается, потому, что он прям, как голова человечья и образину имеет такую, даже борода есть. Этот корень надыть было напослед всего пить, и дюже тяжело мне сделалось: ни пить, ни есть, а гадина в брюхе еще злее лазить стала. Мать и жена так и думали, что я кончаюсь и за попом послали, причастить меня. Тут, с обеда зачал я блевать и как раз, как попу приехать, еще пуще затышновал и выблевал мышь, как есть в шерсти, и сразу мне легостно стало". (Орловск. губ. и уезда).

Суб'ективные, об'ективно не проверенные ощущения (до проверки ли?), полное невежество и непонимание истинных причин и сущности заболеваний и такое ясное и привычное представление, все приписывающее божьей воле и нечистой силе!.

Бесплодие, отвращение молодых друг к другу, женские болезни, столь частые в деревенском быту, благодаря несоблюдению элементарных правил отдыха в до и по родовой период, незнакомство с правилами половой гигиены, вся совокупность предоставленного самому себе отдаленного от центров быта творила и еще продолжает творить свою борьбу, свою оборону от злых сил и духов. Можно оговорить человека (так наз. озык), сглазить его... Наскочит на тебя „притка" (всякая внезапная болезнь), выбьет тебя из колеи в самую неподходящую пору, прилепит ее к тебе „насильный бес",—вот и возись. Как быть, что далать? А вед у каждого в течение суток свой худой час, когда болезнь и зло особенно пристает.

„Голь на выдумки хитра".

И не менее хитра на них грозящая человеку внешняя беспомощность.

Не довольствуясь молебнами о здоровье, призыванием помощи всевозможных целителей, официально рекомендуемых церковью, быт строил свои баррикады против посягающих на его благополучие злых сил. Между прочим, ему давным-давно, задолго до того, как это узнала медицина, была известна и роль массажа, и роль вну-

---

[14]) См. М. Пазерский „Чудотворные иконы" Гос. 1923 г., стр. 125.
[15]) Д-р. мед. Попов, „Русская народно-бытовая медицина", 1903 г., стр. 31.

шения. [16]) К тому и другому издавна прибегали его целители—знахари.

7. Лихорадки.

Повышение температуры при некоторых заболеваниях, озноб, которым болезни часто сопровождаются, заставили быт все эти болезни выдвинуть в особую группу. Не разбираясь в деталях, он все их называет лихорадками, лихоманками, огневицами, горячкой.

Согласно общему бытовому миросозерцанию, непосредственною причиною лихорадок этих — являются 12 дочерей царя Ирода (по другой, менее распространенной версии, их 70). Стали ведать Иродовы дочери лихорадками после того, как, пришли на могилу казненного царем Иродом Иоанна Крестителя; земля под ними расступилась и они живьем провалились в ад.

Св. Сисиний и 12 трясовиц.

Поступив, таким образом, за грехи отца в распоряжение сатаны, они этим последним посланы на принудительные работы и должны теперь мучить указанных им людей: это они-то и являются лихорадками. Не поймешь только, чем несчастные люди виноваты, если Ирод прогневал бога и почему, в наказание за его грехи, его дочери должны не сами мучиться, а других мучить?

---

[16]) Д-р. Попов в уже цит. соч. говорит на стр. 87: „Достойно удивления, что эти два метода лечения (внушение и массаж) сделались достоянием научной медицины лишь в самое последнее время, тогда как в медицине народной они практиковались и существовали целые столетия. Поразительно также то, что методы эти пришли к нам с Запада, тогда как столь давно были у нас, можно сказать, под рукой: таковы результаты пренебрежительного отношения и недостаточного изучения народа".

Имена этих 12-ти Иродовых дочерей называют по разному, и все отмечают разные свойства и проявления лихорадок.

Вот одна версия этих имен, этих 12-ти „трясовиц": трясовица Огнея, Гнетея, Знобея, Пухлея, Скорохода, Трясуха, Дрожуха, Говоруха, Лепчея, Сухота, Невея.

Но уже в той же „Народной Словесности", из которой (т. 1 ч. 2 статья Аненкова „Поэзия заговоров и заклинаний") мы взяли вышеперечисленные в другом месте, в виде подписи под картиной, 12 трясовиц, встречаем другие имена: Трясовица, Медия, Гарустоша, Коркуша, Коркодия, Желтодия, Люмия, Секудия, Пухлея, Чемия, Немодия, Невия.

В целом ряде заговоров, при помощи которых эти трясовицы изгоняются, приводятся другие имена и, так как не всегда понятны, то тут же об'ясняются.

Вот один из таких заговоров и заклятий:

„Во имя отца и сына, и святого духа. Аминь. Сидящие св. отец и сын на горе Елеонской, а под дубом 12 дев трясовиц. И рече господь: окаянные дьяволницы, кто вы и куда идете?—И отвечала одна из них: мы есть трясовицы, Ирода царя дочери, идем мучить ваш род человеческий. Услыша это, сын божий глаголя: боже, избави твой род человеческий от окаянных дьяволиц молитвами архистратига Михаила и четырех евангелистов, Матфея, Марка, Луки и Иоанна Богослова. Их же окаянных поймаша и мучили железными дубцами и даша им множество ран, а оне, дьявольницы, глаголаша: св. ангелы и архангелы и св. евангелисты, не мучьте нас: где имена ваши славные будут, того ради будем от тех людей бегать за три поприща. Св. отец Сисинний, с ангелами, архангелами и св. евангелистами спросили: окаянные дьявольницы, как имена ваши рцыте (скажите) нам. Первая рече: мне имя Трясуха, вторая—Знобуха, зноблю человека всего, и тот не может в печи согреться; третья—Ломуха, ложусь у человека в голове и закладываю уши, и глух; четвертая—Простудна, ложусь у человека под ребрами; пятая—Корхотия, ложусь у человека под дыханием и если он вкусит чего, то его сорвет; шестая—Коркуша, от рук и ног жилы свожу; седьмая—Лостения, ломлю у человека все кости; восьмая—Желтуха, как желтые цветы в поле, так и человек желтеет; девятая—Утробница, нагоняю на людей опухоль; десятая—Полюбия, ночью спать не даю и к себе не допускаю, из ума человека свожу; одиннадцатая—Серпужа, свожу жилы в одно место; двенадцатая—Невианна, я есмь всех лютей и проклятей из дочерей Ирода царя—усекнула главу Иоанну Предтече. Не будет человек имет, вреда от той болезни, кто носит эту молитву, в чистоте на здравие тела и на отогнание болезни. Взять крест с болящего, положить в воду, и дать ему выпить, во имя отца, и сына и св. духа. Аминь". (Орловской губ. и уезда). [17])

Наивны эти распросы трясовиц „всемогущим" и „всеведующим" богом. Недурны евангелисты, ангелы и архангелы в роли палачей... Но главное—и в этом вся сущность этого заклятия—установление такого порядка, чтобы могучие дьяволицы сделались послушнее ягнят.

Оказывается, что они обещали не мучить тех, кто будет произносить имена их, Иродовых дочерей, собственных святых мучи-

---

[17]) Д-р Попов, цит. соч., стр. 238.

телей. Произносящий заклятие и прибегает к этим именам, а поэтому должен быть победителем.

В другом заговоре, где „окаянные дьявольницы" названы: Ужна, Трупноломия, Трясовица, Духея, Лопия, Лоспея, Пухлея, Желтудия, Нелюбия, Корхуша, Серпугла, Везияна, заклинатель им грозит: „аще не побежите, то призову на вас архангела Михаила и даст он вам по многу ран во веки веков. Аминь"...

8. Защита от болезней.

Заговоры, в роде вышеприведенных, составляют знание и силу особых сведущих по этой части людей. Это так называемые ведуны, знахари. Множество причин. о которых нет возможности распространяться, заставляют этих знахарей играть важную роль в жизни деревенского быта.

Взгляд на болезни, как на насыл от дьявола и на божеское наказание, заставляли прежде всего обращаться к казенной церкви.

Там предупреждения и исцеления от болезней производились спецами — святыми и каждый святой ведал какой либо специальностью.

Лечат болезни вообще: архангел Рафаил, великомученики Агапит и Пантелеймон целитель.

От зубной боли лечит св. Антип, облегчают роды св. Екатерина и Федоровская богородица, от блудной страсти лечат преп. Мартиан, св. муч. Фомаида, да преп. Иоанн Многострадальный. Гурий, Симон и Авив помогут жене, если ее не возлюбил муж, а при бессилии на помощь придут Игнатий и Роман. От детской оспы предохранит св. Конон, от порчи—Киприан или Перетиния. От трясовиц спасет преп. Марой или муч. Фотиния — самаритянка и т. д. [18])

С древних пор привык народ в разных святителях и чудотворцах видеть своих целителей. Так было с преп. Антонием, св. Дамианом, Алимпием, Агапитом Печерским, с Пименом постником и проч. Московский митрополит Алексей вызывался в 14 в. даже в Золотую Орду для исцеления жены хана Хайдулы. А в памяти современного поколения — обращение за лечебною помощью ну хотя бы к Иоанну Кронштадскому...

Один из приемов, — это **передать** постигшую болезнь другим. Существует немало так называемых симпатических средств в этом отношении. Но вот способ передать детскую криксу.

Знахарка несет ребенка под куриный насест, читает Вотчу (отче наш) и говорит курам: „куры рябые и куры черные, куры красные и куры белые, возьмите вы иванову криксу и дайте спокой рабу Ивану и денной, и ночной и полунощный". Сказать до трех раз и три раза плюнуть.

А то можно отогнать болезнь и „запугом".

Вот как лечат, например, в Новгородской, Вологодской и Орловской губ. утин (поясничную боль). [19])

---

[18]) Подробнее об этом см. у Ф. Путинцева — „Происхождение религиозных праздников", а также у В. Даля — „О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа. Изд. Вольф, 1880.

[19]) Д-р. Попов, стр. 71.

Больной ложится на пороге избы с обнаженной поясницей. Знахарь замахивается топором и прикасается ею к пояснице больного. Присутствующее при этом другое лицо спрашивает: „что ты делаешь?“ Знахарь отвечает: утин рублю. — Руби его больше, чтобы и близко не было, — отвечает 2-й и знахарь начинает махать, запугивая болезнь.

Это ли не остатки шаманства?

„Недопечонного“ утробою матери, слабого ребенка приходится „перепекать“. Призывают бабку — знахарку, затапливают печь, бабка сажает ребенка на хлебную лепешку и до трех раз подносит к печи. Разыгрывается целая сцена, — ребенок перепечен, после чего „собачья старость“ (рахит) особым образом передается покрытому решетом щенку, а ребенку предстоит расти и процветать нормально.

И поднося его к печке и поднимая как можно выше, бабка торжествует.

„Будь теперь, мой внучек, в столб вышины, с печь толщины“.

Как мы видим, это перепекание в сущности является той же передачей болезни (слабости) другому (щенку).

Когда больной горячкой начинает бредить, зажигают прутики вереска и стегают ими больного по ногам, прогоняя болезнь.

От некоторых болезней прячутся самым настоящим образом. Так, в некоторых местностях, в предупреждение холеры (Владимирской Орловской, в б. Вятской губ.) залезают в бане на печь, притворяются больными, мечутся и стонут, а затем притворяются мертвыми: болезнь придет, подумает, что ей здесь нечего делать и уйдет.

Оспу иногда стараются обмануть тем, что на дверные скобки вешают замки: дома нет, проходи мимо!

В некоторых местах стараются „задобрить“ болезнь. В частности так поступают с оспой.

Для этого нарочно ходят с ребятами в гости к заболевшим оспою, парят одним и тем же веником. Придя к заболевшему оспой ребенку, кормят больного принесенною булкою или кренделем и, кланяясь в землю, приговаривают:

„Сударыня — восьпица, приди к моему Ванюше, (Маше, Пете) милостивая да жалостливая, не мучь, не увечь, а пожги и уйди“.

Это — хитрость, своеобразная прививка сыну болезни: сама или сам прошу, сама зазываю гостью, сама прививаю болезнь. За то задобрю, — не такою лютою будет.

К сожалению, эта доморощенная прививка производит действие, как раз обратное прививкам вакцины Дженнера. [20])

Во Владимирской губ., для страхования себя от „огневиц“ еще не так давно ходили в лес: относили „оброк“ лесовому и просили его, чтобы он укрыл от огневицы. В этой же губернии, по словам д-ра Попова, с больного сжигали одежду и бросали в топящуюся печь лепные изображения из глины той части тела, которая больна.

Не надо только думать, что одежду сжигали для обезвреживания ее: это была **жертва огню**, наряду с водой и землей считающимися особо святым. (Земля в Благовещение, в Успеньев день и на Симона Зилота, по бытовому поверью, даже именинница)

---

[20]) Английский врач, Эдвард Дженнер, в конце 18-го столетия открыл прививку оспы.

Во время эпидемий в некоторых местах живьем зарывают в землю собак, кошек и ягнят.

Иногда, чтобы вылечить от лихорадки, берут с 12 различных деревьев кору, замешивают с мукой и пекут 12 пирожков. Пироги бросают на перекрестки дорог и при этом произносят: „двенадцать сестер, берите все по пирогу и не ходите к больному" (Грязовецкого у., Вологодской губ.).

Как мы видим, — это чистого вида жертвоприношения, не прикрытые никакими фиговыми листами.

А для того, чтобы окончательно сбить лихорадку с панталыку и отвадить их от себя, произносят заговор: „Марья Иродовна, приходи ко мне вчера". Честь честью, даже по имени и отчеству.

В девяностых годах прошлого столетия, во время холеры был случай: заподозрили одного знахаря в том, что он напустил холеру. Хотели его избить, но ему удалось скрыться. Тогда вычерпали из каждого колодца по 40 ведер и вылили ее на задранного над колодцем петуха, взятого со двора, где знахарь ночевал.

Чтобы легче протекали роды, открывают, по соглашению с священником, царские врата в церкви и развязывают на роженице все узлы (тогда и она скорее развяжется). Верят, что желтый янтарь предохраняет от желтухи; что надо раньше обувать правую ногу, чтобы быть здоровым: с правой стороны ангел-хранитель, с левой бес, которые при рождении даются человеку в спутники; вот почему правой стороне надо оказывать предпочтительное уважение. Прокалывание ушей у детей спасает, якобы, от золотухи, а ношение в левом ухе серьги мужчинам и—лучшее предохранительное средство от грыжи.

Внезапно заболев, проси прощения у земли в том месте, где заболел, а то и у воды, с соблюдением ряда обрядов.

Хорошо бывает, если заболеет ребенок, сбегать к просвирне, чтобы она помяла ему брюхо той печаткой, которой печатает крестики у просфоры.

Иногда же просто покорись болезни, не противься ей, не раздражай ее,—тогда она станет добрее и тебя в покое оставит.

Когда постигают человека такие болезни, как „порча" или „сглаз", не худо подвергнуться для излечения процедуре отчитывания; это отчитывание совершается или домашними средствами или же, чаще всего, странствующими монашками и знахарями начотчиками, славящимися своею богоугодною жизнью.

При очтитывании читаются: Отче наш, Царю небесный, Достойно есть, „Да воскреснет бог", а также отдельные места из „Слова божия" — библии или евангелия. Существуют с этой целью и специально-составленные молитвы, большею частью апокрифического содержания. Больной проходит целый курс лечения: начотчик несколько раз в день и по несколько часов читает над ним установленные молитвы, кадит ладаном и обрызгивает его святою водою. При этом соблюдается строжайший пост (диэта). Больному не дается ничего, кроме просфор и воды.

Для отчитывания буйствующих („бесноватых") существуют даже особые широкие скамейки с четырьмя ременными петлями, в которые вдеваются руки и ноги „бесноватого", держащие его в лежачем положении лицом вверх. Глубокий обморок считается разлукой души с телом. Иногда на такого обморочного надевают чистое белье и его самого кладут на лавку, как покойника.

Кто знает, вернется ли его душа с того света? Эта душа, по убеждению быта, бродит в данную минуту по раю и аду. Чистое белье необходимо, чтобы душа не побрезговала вернуться назад в тело, когда вернется на землю из своих странствований.

Только туго просачивается в широкие массы вера в силу дезинфекции и санитарных мер.

Это крестьянину-то да бояться грязи?

„Как бы болезни от вони, да грязи заводились, то на свете и людей-то не было бы: давно все перемерли"!

Техническая неприспособленность, экономическая необеспеченность, искуственно поддерживавшийся прежде низкий уровень знания, полная материальная необеспеченность и неуверенность, наряду с отдаленностью от железных дорог и водных сообщений, распутицы и бездорожье мало годились для того, чтобы противопоставить суевериям силу науки, гигиены.

„Раньше люди дольше нашего жили, а премудростей этих не знали".

Ведь, в конце концов, опять-таки все тот же бог.

— Бог не выдаст, свинья не с'ест.

И, не прекращая запрещенных врачом сношений с заразно-больными и не принимая указанных предохранительных мер, быт опять ссылается на божью волю:

— Кому умереть какою смертью и когда—бог на роду написал".

— Чему быть, тому и быть, — того не миновать.

Но разве эта ссылка на бога не военная только хитрость, чтобы избавиться от надоедливо предписываемых и кажущихся мелочно-ненужными приемов санитарии и гигиены. Разве, прибегая ко всякого рода заклятиям и тем приемам, которые выше описаны, быт везде и всегда так терпеливо ждет и безропотно лезет в петлю?

Нет, он устраняет опасность ему доступными и кажущимися могущественными приемами. Он борется и его покорность — только тактический прием для отвода глаз.

Большое значение придается земле, взятой с могил близких и родных. Эта „родительская" земля, если, к тому же, „она взята с семи могил, укрывающих заведомо добродетельных людей, спасает всех родичей, оставшихся в живых, от всяких бед и напастей", [21])

Покойника зовут „голова". Ему почет и уважение, он сейчас здесь старший, о нем позаботятся, постараются сделать все, чтобы душа его „успокоилась" и чтобы ему было на том свете хорошо.

А за это, пусть же и он не забывает близких и оказывает им посильную помощь... Во всяком случае пусть не мешает живущим делать свое дело:

— Спящий в гробе мирно спи, жизнью пользуйся живущий... (Жуковский).

Роль знающего человека-знахаря, умеющего приступить к болезни, — в глазах быта велика.

Ведь „на всякую болесть зелье выростает".

И „кроме смерти, от всего вылечишься". [22])

Все дело, следовательно, в том, чтобы найти соответствующее зелье и правильно его использовать.

---

[21]) Максимов. неведомая сила.

[22]) См. В. Даль. Пословицы русского народа.

Врачи не годятся: — у тебя голова болит, а он тебе не голову лечит, а снадобье внутрь дает.

Самое первое, — это вообще болезни не поддаваться. (Против божьей воли пойти!!).

„Хоть ломайся, да обмогайся, — сляжешь — хуже разломает".

Взять хоть холеру:

„Кто не боится холеры, того она боится".

А в общем:

„Горшок на живот — все заживет".

Вот, например, лечение „соячныць" (расстройство желудка), украинскими бабами-шептухами, наряду с другими записанное мною много лет тому назад в Киевщине

Больного кладут на спину; на живот ставят миску с водой, куда кладутся нож, ложка, несколько веретен; в небольшой кувшин бросается зажженная пакля и кувшин этот переворачивают в миску с водой, отчего в кувшине происходит клокотание. При этом пришептывают.

„Помолюся господу богу, прычысти святи матери и всим святым: буду бога молыты и прохаты и всих святых до помоги зваты, щоб ишлы новорожденному, молытвенному хрищенному (имя реку) соячныцы захвораты, пошыптаты и вогнаты". (Это шептание надо повторить девять раз). Здесь часто важна встряска, впечатление, производимое лечением на больного. Разве мы не знаем, как выздоравливали больные от того, что выпивали немного aqua distillata (дистилированной воды), которую, под видом лекарства, дал им врач.

Быт не любит болеть.

„Поддайся одной боли, да сляг, -- другую наживешь".

И он крепится до последней возможности.

„Барское здоровье — мужицкая болезнь".

„Не мужицкое дело болеть, а барское".

Но уж за то, заболев, он требует „настоящего" лечения, не какими-то там „капельками". Уж коли он болен, так, значит, серьезное, важное событие с ним приключилось. И лечение должно быть на высоте и уровне этого события и его хозяйственной важности для больного.

Тут не каплями, да микстурами сладенькими лечи, и не по столовой ложечке. А лечи так, чтобы была встряска не только для тела, но и для души... Не мимоходом, не мелькòм загляни к больному, а отнесись к нему с тою же значительностью, с какою он относится к болезни, которая сумела его сломить. И эту психологию знают и учитывают знахари. И вот почему врачу, элементу из другого мира, не заменить и не вытеснить во всем об'еме знахаря до той поры, пока твердыня старого быта не будет разбита в ее коренных устоях.

Знахарь лечит не только тело,—он дает изолированному, благодаря болезни, от общего привычного бытового уклада больному то, что продолжает соединять его с этим укладом и при всей неключительности обстановки и положения все же делает его, больного, плотью от плоти окружающего его быта, вырывает его из когтей ощущения одиночества. И больной благодарно тянется к знахарю, умеющему лечить не только данную болезнь, но, прежде всего, поддержать такого выбитого из общего хода хозяйственной жизни, в минуты болезни ненужного и остро эту ненужность ощущающего человека.

И знахарю быт верит. На что серьезные болезни — сибирская язва и чума. Опыт, кажется, должен был бы доказать все бессилие в этом случае знахарей. А между тем каких-нибудь 80 лет тому назад и эти болезни лечили знахари. Правда, бессильна была лечить и предупреждать в те времена эти болезни и медицина. Но заговоры знахарей казались все же настоящим средством, т. к., якобы, отгоняли духов болезни, в существование которых верил быт, в то время, как медицина только лечила (а, следовательно с духами не боролась).

Вот заговор от чумы:[23])

„Уроки-зволоки! Помолимся господу богу и божией матири и недильницы святый и пятници, и Миколаю и пресвятый богородици. Уроки, урочищи! мужицки, жиноцки, парабоцки, хлопячи, дивчачи. И подумати и погадати: витряны и водяны, пидзорни, пидстретни. Летив ворон з чорными когтями, з чорными великими кигтями. Изними з раба божиего Осипа черные крови, жовтые кости; раздвои чорные кигти и чорные прокигти; понеси по метлам, по очеретам, по болотам; растаскай, разволочи, во веки веков, — аминь". (Саратовская губ.).

Чуму,—ворона с черными когтями, посылают на болота, застоявшиеся воды и т. д., где, как уже было указано выше, по народным поверьям живут черти. Другими словами: ее, насланную злыми духами-чертями, отсылают силою заговора обратно к этим чертям. Быт верит в магическую силу правильно сказанного знающим и сильным знахарем слова. И эта вера в ее основах таже, которую подхватила и усвоившая ее философия гностиков с их знаменитым:

„В начале было слово".

9. Опахивание.

Одним из широко-распространенных приемов предупреждения опасных для жизни болезней,—мора и падежа людей и скота (коровья смерть), является так называемое опахивание.

Наблюдать приемы опахивания, благодаря особенности обстановки, которою они сопровождаются и той опасности, которая связана с таким наблюдением для наблюдателя,—приходится обычно издали.

Дело в том, что все живое, что во время опахивания попадается процессии навстречу, признается именно за воплощение той смерти, от которой совершается опахивание. Думают, что смерть при помощи хитрости старается остаться нетронутою. Попавшаяся навстречу собака, кошка и даже сам приходский поп будут избиты до полусмерти, ибо это не собаки, не кошки и не поп, а смерть, только принявшая вид собаки, кошки и попа.

В дореволюционное время нераз возникали уголовные преследования не в меру усердных опахивателей, вернее, опахивательниц, так как почти повсеместно и за редкими исключениями в этом обряде принимают участие исключительно женщины.

Опахивание совершается ночью, потихоньку, так, чтобы о нем никто не знал, что составляет, так сказать, его официальную сторону. Все **должны не знать**, хотя бы и знали. В обряде участвует по меньшей мере девять девушек и три вдовы [24]).

---

[23]) См. А. Терещенко. „Быт русского народа". Спб. 184 г. ч. I стр. 233.

[24]) Максимов. Неведомая сила. Несколько в другом виде при участии не только женщин, производилось опахивание среди не русского населения, напр. чувашей. Об этом см. В. Магнитский „Материалы к об'яснению старой чувашской веры". Казань, 1881, стр. 135—136.

Пробравшись за околицу и выйдя в поле, раздеваются и остаются только в рубахах. Женщины повязывают голову белыми платками ,а девушки развязывают косы и распускают волосы. По общему выбору и приговору на одну из вдов надевают хомут и впрягают ее в оглобли (обжи) сохи.

Во многих местах требуется, чтобы впряжена была непременно беременная женщина. Еще одна из вдов берется за рукоятку и обе начинают косым лемехом разрывать и бороздить землю. Часть участниц процессии помогает тащить соху, а вдовы в прорезанную борозду сеют песок. В это время остальные девушки и вдовы (замужние не всегда допускаются, как „нечистые"), идут за сохой с кольями, палками, сковородами, заслонками, чугунами. У девяти девушек девять кос, в которые они производят беспрерывный звон. Звонят, кричат и поют изо всех сил, т.-к основная цель—запугать и прогнать смерть. Обходят околицу по огородам и гуменникам, обводя селение чертой.

На перекрестках отпахивают крест. Взвинченные, опьяненные, с лихорадочными глазами идут потом по улицам села, избивая все, что попадется на пути. Завидя их, все прячется, а выбегающим на шум собакам приходится плохо. Черта ограждает село от смерти, реже от пожара и т. п., что является, в сущности, уже уклоном и наслоением.

В некоторых местностях этот обряд совершается в строго определенные дни: в Калужской губ., например, смерть гоняли под праздник неполовения (половина дней между пасхой и пятидесятницей). В некоторых местах Пензенской губ. обряд опахивания совершался на „Красную горку". В Болховском уезде Орловской губ. „коровью смерть" гоняли после Петрова дня.

Вот тексты песен, которые поются во время опахивания:

„Смерть, выйди вон, выйди с нашего села, изо всякого двора. Мы идем, девять девок, три вдовы. Мы огнем тебя сожжем, кочергою загребем, помелом заметем, чтобы ты, смерть, не ходила, людей не морила. Устрашись, посмотри, где же это видано, что девушки косят, а вдовушки пашут" [25]).

А вот другой текст песни: [26]).

„Вот диво, вот чудо: девки пашут. Бабы песок рассевают. **Когда песок взойдет, тогда к нам смерть придет**" (т. е. никогда).

Теперь место опахивания часто стали занимать крестные ходы (особенно в данное время, на Галицийской Украине). Совершается также обход села и полей при участии попа и окропление их святой водой. На бога надеялись, но сами не плошали. И та энергия, которая проявлялась и проявляется при этих опахиваниях, нещадно обрушиваясь на встречных (был случай, что, приняв за смерть, до полусмерти избили вздумавших подшутить парней. Эта энергия достойна лучшей участи и, конечно, в пореволюционное время этой участи и дождется.

10. Кликуши.

Нельзя обойти молчанием кликушества, явление, в настоящее время постепенно ослабляющееся, но еще недавно властно господствовавшее в деревне. Теперь кликушество изучено в достаточной мере.

---

[25]) Максимов.
[26]) Аненков.

Характерно, что эта нервная болезнь в том виде, как она известна деревне, не знакома была ни городу, ни, например, более культурным слоям населения, где ее появление вызывалось исключительно внешним подражанием, и, как неимеющее под собой более глубоких корней, появившись, немедленно же и исчезало.

Кликушество,—болезнь замужней деревни,—вспыхивает эпидемически и иногда чрезвычайно заразительно.

Вот как описывает его Максимов [27]).

„Эта болезнь проявляется в форме припадков, более шумных, чем опасных и поражает однообразием поводов и выборов мест для своего временного проявления. Та часть литургии верных, которая предшествует пению херувимской и великому выходу со святыми дарами, в далеких глухих селах оглашается криками этих несчастных. Крики несутся в такой стихийной разноголосице, что на всякого свежего человека способны произвести потрясающее впечатление не одною только своею неожиданностью или неуместной дерзостью. При этом не требуется особенной сосредоточенности и внимания, чтобы заметить, насколько быстро сменяется мирное молитвенное настроение присутствующих. На всех лицах появляется выражение болезненной тоски и вместе сердечного участия и сострадания к несчастным. Ни малейшего намека на резкий протест, ни одного требования удалить „одержимую“ из храма. Все стоят молча, и только в группе женщин, окружающих больную, заметно некоторое движение: они стараются успокоить „порченную“ и облегчить ей возможность выстоять всю обедню, вплоть до того времени, когда, с выносом святых даров, обязательно исчезнет или смолкнет вся нечистая сила. Это мягкое и сердечное отношение к кликушам покоится на том предположении, что не человек, пришедший в храм помолиться, нарушает церковное благочиние и вводит в соблазн, но тот злой дух, который вселился в него и овладел всем его существом. Злой дух смущает молящихся нечеловеческими воплями и разными выкриками на голоса всех домашних животных: собачий лай и кошачье мяуканье сменяются петушиным пением, лошадиным ржанием и т. п.

Чтобы прекратить этот соблазн, четыре—пять самых сильных мужчин охотно выделяются из толпы и ведут больную до царских врат к причастию, добросовестно веруя при этом, что борятся не с упрямством слабой женщины, а с нечеловеческими силами сидящего в ней нечистого. Когда кликуша начинает успокаиваться, ее бережно выводят из церкви, кладут на землю и стараются укрыть белым покрывалом для чего сердобольные женщины спешат принести ту скатерть, которою был накрыт пасхальный стол с разговеньем, или ту, которую носили на пасхальную заутреню для освещения яиц, куличей и пасхи. Иные не скупятся поить сбереженной богоявленской водой, несмотря на то, что эта вода и самим дорога на непредвиденные несчастные случаи. Знающие и опытные люди при этом берут больную за мизинец левой руки и терпеливо читают молитву господню, воскресную и богородичную, до тех пор, пока кликуша не очнется.

Кроме молитв иногда произносятся особые заговоры, которыми велят выходить нечистой силе „из белого тела из нутра, из костей, суставов, из ребер, из жилов“ и уходить „в ключи-болота, где птица не летает и скот не бывает, итти по ветрам, по вихрям, чтобы

---

[27]) Несчастная сила.

снесли они злую силу в черные грязи топучие, и оттуда бы ее ни ветром не вынесло, ни вихрем бы не выдуло" и т. п.

С такою же заботою и ласкою относятся к кликушам в домашней жизни, считая их за людей больных и трудно излечимых. От тяжелого труда их освобождают и дают поблажку даже в страдную пору. При скоплении утомительных работ они обыкновенно редко жнут, а в иных местах и не молотят".

Эта, рисуемая Максимовым, картина бережного отношения к больной нарушается его же указанием на то, что „если же иногда, во время припадков, и применяются кое-какие суровые меры, подчас похожие на истязание, то все это,—по его мнению,—делается из прямого усердия в простоте сердца".

„Когда—продолжает он—после удачных опытов домашнего врачевания, больная совершенно успокоится, и семейные убедятся в том, что злой дух вышел из ее тела, ей целую неделю не дают работу, кормят, по возможности, лучшею едою, стараются не сердить, чтобы не дать ей возможности выругаться „черным словом" и не начать, таким образом, снова кликушество".

У некоторых истерические припадки обостряются до такой степени, что становится жутко всем окружающим: „Порченная падает на землю и начинает биться и метаться по сторонам с такою неудержимою силою, что шестеро взрослых мужиков не в состоянии предохранить ее от синяков и увечий. Изо рта показывается пена, глаза становятся мутными и, вся растрепанная, кликуша в самом деле на вид делается настолько страшной, что всякие резкие меры, предпринимаемые в этих случаях, становятся отчасти понятными. При усмирении расходившейся в припадках больной обыкновенно принимают участие досужие соседи, так что набирается полная изба сострадательного народа: кто курит ладаном около лежащей, обходя ее с трех сторон и оставляя четвертую (к дверям) свободною, кто читает „да воскреснет бог", чтобы разозлившегося беса вытравить наружу и затем выгнать на улицу". „Марфуша, Марфуша",—зовут кликушу [28]).—„Какая я Марфуша? я Евстигней, а не Марфуша",—кричит она.

„Выкрикивания эти сопровождаются судорожными движениями туловища и конечностей, щелканием зубами, иногда пеной у рта, икотой, рвотными движениями, синюхой лица, потоотделением и тяжелым, прерывистым дыханием".

Быт верит, что находящаяся в таком состоянии кликуша обладает ясновидением и поэтому, в минуты успокоения кликуши, задают ей вопросы:

„Скажи мне, Кузюшка, (больная об'явила, что она не она, а что она Кузюшка)—спрашивает баба больную—„отдавать мне дочь в Ястребинку, аль нет"?—«Отдавай, не раздумывай, сама после узнаешь."—„А что мой сын жив"?—спрашивает другая.—„Жив, в трактире сидит, чай пьет, тебе скоро письмо пришлет."—„Скажи, Кузюшка, что у меня будут дети?"—обращается к кликуше третья.—„Нет не будут: у тебя и твоего мужа кровь запортили, когда вы были молоды."—„Скажи и мне, Кузюшка"...—„Не скажу больше, пошли вон"—гонит баб кликуша и снова начинает кричать на „голоса" [29]).

При взгляде на кликушество, как на явление сверх'естественное, конечно, не повезут кликушу к врачу.

---

[28]) См. у д-ра Попова „Русская народно-бытовая медицина".

[29]) Д-р Попов. Русск. нар.-быт. мед. Стр. 384.

„Что тут доктор? доктор лечит простые болезни, а от „порчи“ не может: разве он может выгнать из нее беса? Тут надо искать знахаря или на богомолье сходить“.

А знахарь, осмотрев кликушу, говорит:

„Да, должно быть испорчена, надо ее в соху запречь, да в поле пахать выехать, тогда окажется“.

— „Куда теперь в поле, снег кругом“?

„Это все равно; ведь это не настоящая пашня, а надо только, чтобы сказалось“.

„Подняли меня чуть живую,—передает про эту пашню кликуша,— одели в хомут, вывели на двор, запрягли в соху, двое меня волокут, а двое соху тянут. Опомнилась я уже в поле. Как глянула, что кругом делается, испугалась; вырвалась от них, сбросила хомут и пустилась к лесу, да так шибко, что никто из них не мог меня поймать. Откуда сила взялась! Спряталась между деревьями, и опять ничего не помню. Тут уж меня по крику нашли и на руках домой притащили. Билась я, говорят, дорогой страшно, сразу оказался“ (бес. А. С.).

Иногда „отчитывать“ кликушу приглашают попа. Но ценится лишь та молитва, которую он читает по из'ятому из употребления требнику 17-го столетия Киевского митрополита Петра Могилы.

Весьма возможно, что в этом отношении не последнюю роль играет соответствующее случаю жуткое прозвище составителя требника — „Могила“.

Купают кликушу также в крещенской проруби, поят и кормят ее святой водой, девятичинной просфорою, маслом от мощей и чудотворных икон; накладывают на них пелены от рак преподобных. Особенно целебными считаются путешествия по монастырям, поклонение мощам и чудотворным иконам, а также служение „отчотных“, т.-е. соединенных с отчитыванием, молебнов.

Как такие путешествия и отчитывания иногда помогают, можно видеть из дела чудотворной иконы Федоровской божьей матери Дальне-Давыдковского женского монастыря. [30]).

Монашенки так усердно силою вливали в рот кликуш „святое масло“ и пичкали их, что одна из „исцеленных“ умерла по дороге из монастыря, а другая через несколько недель—дома. Но так как в церкви, на глазах молящихся, они утихли,—то и сошли за исцеленных.

„Кликуши в высшей степени впадают в глубокий гипнотический сон, не только от короткого словесного внушения, но даже от простого закрытия век с надавливанием пальцами. Очень часто они обладают ясновидением, издали чувствуют приближение священника, иконы и т. д. Эти явления—пишет д-р Попов [31])—сближают кликушество с сомнамбулизмом, где так же легко наступает гипноти-

---

[30]) См. Паозерский.—„Чудотворные иконы“. Госиздат, стр. 141—142.
[31]) Народно-бытовая медицина, стр. 385.

ческий сон и где сомнамбула определяет задуманное имя и число, называет сжатую в руке монету, отыскивает спрятанные предметы и т. п.".

Присматриваясь к причинам, вызывающим кликушество, нельзя не согласиться с Максимовым, что кликушество часто является единственным спасением для тех молодух, которых приняла новая незнакомая семья в ежовые рукавицы: когда искренние слезы не помогают, и семейные мучители не унимаются, на сцену является тот же протест, но в усиленной форме—кликушество с выкриками, с обвинениями в порче, насланной кем-либо из наличных членов новой семьи (чаще всего падает на свекровь). [32]).

„Ослаблению кликушества в значительной степени помогли преобразования, содействовавшие, между прочим, изменению социального положения женщины в семье" —правильно замечает Максимов.

Известны случаи, когда изображать нечто вроде кликушеского припадка начинали и мужчины. Даль даже приводит слово „миряк", существующее для обозначения кликуши—мужчины. [33]).

Но это не более, как внешняя зараза: смех окружающих, недоверие, которым встречались подобные „припадки", оказывались обычно средством, излечивавшим не хуже холодного душа.

Теперь, когда нам знакомы телепатия, гипноз, внушение и обостренность восприятия, которою отличаются нервные больные, нас не удивят ни элементы самовнушения, ни участие в кликушеских припадках подсознательной жизни.

Реагирование в церкви на общее возбуждение, предшествующее самому торжественному моменту литургии—выносу даров,—является уродливым отражением собственного возбуждения в виде кликушеского припадка: и авторитет св. даров, перед которыми бессильно затихает „злая сила",—больной протест, как результат прорвавшихся наружу ущемленных комплексов,—все это понятно для нас.

Но представьте себе быт, поставленный лицом к лицу с потрясающим и непонятным для него явлением кликушества: об'яснить это явление иначе, как присутствием в больной нечистой силы, он не в состоянии.

Социальные корни, питавшие кликушество, отмирают и вместе с ними отмирает и само кликушество. Но, все больше лишаясь почвы под ногами, делаясь все реже, явление кликушества все еще не умерло окончательно.

Характерно отношение быта и к другого рода нервным и душевным болезням. Обращение за помощью к врачу—психиатру—становится все чаще. Но недостаточное количество психиатрических лечебниц, отдаленность их, связанные с помещением в них больных, волокита и основное миросозерцание, наполняющее мир духами и бесами, продолжают свою работу по сохранению старых способов

---

[32]) Максимов „Нечистая сила", стр. 384.

[33]) Там же, стр. 27.

[34]) Б. Даль. О повериях суеверия и предрассудках русского народа, Москва, 1880, стр., 27.

избавления от нечистой силы, при помощи молитвы, заклинаний и завещанных дедами приемов еще и теперь, особенно в удаленных от центра и железных дорог местностях.

11. Роды.

Роды—явление естественнное, но в них много такого, что кажется быту неестественным. Из народоведения мы знаем, что у некоторых отсталых рао роды совершаются безболезненно и что, видя страдания европейских родильниц, там думают, что это они кричат „нарочно" в виде какого-то обязательного обряда.

И вот наличие родовых болей заставляет быт относиться к явлению родов, как он относится ко всякой болезни, а именно, как к наказанию, посланному сверху. Но так как страдают все женщины, а не отдельные только, то источник кары приходится искать более глубоко. Еще в древности, как мы видим из библии, этот вопрос древним бытом был разрешон в смысле наказания за грехопадение человека. Русский быт также смотрит на женщину в минуты родов, как на страдалицу за общий грех. Отсюда ряд особенностей в отношении к роженице и к акту родов.

Роженица расплачивается за человеческие грехи. Она своего рода искупительница за грехи. Ее страдания—жертва, приносимая за них. Отсюда страх перед тем, чтобы всякий, знающий о наступлении родов, не возложил на родильницу той частицы первородного греха, которая приходится на его долю, а также не возложил на нее и своих грехов вообще.

Отсюда убеждение: чем больше людей знает о наступлении родов, тем больше будут страдания роженицы, что приводит к стремлению скрыть роды даже от самых близких людей и сохранить момент родов в возможной тайне не только от посторонних, но и от своих. Вот почему роды в подвале, в хлеву и, вообще, в самой антисанитарной обстановке—явление нередкое; вот почему и бабку вызывают только в самый момент наступления родов, не предупредив ее даже о возможности такого вызова. И вот почему находящиеся в доме члены семьи чаще всего стараются сделаться незаметными, притвориться спящими и, вообще, симулировать незнание о наступлении родов.

Помимо всего остального и при полном отсутствии сентиментальности, появление новорожденного на свет из нечистого „стыдного" места, не может не производить известного впечатления.

И женщина, и ребенок считаются нечистыми. Дело доходит до того, что иногда нечистыми считаются все, прикасавшиеся к роженице и младенцу и даже просто члены ее семьи, которые, во многих местах, как нечистые, не посещают церкви до того времени, когда священник на 40-ой день не прочтет над родильницей очистительной молитвы. В течении 40 дней, пока идут крови, женщина не имеет в некоторых местах права даже доить коров, осматривать пчел (пчела—божья угодница, доставляет воск на церковные свечи), дотрагиваться до хлеба и ходить в амбар, где хранится зерновой и молотый хлеб, т. к. хлеб почитается не простой пищей, а пищей особой, священной. В хлебе, по учению христианской церкви, во время евхаристии воплощается сам бог—сын Иисус-христос.

Но почитание хлеба землеробом—явление гораздо более древнее, чем христианство. Еще в течение беременности женщина должна быть на чеку: она не должна класть за пазуху хлеба, иначе ребенок вырастет „невежею"; не должна шить по праздникам, иначе зашьет младенцу глаза и рот и он родится слепым или немым; в праздники она не должна чесать своей головы, так как ребенок будет вшивым, не должна этого делать по пятницам,—будут тяжелые роды; она не может чистить сажу в трубе, иначе ребенок будет страдать удушьем, ни носить щепок в фартуке, т. к. от этого у ребенка будет кила; если беременная переступит через вожжи или канат, то ребенок может запутаться в кишках и „задушиться", если она напьется воды прямо из ведра, ребенок будет мучиться изжогой, а если выплеснет воду через порог,—ребенок будет страдать рвотой. [35]) Если беременная пересупит через седло или хомут,—станет тяжело лошади, а если будет присутствовать при чистке колодца, то вода в нем сделается „дурной".

На того, кому беременная перейдет дорогу,—нападут чири.

Таким образом, от поведения беременной зависит не только участь ее будущего ребенка, но и участь посторонних людей и даже скотины.

Но и поведение матери и отца в момент зачатия, по поверию быта, отражается на детях. Так, например, ребенок—дурачек есть неизменный и неизбежный результат совокупления родителей в великий пост. когда следует от половых сношений воздерживаться.

Зачатый в страстную пятницу обязательно родится идиотом.

Но только так и об'ясняет себе быт ответ детей за грех родителей: что потомство хило, потому что родители пьяницы, сифлитики и т. д.,—это сознание быту в его глубинах еще недоступно.

Чтобы облегчить роженице роды, прежде всего приглашается „бабка".

У бабки не должно быть черных глаз,—может сглазить. Она должна быть богобоязненной и по возможности хорошего поведения, никогда не должна была в прошлом обмывать покойника, а то у таких тяжелая рука.

Помимо реальной помощи, оказываемой родильнице, бабка помогает молитвой и причитанием. Уже выходя из ворот своей избы, бабка оборачивается на восток и говорит: „батюшка восток, бывает на тебе сам Иисус христос, благословите меня, рабу грешную, на мир божий, на рабе божией (имя роженицы), казанская божия матерь, Михаил архангел и все угоднички". Во все время пути до дома роженицы бабка читает „богородицу". Сама роженица еще до родов во многих местах просит прощения у домашних, родных, соседей; причащается.

Следя за родами, бабка то и дело крестится, кладет земные поклоны, приговаривает: „Матери божии, святые угодники, Иисус христос, ослобоните рабу божию, пошлите ей на все хорошее".

Иногда, чтобы помочь роженице, нарушается тайна родов и наоборот, домашние и даже посторонние помогают роженице поскорее разрешиться.

Помощь эта менее всего непосредственно—реальна, а имеет прежде всего магический характер. Так, в некоторых местах, во время родов усиленно стреляют из ружей (как быстро вылетает заряд из ружья, также скоро и легко выскочит ребенок из утробы матери). Возможно, что этот обряд имеет целью также запугать и отогнать от роженицы злых духов. Перед родами и во время родов иногда все

---

[35]) Д-р Попов „Русская народно-бытовая медицина" стр. 329—330.

домашние, в том числе и муж, становятся на молитву. Дуют в пустую бутылку, чтобы схватки были сильнее. Просят священника открыть царские врата в церкви, отпирают все замки в доме, открывают все заслонки печей, двери, ворота, ящики, развязывают все узлы. Полезным считается во время родов: окатить водою обручальные кольца мужа и жены и этой водой напоить роженицу. Делают то же с замками в доме (отомкнутся врата и запоры родильницы), скатывают воду с первого снесенного курицей яйца или с трех яиц: как легко скатывается вода с яйца, так же легко пусть выкатится младенец из утробы матери; „как в курочке яичко не держится, так не лежал бы младенец христов в утробе матери".

Недурно помогает родам, если муж боронит во время родов песок или обойдет с сапогом вокруг избы, а затем, налив в него воду, напоить этой водой жену—роженицу. Ясно, что и это действие имело когда-то значение магии по аналогичному действию. Но мы в настоящее время до этой „разумной" сущности уже добраться не можем. Иногда приемы помощи носят совсем варварский характер: роженицу ставят на печную заслонку и заставляют из всех сил плясать на ней. Иногда считается ускорением облегчения родов, если муж помогает во время родов жене. Если, например, он возьмет жену за плечи, чтобы помогать ей тужиться; хорошо, если он при этом снимет штаны и еще лучше, если разденется совсем голый (Волог. губ.) [36]).

Но вот опять то же, что мы знали из народоведения, что сохранилось у дикарей, например, у африканцев, под именем обряда „кувады": [37]).

Хорошо для роженицы, если муж во время родов будет ложиться на нее (Спасский кантон Татреспублики), **если муж, вытянув вперед шею, будет стоять у изголовья и станет кричать и стонать вместе с женою** (Рязанская губ., Пензенская губ., Ветлужский у. Костромской губерии) [38]).

Если у дикарей стоны и подражание мукам родов имеют значение установления отцовства и желание вытеснить проявляющееся процессом рождения непосредственное и преимущественное право матери на ребенка, нося на себе еще следы подавления матриархата патриархатом, то в вышеприведенном **случае мы имеем дело** с чисто-практической наивной магией: муж **помогает** жене во время самого процесса родов, разделяет с нею и этим самым облегчает ее страдания.

Иногда стараются запугать затянувшиеся роды. Подговаривают постороннего мужчину подойти к двери дома роженицы, изо всех сил постучать в нее кулаком и грубым, негодующим голосом прокричать: „Что вы там, леший вас побери, так долго копаетесь!!!"

Существует верование, что в момент родов к роженице слетаются: Михаил архангел и все апостолы, а также и матерь божия, Анна пророчица, св. Варвара и св. Екатерина великомученица, сами „трудившиеся" родами, которые все охотно помогают роженицам. Помогает ей и Иоанн Богослов, помогший одной женщине родить на дороге, и св. Власий, имеющий власть разрешать роды. Не лишнее обратиться также за помощью и к апокрифической бабушке Соломониде, принимавшей, якобы, самого Иисуса христа.

Роженица молится: „Казанская божия матерь, Смоленская божия матерь, Иерусалимская божия матерь (целых три божиих матерей), не погнушайся мне, грешной, помоги мне".

---

[36]) Д-р Попов. Народно бытовая медицина, стр. 343.
[37]) См. Ш. Летурно. Социология по данным этнографии изд. Павленкова, стр. 222.
[38]) Д-р Попов. Народно-бытовая медицина, стр. 343.

А бабка-повитуха шепчет:

„Пресвятая богородица, отпусти матушку Соломониду. Бабушка Соломонида, приложи свои рученьки к рабе (такой-то). **Чистый четверг, Великая пятница, честная суббота**, святое воскресение, отблагодарите нас добрыми делами (Епиф. у. Тульской губ., Волог. г. и у., Орловской г. и у.) [39]).

Упомянутые четверг, пятница, суббота и воскресенье выступают, таким образом, в качестве особых существ, персон, к которым обращаются за помощью, что мы встречаем и в других случаях, особенно в отношении чистого четверга и пятницы.

После родов роженицу и младенца отправляют в баню. Моментом, когда ангел, якобы, влагает душу в младенца, в отличие от учения церкви, считается обычно появление в половых путях головки младенца [40]).

Требуется, чтобы роженица, у которой роды были легкие, не показывала этого посторонним: позавидуют, сглазят.

Нет никакой возможности описать все обряды, совершаемые над новорожденным, чтобы охранить его от нечистой силы и, наоборот, повлиять в благоприятном смысле на его здоровье, на его рост, на его хорошие в будущем отношения к матери, на его судьбу и карьеру. Чтобы ребенок не заболевал, его надо отнимать от груди в такой день, когда, например, нет святого мученика (мученик наведет мучения) [41]).

Мы знаем, что церковные обряды православной церкви в этом отношении насквозь проникнуты самою доподлинною демонологией.

„Отрекаюсь, отрекаюсь, отрекаюсь", „отрекохся, отрекохся, отрекохся",—повторяют за священником воспреемник младенца во время крещения, отрекаясь за воспринимаемого от дьявольских сил.

„Дунь, плюнь",—приказывает священник,—и дуют и плюют на нечистую силу восприемники, а священник мажет ребенка благодатным елеем, сжигает отрезанные у него волосы, смывает, окуная его три раза в воду купели, с него первородный грех, только после чего младенец и предстоит перед богом во всей своей детской непорочности.

„Так бы наш Ванька подпрыгивал", — говорят на крестинах, выплескивая часть вина на потолок.

Об умершем ребенке заботятся и после его смерти: не едят, например, яблок, если ребенок умрет до Преображенья, чтобы эти несъеденные яблоки достались на том свете умершему [42]).

Существует целый ряд магических действий, якобы, предотвращающих беременность: бросить в бане в жар сорочку с первой ночи, развести в воде и выпить пепел от вырезанных из рубашки сожженных следов менструации, причем действие этого предохранительного средства особенно сильно, если оно принимается в церкви во время пения „херувимской".

С тою же целью пьют свое собственное „временное", собирают вместе с мочей кровь месячных очищений с земли или со снегу, моют рубахи после месячного и воду льют в бане на полок, собирают в бутылки и зарывают ее в землю, преимущественно под печной столб.

---

[39]) Попов, стр. 339.

[40]) В других местах считается, что ангел вкладывает душу в младенца во второй половине беременности, почему даже предписывается полное воздержание от половых сношений в это время.

[41]) см. В. Даль „Пословицы русского народа".

[42]) там же, т. 2-ой стр. 101.

Пока бутылка в земле, женщина ни за что ни „забрюхатеет". Но достаточно вырыть и разбить эту бутылку, как пойдут дети.

Не будет детей, если во время венчания в церкви, погасить свечи и сказать: „огня нет—и детей нет".

Дело доходит до того, что в некоторых местах берут черную курицу и с нею, посреди двора, в полночь обходят вокруг осинового кола. (Пензенская губ.).

Непосредственная связь беременности с курицей и колом опять ускользает от нас, но и полночь, и черный цвет курицы, и вся обстановка указывают, что здесь имеется в виду какая-то связь с нечистой силой и воздействие на нее в целях получения желаемых результатов.

12. Тотем и табу [43]).

Как ни далек, казалось бы, современный быт от тотема и табу диких племен, мы в нем встречаем остатки того и другого. Что иное представляют собой священные колодцы и камни, якобы, со следами святых, священные деревья и рощи, рубить которые считается величайшим грехом. Только где нибудь в Чувашской республике это называют „кереметью" и безхитростно считают местом жительства особых духов, а святость христианских камней, колодцев, деревьев стараются оправдать всякого рода хитросплетениями, заметая следы и чуждаясь их действительной сущности.

Если в 40 с лишним километрах от села Белого, на Мсте, близь г. Боровичи, 27 сентября (10 октября) богомольцы стекаются на поклонение камню, на котором, будто бы, остались следы ног Зосимы Соловецкого; если на одном из островов Ладожского озера стоит скала Конь-камень, которому до прибытия сюда пр. Арсения ежегодно приносилась в жертву лошадь, и если на этой скале теперь красуется „святая" часовня, куда продолжают стекаться массы для поклонения (о, конечно, только не камню!); если в 5 километрах от Пошехонья, Ярославской губ., близ села Федоровского, находится камень с двумя, якобы, следами преподобной Феодоры Александрийской, здесь во сне явившейся одному благочестивому человеку, и каждое 11/24 сентября сюда стекаются богомольцы для того, чтобы взять немного „святой" дождевой воды, собирающейся в „святых" отпечатках ног, то это... (конечно!) не то же, что поклонение камню?!?

Так отводят глаза от действительности. Но упомянутые камни не единичны, и север изобилует ими так же, как и чудотворными колодцами. Особую роль приписывают камням в деле исцеления больных глазами.

Максимов [44]) приводит следующие примеры почитания деревьев:

---

[43]) Сложным явлениям тотема и табу посвящена многочисленная литература. Сущностью табу является запрет трогать и есть что-либо, пользоваться им, в определенных случаях диалектически достигающий как раз обратного предписания. Тотем, с одной стороны, особое почитание отдельных видов животных, растений и проч., с которыми считается существующею особая связь, часто даже происхождение от них почитателя, с другой—самый знак, имя этого животного, растения и проч.

Лучшими трудами по вопросу о тотеме и табу и о первобытной магии, являются труды англичанина Фрезера. Его книга „The golden bough" („Золотая ветвь") в русском переводе, в издании 1928 г. Атеист. О тотеме и табу см. также: у Эйльдермана в труде „Первобытный коммунизм". Изд. „Атеист", 1923 г. и у Г. Кунова в его „Возникновение религии и веры в бога", пер. И. Степанова.

[44]) Нечистая сила.

„В Грязовецком у. Вологодской губ. считается грехом срубить всякое старое дерево, т. к. это лишает его права погибнуть естественной смертью (права на так наз. ветровал). Поверье говорит, что сделавший это или сойдет с ума, или умрет скоропостижно. (Это ли не табу?).

В Орловской губ. считаются священными деревья, выросшие на церковицах—местах старых церквей („все равно, что в церковь залезть, что бревно вырубить"). В Вологодской губ. верят, что нарушителей целости заповедных рощ непременно должна убить молния. В селе Бруснеце (Тотемского у.) сравнительно не так давно была цела сосна, под которой, во время пасхальной заутрени, благочестивые люди якобы видели горящую пудовую свечу.

Во многих местах раздвоенные ударом молнии или, вообще, дуплистые и странные на вид деревья пользуются особым почитанием и через эти проемы, пролазы и отверстия (так наз., „воротца"), в чаянии исцеления, охотно протаскивают больных. Относительно отдельных деревьев существуют легенды и предания, оправдывающие их святость и неприкосновенность. Приводя больных, кладя их головой к корням деревьев, совершают над ними обряды, отчитывают их, зажигают свечи, оставляют деревьям жертвы в виде белья, ниток и проч., которые затем поступают в пользование прилегающих к „чудотворным" деревьям деревень и сел.

Совершенно то-же наблюдаем мы, например, в кереметях чувашей. В Уроме лечат лихорадку настойкой из деревьев, расщепленных молнией. Древний человек населял и деревья и растения душами умерших, и остатки этого мы видим в выше приведенных случаях.

13. Птицы.

Теряются нередко в глубоком прошлом и бытовые симпатии и антипатии к тем или другим птицам и животным. Новые наслоения стерли старые основы, облекли их в более современные одежды. Даже в тотеме и табу народов первобытной культуры мы не всегда можем уже установить непосредственное их обоснование. Поэтому нет ничего удивительного, что, в нашем быту мы легко теряем уводящие нас в далекое прошлое нити. Часто от старого запрета остались только вызванные традицией симпатии или антипатии, а все остальное разукрашено до неузнаваемости.

Так, голубь считается святой птицей, убивать и есть которую нельзя.

Теперь это об'ясняют тем, что святой дух воплощался в голубя. Но история религии показывает, что голубь, птица Астарты, чтился задолго до христианства.

Почему ласточка считается бытом святою птицею, трогать которую грешно, а воробей—птицей-иудой? Ведь не потому, что существует о них нижеследующая легенда, а, наоборот, легенда потому-то и возникла, чтобы об'яснить сохранившееся от прошлого отношение к этим птицам.

Легенда эта такова.

Когда христа распяли, воробьи летали вокруг креста и для того, чтобы распинавшие продолжали его мучить, кричали: „жив-жив, жив-жив". Но голуби хотели, чтобы мучители оставили христа в покое и поэтому ворковали „умер, умер". С тех пор воробей—проклятая птица, а голубь—святая.

Птица клест, у которой скривленный, перекрещенный клюв, хотела помочь христу и стáралась выдернуть гвозди. В награду за это клест после смерти, будто бы, не гниет и не подвержен тлению [45]). Серые клесты—христовы птицы.

В расхождение с библейским текстом (кн. Бытия, 8, 6—12) про ворона создана иная легенда. Теперь ворон—птица нехорошая. Это теперь он черный. Он был создан белым, как снег и кротким, как голубь. Но он был наказан господом за то, что не исполнил повеления Ноя после окончания потопа: выпущенный из ковчега, он набросился на падаль и не воротился к Ною с доброю вестью об убыли воды, что потом сделал голубь. После того ворон стал черным и кровожадным, а голубь святою птицею [46]).

Ворон купает своих детей в полночь на страстной четверг. Если в это время реки еще не прошли, надо ему помочь, прорубив во льду прорубь. А в награду за это он будет охранять ниву и двор от всякого зверья и хищной птицы. (Ворон может накаркать несчастье).

Французское поверье говорит, что ласточки старались снять терновый венец с головы спасителя.—Поэтому-то ласточка и святая. И все же, если „святая" ласточка залетела в дом, считается, что там будет покойник. Не старая ли эта вера в то, что птицы—души? За разоренье гнезда ласточка, согласно поверья русского быта, может отомстить: у нее на шее красное пятнышко—огонь. Этим огнем она может избу спалить. Она может подлезть под вымя коровы, испортить молоко и наполнить его кровью.

Большим грехом считают рыболовы Архангельской губ. убивать зимою в море орлов. Такое же отношение к орлу и на Украине.

У орла, по народному поверью, в гнезде спрятан камень-огневик, предохраняющий от всех болезней. Евангелист Лука, по бытовому поверью, писал евангелие орлиным пером, и потому (!) изображается с ним на иконах. Зевс потому с орлом, что когда то был орлом. По той же причине египетская богиня Гатор—сначала корова, потом с коровьей мордой, а уже потом—рогатая Изида. Источники—теже, только русский быт дальше от них, чем были египтяне.

Большой повсеместной симпатией пользуется аист. И возможно, что то, что он питается змеями, играет в этом отношении не последнюю роль. Ведь змея зло, дьявольская сила... а аист поглощает ее. Значит он поглотитель зла, ядовитой змеи, защитник от нее. Он был когда то священной птицей, а теперь от этого сохранилась лишь симпатия к нему.

Сороку шотландцы называют „чортовой птицей". Французские крестьяне верят, что на „Преображенье" сороки свой шабаш справляют. Русский быт верит, что повешенная в конюшне, убитая сорока спасает от домового, предохраняет лошадей от гоньбы по ночам не чистым.

Одною из самых проклятых птиц является кукушка.

Она свила гнездо в благовещение и в наказание за это навсегда осталась без гнезда. Она плачет, и тоскует и следы ее слез, „кукушкины слезы" часто можно найти на тонких веточках фруктовых деревьев [47]).

---

[45]) См. А. Ермолов. „Народная сельско-хозяйственная мудрость" т. 3, стр. 304 и 306, 352.

[46]) Там же, стр. 305.

[47]) То, что быт называет „кукушкиными слезами", не что иное, как янчки бабочки шелкопрядки кольцеделателя (Gastropacha neustria), склеиваемые его липкой быстро затвердевающей слизью.

В Витебской губ. записана легенда: „Во время плавания в ковчеге Ноя птахи и птушки спарились, а кукуш так не возлюбил своей самки, что когда в Петров день животные выходили из ковчега, Ной принужден был передать другим птицам покинутую кукушку. С того времени, от ранней весны и до Петрова дня, когда все птицы нетолько устраивают свои гнезда, но и выводят детей, один только кукуш тщетно ищет своей пары, выкликая ее имя, теряет время для устройства гнезда и вывода детей, потому что его переданная другим птицам самка служит своим хозяевам, которым отдает и свою единственную дорогую собственность,—свои яйца [48]).

Летающая по деревне кукушка—к пожару.

Кукушка кукует—горе вещует.

Брякни при первой кукушке деньгами, чтобы водились.

Сколько раз кукушка кого-нибудь натощак окукует,—столько лет ему жить.

Вообще же, услыхать кукушку в первый раз натощак—не к добру: может случиться несчастье с самим и со скотом.

Вотяки верят, что там, где много кукушек, хорошо водятся пчелы.

Кукушка—ключница в „вырае",—в том месте, куда на зиму улетают перелетные птицы. Она сама прилетает весною последней, когда все птицы из „выраю" уже улетели, и первою же возвращается, в связи, со своими обязанностями, в этот „вырай".

Обладает способностью предсказывать будущее дятел.

Если он долбит дом в переднем углу,—то этим он предсказывает смерть хозяина.

Если он весною долбит по преимуществу изгородь, то наступающее лето будет червивое; если долбит стены холодных строений, то будет много мышей, а если стены жилых строений, то в семье кто-то умрет.

Приносит несчастье дому много скворцовых гнезд на доме.

„Из пустого дупла—либо сыч, либо сова, либо сам сатана,"—говорит народная поговорка..

В представлении быта эти птицы—представители злых сил. Недаром колдуньи, по тому же представлению, держат при себе сову.

„Сова не принесет добра".

„Если филин бьется в окно,—к смерти".

„Если филин над селом,—к пожару".

„На чьем доме кричит сыч,—быть там несчастью".

И, вообще, филин и ворон—зловещие птицы, и крик их—к несчастью.

Предсказывает будущее и дрозд.

„Если дрозд садится на самых нижних сучках елок, год будет хороший; если садится на средине дерева,—цены на хлеб будут средние; если садится на макушке, цены будут высокие и сам мужик запоет, заскулит, как дрозд той", (Смоленской губ.).

Среди птиц есть и такие, которые имеют значение, так сказать, во вселенском об'еме.

Таков, например, петух.

„Как перестанут петь петухи, так и миру конец".

А пока поет—все обстоит благополучно.

„Петух поет, когда в небе к заутрене звонят".

Не где нибудь, а в самом небе!!...

---

[48]) Ермолов. „Нар. Сельско-хоз. мудрость".

Это ли не звучит гордо?!

„Петух поет—нечистой темной силы время прошло.

И если петух запел раньше полуночи,—то, значит, он видит нечистую силу и пением своим хочет ее прогнать.

А вот роль петуха в молочном хозяйстве: если на дворе нет петуха, то молоко и масло у коровы будет пустым. Нужен петух во дворе для того, чтобы скотина была здорова.

„Без петуха во дворе и скот вестись не будет".

К птице, вообще, издревне установилось особое отношение: недаром на благовещение выпускают на волю пленных птиц. По древнеарийскому представлению, птица—воплощение души человека и было время, когда вместо похорон, мертвого отдавали на с'едение птицам [49]).

Птичье царство и отношение к ним—остатки седой старины, которая просвечивает сквозь облепившую ее пыль новейших наслоений. В Курской губернии еще теперь сохранился обычай кормить птицу в продолжение 6 недель по смерти кого-либо из семьи, с каковой целью родственники умершего каждое утро осыпают могилу хлебными зернами. В Ярославской и Олонецкой губ. на бабочку смотрят, как на душу человека и зовут ее „душечкой" [50]).

14. Животное царство.

Еще с большей яркостью отметим мы следы древнего тотема и табу, когда обратимся к животному царству.

Здесь тотемическое прошлое выступает иногда чрезвычайно четко.

В своей книге „Христианство в свете этнографии" [51]) Богораз-Тан указывает на ту роль, которую играет медведь не только для разного рода туземцев, но и для полярных русских. К нему относятся с огромным уважением, никогда не ропщут на медведя и не бранят его за озорство: он непременно узнает, услышит и потом отомстит.

Медведя колымчане называют „знатливец", ведун. Даже русские, подобно туземцам, называют его „дедушкой", предпочитая этому названию простое местоимение „он".

„Можно даже говорить об обрядовом культе медведя у туземцев, который параллелен культу христа, принесенному русскими"—говорит Богораз-Тан [52]).

По его словам Сахалинские гиляки, убивая живого медведя, воздают ему предварительно почести, как предку и старшему члену семьи.

„Перед тем как нанести медведю смертельный удар, они подходят к нему прощаться, рискуя получить увесистый удар от лапы разозленного зверя" [53]).

В другом месте он же так описывает охоту на медведя:

„Тунгусы, окружившие медвежью берлогу, поют: „Дедушка медведь! Наша бабушка, а твоя старшая сестра Дантра, велела, говорила тебе:—„не пугай нас, умри".

---

[49]) См. об этом у Е. Ярославского „Как родятся, живут и умирают боги".

[50]) А. Н. Соболев. „Загробный мир по древне-русским представлениям". Сергиев Посад, 1913 г., стр. 56.

[51]) ГИЗ 1928, стр. 42, 51, 71 и след.

[52]) Там же, стр. 72.

[53]) Эйнштейн и религия. И-во Френкель, 1923, стр. 23.

Если медведь „благомысленный", он сейчас же послушается, подставит бок под копье и умрет от первого удара. Тогда и смерть для него будет легка и даже приятна „в роде щекотки". Строптивый медведь может оказать сопротивление, даже убить охотника, но зато и смерть будет тяжелая и злая".

Русский землероб стоит, конечно, дальше от медведя, чем тунгус, гиляк или якут, у которого существует пословица:

„О медведе не говори худо, не хвастайся, он все слышит, хотя его нет, все помнит, и не прощает". [54]).

Бытовое прозвище для медведя „Михайло Иванович" и ласкательное „Миша", „Мишенька", по прозванию „Топтыгин".

Почти во всякое животное может обернуться нечистая сила, но в медведя—никогда.

„Медведь оборотнем не бывает".

Охотники Олонецкой губ. уверяют, что собаки лают на медведя не так, как на других зверей, а так же, как на человека. В лесных местностях даже приводят особое доказательство в подтверждение тожества человека и медведя: медведь, будто бы, иногда нападает на баб, забирает их в лес и там живет с ними. Есть, поэтому, медвежье мясо не следует: это все равно, что есть мясо человечье.

В Архангельской губ. существует поверье, что медведь прежде был человеком, но за убийство родителей сделан диким зверем.

На Украине верят, что в медведя превращен мельник за то, что когда господь хотел вступить на его плотину, мельник вздумал его напугать, надел шубу наизнанку и заревел. По другому украинскому же преданию, медведи раньше были лесными людьми. Но за то, что не пустили к себе ночевать заблудившегося странника, были превращены в медведей.

Как бы то ни было, быт считает, что медведь и человек состоят в близком родстве. Утеряв память, как о первоначальном тотемном животном—предке, быт по иному об'ясняет теперь свое мнимое родство с медведем, которое из памяти его не стерлось: —этот медведь его бывший тотем.

По поверию некоторых местностей даже хищный волк находится под высшим покровительством ближайшего звериного покровителя Георгия-победоносца. Егорий знает, какому зверю что дать. Поэтому в некоторых местах не вырывают из пасти волка ягненка, которым волк успел овладеть.

В день своего праздника, 23 апреля, (6 мая) Георгий раз'езжает на белом коне и раздает зверям наказы. Согласно этим наказам и волк призывается к некоторому порядку. Так, согласно поверью, от Дмитровки до Юрьева дня,—от 26 октября (8 ноября) до 23 апреля (6 мая) каждый волк питается, чем попало, и нападает, на что захочет, но, начиная с Юрьева дня,—устанавливается такой порядок, что каждый волк питается только одним каким-нибудь видом скотины: один волк овцами, другой—свиньями, третий—жеребятами, четвертый телятами. Часто волк, бегая около стад, не трогает скотины. Это тот волк, на котором св. Георгий, хранитель стад, в данное время об'езжает скотину (Витебская губ.).

Недурное, во всяком случае, совместительство:—охранитель стад и покровитель диких зверей в одном лице. Но именно в этом отношении к зверю и в этом выборе ему покровителем особо-чтимого святого, быть может, и скрываются особенно яркие остатки отноше-

---

[54]) А. Ермолов „Народная Сельско-хоз. мудрость т. 3 стр. 244.

ния к хищным животным, как и родичам и предкам человека, т.-е. к тому, что составляет одно из отличительных свойств тотема.

На Украине существует убеждение, что заяц сотворен чертом и служит нечистой силе.

„Заяц чорту служит передовым".

Из библии знаем, что заяц считался нечистым животным и что есть его запрещалось.

Если заяц перебежит дорогу, то это к несчастью.

И даже Пушкин, увидав перебежавшего дорогу зайца, повернул обратно и, как говорят, не попал **поэтому** на Сенатскую площадь, к декабристам.

За мышью числится старый грех:

Сидя в Ноевом ковчеге, она начала грызть дырку в углу и выдергивать паклю. Так бы ковчег и погиб, если-бы уж не заткнул собою дыру.

Забегающая из лесу в деревню белка приносит несчастье.

С лошадью связано представление о домовом, который любит иногда на ней покататься, ее загнать. Лучшее средство от этого—поставить в конюшню козла, или, как уже сказано выше, повесить убитую сороку. В действительности загоняет лошадь ласка, забирающаяся лошади на гриву, лижущая волосы и своим щекотаньем доводящая ее до бешенства. Запах разлагающейся сороки и козлиный запах, повидимому, неприятны ласке, которая по словам наблюдателей прекращает тогда свои проказы. Лошадь считается бытом нечистым животным, которое едят лишь „нехристы". Об этом ниже.

18-го августа, на Фрола и Лавра (по народному Фролы)—лошадиный праздник. В этот день работать на лошади грех.

—Флор и Лавер до рабочей лошади добер.

—Умолил Флора и Лавра—жди лошадям добра.

По тому, как лошадь себя ведет (фыркает, валяется по траве) судят о переменах погоды.

Большую силу представляет конский череп: он, якобы, отгоняет бесов.

Найденная подкова, прибитая к порогу концами внутрь, а круглою стороною наружу приносит счастье. Но прибить ее в обратном порядке значит упустить счастье из дому.

Есть и такая примета:

„Если в свадебном поезде кони станут,—от злых людей смута".

Во многих местах считается грехом ездить дышлом.

—В одной оглобле (с дышлом) ездить грешно.

—Антихристова колесница в одной оглобле.

В отношении осла, как это ни странно на первый взгляд, т. к. в так называемой, „священной" истории осел играет немалую роль,—быт не создал ни пословиц, ни преданий.

Осел чужд русскому быту, а быт прежде всего шел не от „священных историй", а от жизненной практики.

Другое дело за границей. Как в Германии, так и во Франции покровителем ослов считается св. Мартын, и самого осла чаще всего называют этим именем.

За то:

„Без скотины (рогатой) сам скотина".

„Егорий, да Влас—всему богатству глаз".

„Защити мою коровушку, св. Егорий, Власий и Протасий".

Св. Егорий держит волка впроголодь, а то хоть бы и скота не выводить.

Егорьев день—праздник пастухов.

Власьев день—коровий праздник.

Святым животным является вол (Владим. губ.): он присутствовал при рождении христа. Сразу же приходится обратить внимание на то, что осел, по преданию, также присутствовал при этом рождении, однако чести быть признанным русским бытом святым не дождался. У осла были еще другие шансы для претензии на святость: христос, будто бы, в'ехал в Иерусалим на ослице. [55]) Отсюда ясно, что ссылка на присутствие у яслей христа вола, в подтверждение его святости,—только результат работы сознания там, где быт подсознательно признает свою связь с волом.

Существует и такое поверье:

Вол—святая кость. Когда божья матерь прятала младенца—христа от преследователей, вол набрасывал на него сено, чтобы ему было тепло, а лошадь отбрасывала сено и ела: поэтому мясо вола можно есть, а лошадь погана!

Купив новую корову или лошадь и приведя ее в хлев или конюшню, хозяин должен раскланяться на все четыре стороны и произнести: „Хозяюшка, (домовой) вот тебе скотина. Люби ее, да жалей, пой, корми, рукавичкой гладь, на меня не надейся". Если у скотины из шерсти искры с треском сыпятся—признак того, что домовой ее полюбил.

Задабривая домового, в тоже время охраняют скотину и от ведьм.

Особенно опасными считаются ведьмы в ночь под Иванов день. Поэтому накануне этого дня коров загоняют во дворы непременно с телятами вместе, чтобы они сосали маток и не давали их доить ведьмам.

В Смоленской губ. с этой целью в воротах скотного двора кладут страстную свечу и ставят образ: если свеча по истечении суток окажется нетронутою, то все будет благополучно; если же найдут ее искусанною, то это значит, что ночью приходила ведьма и скот будет болеть.

В окрестностях Воронежа на Троицу святят у ворот клеченье из березок (то же, что май из березок в северных губерниях), чтобы ведьма во двор не ходила. Чтобы коровы давали желтое молоко, их к весне (на Зилота, 10—23 мая) закармливают желтыми травами.

Есть прием увеличить удой молока коровы. Для этого, вводя корову в стадо чужих, берут кусок хлеба, дают его обнюхать всем коровам, а затем скармливают своей; после этого, корова, согласно бытовому поверью, будет хорошо доиться все лето и настой сливок на молоке будет больше обыкновенного: это перейдет к ней от других коров, только обнюхавших хлеб. А то еще есть способ увеличить с'ем сметаны в крынках,—это ставить их, когда они пусты, непокрытыми, а то домовой не любит покрытых крынок (и уменьшит в отместку за это удой). [56])

Ведьмы знают, что у Ивановой росы есть свойство прибавлять коровам молоко.

„В Иванов день ведьма росу собирает и дает своей корове, чтобы больше давала молока".

Остается только поступать по примеру ведьм.

---

[55] Мнимые мощи этой святой ослицы еще теперь находятся в Вене и высокочтутся верующими католиками. Но это святость, так сказать, персональная, не распространившаяся на всю ослиную породу.

[56]) Ермолов. Цит. соч., т. 3, стр. 28.

Для того, чтобы молоко не скислось, в некоторых местах сажают в него лягушку.

Если корова в первый раз отелилась бычком,—его убивают и с'едают всем миром, называя это „обреченною говядиною".

Телку-то, пожалуй, жаль отдать. А бычка еще туда-сюда.

Ел-то мир, а с ним, как всегда при искупительных жертвах, ели и духи-боги. А если с духами едят, т.-е. заключают союз,—дело в шляпе: не выдадут, как свои, будут помогать, и во всяком случае, не вредить.

Помимо ограждения скотины от „коровьей смерти" путем описанного выше опахивания, скот прогоняют через живой огонь, т.-е. огонь, добытый трением, особенно на Ивана-купала. Защищают его и всевозможными заговорами, на которые великие мастерицы все те-же бабы-знахарки.

В отношении овец в Ярославской губ. существует обычай, в силу которого овцу на племя нельзя покупать у соседа и открыто, а непременно тайком у мясника из под ножа, т.-е. такую овцу, которую мясник должен был зарезать. [57]). В тайне вся эта сделка должна содержаться потому, что если владелец овцы узнает, что мясник овцу покупает для кого-нибудь на племя, то ни за что не продаст, рискуя, согласно поверью, продавши ее, продать и весь „вод" своих овец.

Чтобы овцы лучше ягнились, кормят их блинами от родительской субботы.

Блины и родительская суббота ясно указывают на мнимое участие покойников (духов) в деле ягнения.

Стрижет овец иногда и нечистая сила (Волог. губ.). Это ясно заметно тогда, когда овцы заболевают особою болезнью „стригой", при которой плешивеет у овцы череп.

Вообще же: „О стриженной овечке заботится бог".

„После стрижки господь на овечек теплом пахнет".

Обидели овцу, отняли шерсть. Ей, конечно, холодно. И вот сваливают с себя вину: бог заботится о ней.

Это остатки того, что в более глубокой форме сохранилось у некоторых народов первобытной культуры и что проф. В. Г. Богораз-Тан описывает в своих трудах: „Эйнштейн и религия" изд. Френкель 1923, стр. 25—26 и „Христианство в свете этнографии". Гиз, 1928 г. стр. 73—74. Охотничьи племена северо-восточного угла полярной Евразии устраивают праздник „воскресения" убитых ими зверей. На этом празднике они угощают мертвые туши животных, набивают их пасти икрой и пищей, а потом приглашают передать родичам, что здесь хорошо кормят и чтобы они тоже шли в руки охотников. Потом разделяются на две группы,—мужчин и женщин. Мужчины топают ногами и кричат.

„Не мы вас убили".—„Нет, нет, нет", отвечают женщины.

„Камни скатились с высоты и убили вас".—„Да, да, да"—подтверждают женщины.

По отношению к овце нечего проделывать подобных церемоний: она сама никуда не уйдет и все равно во власти хозяев. Но может, пожалуй, обидеться: плохо будет ягниться, или начнет давать плохую шерсть. „Остричь-то остригли,—но тебе-ли, овце, не все-ли равно"? „Бог" о тебе заботится—согреет тебя".

Особое место в животном царстве принадлежит козлу.

---

[57]) Там же стр. 128.

„Сед козел, сер козел, а все псиной несет".

Оттого и псиной от козла разит, что он—сатанинское творение.

Создан козел так:

„Когда чорт увидал, что бог создал овцу, он захотел сделать что-нибудь получше бога. Взял да вылепил его по своему подобию: с рогами. Но как ни бился чорт, а жизни своему творению дать не с'умел. Бог сжалился и вдунул козлу овечью душу... Но творение чортово, все же, сохранило его дух: псиный дух из козла не вышибешь".

Прежде, когда ученых медведей водили на показ, (это стали снова делать за последние годы), непременным спутником медведя была коза, которая, также, как и он, проделывала разные шутки и плясала. Козой наряжался человек.

Как уже было сказано, согласно народному поверью, козел—лучшее средство обуздать домового: домовой не любит козла и не станет взмыливать лошадь и кататься на ней, если в конюшне находится козел.

Вот по отношению к свинье быт опять относится, если не безразлично, (свинья играет видную роль в хозяйстве и ей посвящено немалю поговорок и пословиц),—то оставляя в стороне всякую „священную историю" с ее бесами, вселяющимися в свиней и проч...

Казалось бы, в ком, как не в свинье, видеть присутствие злого духа, если следовать, например, евангелию.

Но пословица говорит как раз обратное:

„От беса крестом, а от свиньи пестом".

Крест не поможет: свинья не бес.

Наоборот: и чорту приходится со свиньей повозиться.

„Стриг чорт свинью,—не столько шерсти, сколько визгу".

Почему собака считается в быту животным, особо нечистым, поганящим часто даже то помещение, в которое она попадает („опаганивается" церковь, часовня),—проследить трудно.

Это тайна древних времен, сохранившаяся до нашей современности. В странном противоречии с таким отношением к собаке воззрение на нее, как на обладающую особой чуткостью, дающей ей даже, при известных условиях, возможность видеть духов и нечистую силу. Даже ведьма под видом сороки от собаки не скроется,—собака проникает истинную сущность ее и особо чуткими в этом отношении считаются первыши от „несукотки", т.-е. щенки первородящей суки.

В Смоленской губ. когда-то верили в то, что собаки с именами Меламп, Кувилан и Лавива приносят счастье, т.-к. этими именами, по преданию, назывались три собаки пастухов, пришедших первыми поклониться христу в Вифлееме.

Согласно поверью, собака проявляет особую чуткость не только в том, что видит духов и нечистую силу: она своим воем может предсказать предстоящее хозяину несчастье.

„Собака скулит перед окном—не к добру".

Именно с поверьем, что собака может видеть нечистую силу, и связан, вероятно, страх перед ее воем: она воет потому, что видит нечистую силу, а нечистая сила пришла, конечно, не к добру.

Существует убеждение, что душа самоубийцы превращается в черную собаку на все время, которое прожил бы самоубийца, если бы не наложил на себя рук. [58])

---

[58]) Коринфский „Народная Русь", Москва, 1901, стр. 715.

Про кошек существует поверье, что черные кошки состоят в близких отношениях к нечистой силе и часто являются спутниками злых колдуний и ведьм, которые и сами иногда в них, или даже в чорта, превращаются.

Вообще же кошкам приписывается способность от дома беду отвращать и на себя принимать; поэтому, построивши новую избу, нужно бросить в нее через порог кошку, а потом можно уж и с семейством войти,—тогда всякая беда отразится, прежде всего, на кошке. Во всяком вновь построенном доме непременно должен кто-нибудь в скором времени умереть; поэтому, прежде чем в нем поселиться, нужно, накануне дня входа в новый дом, впустить в него кота и петуха: один из них вслед за тем околеет, и тем спасет хозяина и его семью от гибели. Прижившаяся в доме и привязанная к хозяину кошка первая же встретит его и на том свете [59]).

В грозу черную кошку, как нечистую силу, вышвыривают из избы: Илья пророк, осерчав, преследует чорта стрелами, и в это время присутствие всякой нечисти и всего, соприкасающегося с нею, так же как и „дурное слово", могут стать опасными.

15. Пчела.

Совсем особняком стоит пчела.

—Пчела—божья тварь: богу работает.—Пчела трудится—на бога свеча пригодится.—Без пчелы (восковой свечи) и обедни поп не служит,— так говорит быт про пчелу.

Суеверное предание рассказывает, что святые Зосима и Савватий принесли с Афона в наболдашнике посоха пчелиную матку, которую пустили в русскую землю и этим положили начало пчеловодству. И в день этих двух святых, 17—30-го апреля, кормят пчел освященною накануне благовещенья просфорою.

Ставят на пасеках обыкновенно и икону этих двух святых.

И вот именно святая двоица Зосима и Савватий пчелу бережет.

Таким образом:

—Рой роится—Зосима и Савватий веселится.

—Зосима и Савватий вместе с пчелами богу свечку лепят и радуются.

А „пчела-божья угодница Зосиме-Савватию свой молебен поет".

Когда переносят рой в новый улей, опрыскивают его крещенскою водою и приговаривают:

—Святые—преподобные Зосима и Савватий, матушка пресвятая богородица, храните эту домовину, как зеницу ока от мора, от хлада, от всякого гада.

Если поставить на пчельнике, в день выставления улья из омшанника на пчельник принесенную от всенощной на страстной неделе в великий четверг свечки,—обеспечишь себе обильный сбор меда и обережешь пчел от „сглазу". В первый день пасхи берут воск от свечи на паникадиле и для пущего благословения кладут в улей.

В улей, по поверью, молния никогда не ударит: и сердитый Илья пророк, не щадящий в поле человека, за которого, как за единственное возвышение прячется чорт, — никогда не тронет домовины „божьей угодницы".

---

[59]) Ермолов. Русские Сельско-хоз. мудр. т. 3 стр. 186.

Пчелу убить—грех великий. Пчела не околевает, как другие животные, а, подобно человеку, „умирает".

Вынос пчел на воздух из омшанника производится, обыкновенно, в самом начале весны. В средней России этот вынос производится в великий четверг, в северных и восточных губерниях—в день св. духа, 15/28 апреля или еще позднее, на Зосиму пчельника, 17/30-го апреля, на Украине „в двенадцатый час" равноденствия.

Подрезка сот начинается около 1/14 августа или в так наз., первый Спас.

На первый Спас мокай в мед ножи. На первый Спас заламывай соты. На первый Спас и нищий медку отведает. На первый Спас пчела перестанет носить медовую взятку.

Не менее трудолюбив, чем пчела, и муравей.

Пусть так. И все же:

— Муравей не по себе ношу тащит, да никто ему спасибо не скажет, а пчелка по искорке носит, да богу и людям угождает.

— Пчела и на себя, и на людей, и на бога трудится.

А муравей только на себя...

А потому нет ему того почета и уважения, как пчеле, и не угоден он богу, как последняя.

Предание приписывает пчеле еще одну великую заслугу наряду с трудолюбивым угождением богу и людям:

Когда христос страдал на кресте, пчелы выпивали кровавый пот, который выступил у него на лбу, облегчая этим его страдания, и жалили руки его мучителей.

Делала это и ворона, да из корыстных целей—лакомилась кровью. Вот ворона и является проклятой птицей, накаркивающей человеку несчастье, а пчела особо угодна богу.

„Куда повернешь—туда и вышло!"

Легенда—только внешнее оправдание того, что ищет этого оправдания.

Пчелиный мед—слишком лакомое блюдо, чтобы ее создательница—пчела была оставлена в неизвестности: быт ее выдвинул на первое место и назвал угодницей самого большака—бога.—Муравей такой же труженик, да пользы от него нет,—разве настоят лечебные травы на муравьином спирту и им потом при ломотах натираться будут. Муравей никому не угождает, а потому он **ненужен** быту и остается в тени.

Помимо признания того или другого животного или птицы святыми, чистыми, как вол, или нечистыми, как лошадь, которую поэтому есть нельзя, а также помимо запретов, которые налагают посты, когда-то потребление некоторых животных вообще считалось недопустимым и строго соблюдалось на Руси. Так, с самых древних времен не употребляли телятины, зайцев, голубей, раков и вообще, всех животных и птиц, **которые были заколоты или зарезаны рукою женщины.** Эти запреты в древнем русском быту характерны, это ясное, отчетливое—и притом свое—табу. Неправильно видеть в них отражение запретов еврейской библии есть то или иное животное.

Евреям никогда не было, например, запрещено есть телятину и, наоборот, свинина, составляющая, согласно библии, запрещенную пищу у евреев, таковою в древне-русском быту не являлась.

Отсюда ясно, что источники создания этих правил были другие, чем еврейские и составляли самостоятельное достояние древне-русского быта.

Убеждение, что женщина не должна резать животных и птиц и что это — дело не женское, сохранилось в быту до настоящего времени.

В прежние времена, если в доме не было как раз мужчины, должна была женщина выйти с ножом на улицу и просить первого встречного мужчину зарезать то, что было ей нужно [60]).

Строго соблюдались в древне-русском быту посты. Если в настоящее время несоблюдение великого поста в худшем случае считается личным грехом, то несколько сот лет тому назад быт хранил еще явные черты родового взгляда на подобный грех, влекущий за собой возмездие не для отдельной только личности, но и для всего рода.

Не соблюдавших постов бойкотировали, не ходили к ним и не принимали их у себя. Налагали на них эпитемьи и покаяния. Сами же посты были настолько строги, что в филипповку, Петров и великий пост не ели нетолько мясного, но даже рыбного [61]).

Слабее соблюдался Успенский (лакомый) пост.

Боязнь навлечь божий гнев нетолько на виновного, но и на других, с ним соприкасающихся, заходит еще и в настоящее время так далеко, что всего два года тому назад я встретил эмигрировавшую из одной из глухих частей Украины супружескую чету, которая эмигрировала из-за столкновений с односельчанами на почве такой боязни.

Стояла засуха, а у рассказчиков был огород, в частности было посажено много картошки; чтобы спасти свои овощи и картошку, они стали таскать воду и поливать огород. Тогда односельчане этому категорически воспротивились: они служили молебны о прекращении засухи, но засуха не прекращалась; значит, засуха была угодна богу, а тот, кто избегал последствий засухи и поливал огород, шел, следовательно, против божией воли. А раз это так, то бог может рассердиться и наказать не только нарушителя его воли, но и всех, кто до этого нарушения их допустил. Отношения обострились до того, что супружеская чета бросила свой участок и уехала „подальше от греха" тогда же, т. е. всего два года тому назад.

Такое же отношение существует в некоторых местностях, и к возникшему от удара молнии пожара. В детстве я помню такой случай в Польше, в Кольском уезде тогдашней Калишской губ.: молния ударила в избу крестьянина. Мы и другие бросились его тушить, но нам это сделать не позволили крестьяне и изба со всеми пристройками сгорела до тла. Это кара божия. И если огонь будет потушен,—бог может свой гнев проявить на тех, кто этому не помешал. **Здесь еще четко выражено родовое сознание:** один отвечает за всех и все за одного, т.-е. то сознание, которое является, в частности, источником и родовой мести. В данном случае мы имели дело с родовым отношением к сверхестественным силам, перед которыми так же существовала как бы круговая порука. Древние корни очевидны.

---

[60]) А. Терещенко—„Быт русского народа", ч. 1, стр. 229, СПБ. 1848. В этом скрывается древний взгляд на женщину, как на существо низшего порядка.—Это из той же области, о которой еще Август Бебель сказал: „женщина была рабой раньше, чем установилось рабство".

[61]) А. Терещенко, там же, стр. 236.

16. Рыба.

В Никитин день (3/16 апреля) просыпается от зимней спячки водяной. Для рыболова важно, чтобы водяной проснулся в благодушном настроении. И вот, для того, чтобы ублажить водяного, еще всего каких-нибудь тридцать лет тому назад, во многих местах топили в реке, пусть плохенькую, но все же лошадь: водяному приносилась жертва.

Такая же жертва водяному производилась (может быть и теперь еще производится в глухих местах), после того, как пускалась в ход новая водяная мельница. Существовало поверье, что на такой новой мельнице непременно случится насчастье, и для того, чтобы не гибли люди, приносилась искупительная жертва скотом и чаще всего опять-таки лошадью.

В разных местах рыболовы считают своими покровителями разных святых. Это указывает, что покровители—святые—явление более позднего порядка, в то время, как самое искание покровителя и задабривание его жертвой—явление основное.

Но и теперь у рыбаков сохранилось убеждение, что

— „Кто с водяным ладит, у того и рыбы в неводе вдоволь".

Чаще всего своим покровителем считают рыбаки апостола Петра. На севере их покровителем является св. Нил Сорский (9 июня), в Уральской области—Николай Чудотворец, в других местах—Алексей, человек божий.

— На Алексея—с гор вода (30 марта старого стиля), а рыба со стану (с зимней лежки).

На рыбу рыбак смотрит, как на божий дар.

— Рыбка—божье дарованье.

Для него: „море—то же поле", а рыба вкуснее хлеба:

— Дал бы господь рыбки, а хлебец будет" (Архангельск. губ.)

Здесь ясное указание на рыбный промысел:

Рыбу продашь, на деньги купишь хлеб.

И если для землероба источником жизни является хлеб, то для рыбака таким же жизненным источником является рыба.

Начальником всех рыб в одних местах считают водяного, а в других—особого рыбьего царя, который, однако, так хорошо спрятан, что его никто никогда не видел и даже неизвестно поэтому какой он. Поморы считают рыбьим начальником какого-то исполинского рака. Но что начальник у рыбы должен быть,—ясно: ведь видят же иногда люди, как рыба совершает великие передвижения, великие переходы из одного водного бассейна в другой. Должен же рыбами, в таком случае, кто-то командовать, указывать как и куда передвигаться. Так думает быт.

Всем рыбам мать—рыба кит.

На трех китах и весь мир стоит. Заболеет один или сдвинется с места,—вот и землетрясение.

Некоторые рыбы служат причиной болезней:

От щуки, наиример, бывает, будто-бы, лихорадка. Но и, наоборот, если поймать щуку и с утра до вечера смотреть ей в глаза, посадив в какое-либо вместилище с водой, то, по поверию быта, можно вылечиться от желтухи: щука пожелтеет и сдохнет — желтуха перейдет на нее.—Вообще же к щуке в некоторых местах относятся подозрительно, как к существу, имеющему отношение к нечистой силе.

Есть рыбка-колюшка, вьюшая гнездо. Про эту рыбку расказывают то же, что про мышь: она выдернула паклю из Ноева ковчега,

итобы сделать из нее себе гнездо. Но уж заметил проделку и заткнул собой дыру, чем спас ковчег от потопления.

Если попался сом, говорит поверье, нельзя его бранить, а то водяной чорт за это очень отомстит [62]). Здесь интересно смешение водяного и чорта. Ясно также, что быт видит в соме силу, родственную и водяному, и чорту. Пусть утрачены более яркие черты отношения к сому, как к нечистой силе, но что сом когда-то был сам этою нечистою силой,—это отношение к нему прежнего быта несомненно.

Когда рыболовы отправляются рыбачить, никогда не желайте им успеха, так же, как и идущим на охоту охотникам: услыхав ваше пожелание, бог примет это за желание благополучия рыбе и животным, а рыбак и охотник вернутся домой с пустыми руками. Но это—только об'яснение. Не боязнь ли это того, чтобы завистливые духи, населяющие мир, узнав из пожелания о плане охотников и рыбаков, не переманили рыбу и дичь к себе или не сделали бы какую-нибудь пакость? Ведь можно же, дав понюхать хлеба чужим коровам и накормив им же свою, перетащить к ней молоко других коров, и мало ли существует вообще колдовских приемов? О планах рыболова и охотника надо молчать, не рассказывать, чтобы не воспользовались ими враги—злые силы.

Змеи и гады.

Вера в то, что, змея, после пчелы, самое мудрое существо, для русского быта—явление явно наносное. Это не собственное наблюдение, это чужое, откуда-то занесенное из прошлого. И только мимоходом, мельком встречаем мы в русском быту упоминания о змеиной мудрости.

— „На что мудр гад—змея подколодная, а пчела и ее перехитрит".

Еще бы: на то пчела и божья угодница.

Быт боится змеи, боится часто больше, чем следует, не различая иногда и безвредных видов ее от вредных (например, от неядовитой медяницы). Очень часто мнимое исцеление знахарями от укуса змеи основано именно на том, что змея была неядовита. Страх перед змеями выливается в определенную ненависть, и когда вы слышите такое выражение, как

— „за одну убитую змею бог прощает человеку двенадцать грехов, а за двенадцать убитых в один день змей самому страшному грешнику прощаются все грехи", или „если убьешь гадюку—сорок грехов прощаются", понимаешь, что это свое, плоть от плоти, не наносное, не от головы.

Такое же отношение, как к змее, существует и к пауку.

Но змеиная голова и сбрасываемая змеею во время линяния шкурка считаются целебными: змеиную голову носят на себе для исцеления от зубной боли, а шкурку—как средство от лихорадки.

Существуют многочисленные поверья, что змеи залезают в рот человеку и подолгу живут в нем.

В глухих местах вы и в наши дни еще встречаете легенды о существовании исполинских змей „полозов", которые, якобы, душат людей, и, во время моих недавних раз'ездов по Марийской области и глухим местам Татреспублики, мне не только приходилось слышать рассказы о таких чудовищного размера змеях, но даже видеть на

---

[62]) В. Даль „О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа", стр. 115.

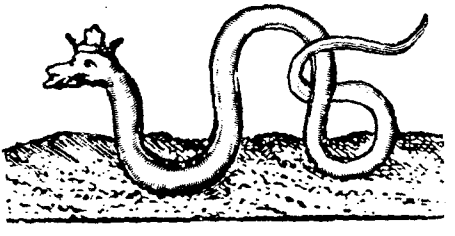
опушке леса могилу, где, будто бы, погребена женщина, которая, давно тому назад, отправившись с другими по орехи, на глазах у всех была задушена исполинскою, обвившеюся вокруг нее, змеею.

Это, конечно, не более, как легенда. В наших климатических условиях таких змей—исполинов не бывает, а у страха глаза велики. В некоторых местах легенда о полозах явно обнаруживает свою легендарную сущность: так, на Украине существует предание, что полоз—дьявол, который семь лет бывает обыкновенной змеей, а затем превращается в летающего змея, своими крыльями губящего всходы и посевы.

Источником бурь и вихрей во многих местах считают также и то, что кто либо повесился, удушился или утопился [63]).

На Исаакия, весною, (30/12 июня) змеи, по бытовому поверью, собираются и идут поездом на змеиную свадьбу.

На воздвиженье (14/27 сент.) собираются, якобы, змеи со всего света, в подземелье, где живет король-змея—Скорпия, змеиная мать, мать-царица, осужденная вечно пребывать под землею за то, что приняв в себя дьявола, соблазнила Адама и Еву. В этом подземелье змеи остаются, по бытовому поверью, всю зиму и вылезают из него только тогда, когда весной прогремит первый гром [64]).



Король — змея.

Есть и другое поверье: что на „воздвиженье—змеиное сдвиженье". В это время происходят змеиные свадьбы и змеи обсуждают свое житье-бытье на зиму.

Есть поверье, что бывают змеи-гадюки и ужи с двумя золотыми или роговыми рожками на голове. Зарыв эти рожки под два дерева, увидишь, что одно дерево за ночь засохнет, а другое станет пышнее: если положишь второй, хороший змеиный рог под угол дома, в доме будет счастье и наоборот. Рогатая змея появляется каждые двадцать лет" [65]).

18. Хлеб.

Видя в хлебе основу своего благополучия, быт не мог равнодушно относиться к хлебу и не считать его источником силы и богатства, вводя его в качестве одного из основных составных частей в свое миропонимание.

Но, включаясь в последнее, хлеб, в свою очередь, включался и в ту магическую цепь, при помощи которой оберегалась жизнь обихода от вторжения враждебных сил и производилось воздействие на окружающий мир.

И теперь сохранились обряды и обычаи, которые еще недавно были настольной необходимостью, казавшимся реальным средством достижения благополучия. Вступающих в брак молодых еще теперь во многих местах обсыпают пшеничным и ржаным зерном, ячменем, овсом, льняным и конопляным семенем, хмелем, мелкими деньгами (в виде позднейшей замены зерна) и даже орехами.

---

63) А. Н. Соболев—„Загробный мир по древне-русским представлениям". Сергиев Посад, 1913, стр. 47.

64) А. Ермолов. Русск. нар.-сельская мудр. 3, ст. 384.

65) А. Ермолов, выше цит. соч. стр. 384—385.

Верят, что это делает их богатыми, здоровыми и веселыми, предохраняет от порчи и делает способными к урожаю (деторождению).

То, что во многих местах это обсыпание молодых производится непременно на вывороченной на изнанку шубе, показывает, что имеется в виду и воздействие на злые силы, т. к. вывороченная шуба неизменная принадлежность таких действий, в которых предполагается участие или присутствие нечистой силы.

Очень в ходу и обрядовое употребление каши. Прежде распространенное на рождественских праздниках, родинах, свадьбах, похоронах, а также и в некоторых других случаях, это употребление каши теперь удержалось исключительно за рождественскими святками или за свадьбами [66]).

На рождественской каше во многих местах гадают. Иногда не надо смешивать применение хлеба в разных его видах в других целях с обрядовым пользованием им: так, например, ряд обрядовых действий с хлебом на родинах и крестинах вовсе не является результатом магических и религиозных действий, а просто обрядовым вознаграждением за услуги бабки и выражением любезности к родильнице.

Народные праздники можно разделить на две группы: на зимние и весенние, с одной стороны, и на летние и осенние, с другой. В первой группе—святки, масляница, заключение весны, красная горка, Егорий весенний, Семик и Троицын день. Во вторую группу входят Купала и обжинки (или оспожики, от смеси слова обжинать с госпожа (богородица [67]),—2 й Спас, Рождество богородицы (8/21 сентября), а на севере и 3-й Спас (15/28 авг.), по мнению некоторых, весьма родственные между собой, слившиеся до полного тождества, при чем к ним примыкают Семен день, Госпожка, Егорий осенний [68]).

Обрядовое применение хлеба в феврале, марте, апреле, мае в течение масляницы, великого поста и пасхи носит следы как древних приемов встречи весны, так и более поздних христианских наслоений.

К христианским наслоениям относятся хлебы в виде креста, приготовляемые в середине поста, на страстной неделе, благовещенские просфоры, которые стираются в порошок и смешиваются с хлебными зернами при посеве, лесенки из теста, приготовляемые местами (30/12 апреля) в день Иоанна Лествичника, блины христу на онучи в день вознесения и некоторые другие христианские обрядовые хлебы, по названию, числу и употреблению связанные с церковными праздниками. Но гораздо вернее видеть во всем этом древне-бытовые обычаи, лишь приспособившие свое проявление и более позднему вторжению христианства. Неверно, как это делают некоторые, причислять к явлениям христианства куличи и пасху [69]).

Недаром на Украине кулич именуется бабой: когда-то ему придавали форму женского полового органа, как и творожная пасха напоминает собой мужской половой орган. Это—остатки первобытной магии культо-производственных сил природы, задачею которых было оплодотворение. Сюда примыкает целый ряд обрядов, хлебы георгиевский, семицкий, троицкий, получившие иногда только христианские названия.

---

66) См. Н. Ф. Сумцов „Хлеб в обрядах и песнях".

67) В. Даль. Толковый словарь.

68) Сумцов, вышеук. соч. стр. 70. Сумцов, таким образом, делает различие между обожинками и госпожинками, что, согласно Далю, неверно.

69) См. например, у Сумцова в вышеуказ. соч.

Обряд с хлебом в день Георгия весеннего заключается в следующем: накануне этого дня пекут каравай, с которым рано утром, в день Георгия, обходят поля, сравнивая высоту ржи с караваем. Если каравай прячется в ржи, то урожай будет хороший. Дома хозяин режет каравай на части и после молитвы вся семья его с'едает.

В семик и на троицу пекут пироги, курники, сдобные лепешки; приготовляют лапшу, пшенник, круглые хлебы в виде венка (козули) и драчону. Обряды потребления всего этого крайне разнообразны, но чаще всего это поедается во время так. наз., „завивания венков", что является остатком поклонения и жертвоприношения деревьям в период их расцветания.

Вот как описывает Сумцов еще недавно существовавший во Владимирской губ. обряд „водить колосок" [70]).

„Около троицына дня, когда озимая рожь начинает колоситься, бывает обрядовое шествие на засеянные ею поля. Молодые женщины, девушки и парни, собираясь на окраине селения, схватываются попарно руками и устанавливаются в два ряда, обращенные друг к другу, лицами; по их соединенным рукам, словно по мосту, идет маленькая девочка, убранная разноцветными лентами. Каждая пара, которую она прошла, спешит забежать вперед и стать в конце ряда; таким образом процессия подвигается до самой нивы. Здесь девочку спускают на̀ земь; она срывает несколько колосьев, бежит с ними в село и бросает их возле церкви. Шествие „колоска" сопровождается обрядовыми песнями".

Ясно, что идиллия с церковью—наслоение очень позднего порядка и что мы здесь имеем дело именно с древним обрядом, имеющим в виду воздействие на урожай хлеба. Не поэтому-ли девочка подымается высоко, что в этом скрывается символ роста и силы—на этот раз для ржи, в то время как на родинах бросают кверху пищу, чтобы рос вверх сам родившийся, а бабка повыше поднимает с тою же целью новорожденного.

Завивка бороды Илье, сопровождающаяся во многих местах пением обрядовых песен, еще и теперь очень распространенное явление. „Завивка"—жертва Илье, которому оставляется последний клок, чтобы Илья был милостив в следующем году: ведь именно Илья и считается бытом главным спецом по делу урожая.

Такие обряды, как принесение именно в церковь для освящения первых снопов и печеных хлебов опять-таки более позднего происхождения, изменение древней кормежки духов-богов и умилостивления их жертвой.

„Обрядовое употребление хлеба в осенние праздники",—говорит Сумцов, [71]) не представляет ничего, заслуживающего внимания. Так, в некоторых местностях пекут пироги или блины 1-го (14) и 30-го (13 декабря) ноября или 4-го (17) декабря. Придают иногда хлебу форму рогов или копыт и кормят ими животных".

Этот взгляд в корне неверен. Уже одна кормежка скота хлебными изображениями копыт и рогов не может не привлечь нашего внимания.

Мы знаем, что кормясь сами и кормя других, дикари думают, что кормят богов и умерших, что хлеб играет роль не только в христианских таинствах, но и в огромном количестве обрядов древних

---

[70]) Там же.
[71]) Там же, стр. 87.

религий, [72]) что все почти главные праздники были праздниками в честь мертвых и их ублажением.

Вот почему, не понимая того или другого обряда, мы должны только признать, что нами утрачена связь с прошлым и что мы не разбираемся в этом обряде.

В свое время он был осмысленным, разумным и целесообразным, вытекая из определенного миропонимания, из выдержанной системы действий и воздействий на окружающий мир, из трудовых процессов того времени и техники.

Можно до бесконечности описывать остатки и сохранившиеся осколки древних верований, теперь воспринимаемых, как нелепое суеверие.

Нелепость—понятие относительное, меняющееся вместе с изменением общественных соотношений. Отношение быта к огню, воде, воздуху и многому другому отражают не только прежде бывшее, но еще и ныне сохранившееся у него мировосприятие.

В задачу этого труда не входило исчерпывающе разработать все остатки древних религиозных и магических воззрений, сохранившихся в быту по настоящее время: для этого надо писать томы.

Одно несомненно: частичные удары и изменения не изменяют быта в его целом. Для этого требуется и время, и работа, и прежде всего переворот в хозяйственно-политическом укладе деревни.

Но прежде всего, надо изучать и знать противника.

19. Заключение.

Быт не всегда ладно скроен, но зато сшит крепко.

Загляните в его трудовой календарь на каждый день: это такое массивное, веками созданное сооружение, в нем столько целесообразного и по своему разумного и так стройно и связно в нем все,— и то, что разумно, и то, что просто результат неведения или значения уже не имеет, как утратившее свои, когда-то разумные основы,— что выбивать его звенья по частям почти что невозможно.

Все свои заботы на каждый день быт регулирует по тому или иному дню месяцеслова. Имена святых в данное время—те вехи, по которым быт переходит от одного дня к другому, от одной работы к другой.

Прозвища и определения, которые быт присоединил к официально-церковным именам святых (Антип-половод, Ирина-рассадница, Марья-пустые щи—зажги снега; пришел Федул,—теплом подул и т. д.),—это накопление мудрости и множества наблюдений. Дело не в святом, а в той работе, которую надо в этот день или после этого дня делать, в том указании на явления природы, которые в это время происходят. В том, наконец воздействии, которое желательно произвести на природу. Тит последний гриб растит, Прокл-великие росы, Пигасий солнце гасит. Пришел по трудовому календарю Петр-Павел -коси траву. Наступил день Ильи—жни.

Весь календарь составлен в согласии с тем примитивным кустарным хозяйством, которое ведет быт, в расчете на те работы, которые он проводит своими собственными силами, при старых способах технического оборудования и оставшихся от отцов, дедов и прадедов отсталых способах обрабатывания земли, сева, жатвы, косьбы, удобрения почвы и т. д.

---

[72]) См. у Путинцева „Прихождение религиозных праздников", у Рожицына—„Пасха", а также у Фрэзера, Рацеля (Народоведение), Ш. Летурно, Кунова и очень мн. др.

Эти старые, отсталые способы производства отдают быт в полную зависимость от случая: пошел дождь во время, хорошо, не пошел—нет урожая... Перед землеробом—бесконечная цепь случайностей, не зависящих от его воли, и это порождает в нем острое чувство бессилия и зависимости. Отсюда прямой путь к первобытной магии, о которой так блестяще говорит Джемс Фрезер в своей „Золотой ветви", ко всей этой сложной системе мнимого воздействия на мнимых распорядителей силами природы, о которых говорится и в этом труде.

Сидит пряха в заброшенной деревне в полутемной избе... Чирикает сверчок. Шорохи слышутся на чердаке, под полом. То треснет что-то, или ветер вдруг завоет в трубе и ударит по крыше.

Во власти этих звуков, не в силах их устранить, ими управлять, пряха чувствует их сверхъестественную для нее силу, и образ домового и всякой подобной нечисти рисуется в ее воображении, заставляет острее чувствовать свою слабость и беспомощность. Но приведите эту же старуху на ткацкую фабрику, где сверкает электричество и рычагами и кнопками на ее глазах приводят в движение машину и станки,—и на этой фабрике места для домового не найдет даже уже, испорченное прошлою жизнью воображение, деревенской пряхи.

А громоотвод, освобождающий от гнева и произвола Ильи пророка, не лучшее-ли средство забыть об этом Илье пророке?

Но с Ильей связано и представление об урожае, и чтобы убить Илью, и в этом отношении достаточно убедиться, что урожай этот зависит вовсе не от случая и не от чьей либо сверхъестественной воли, а от технически умелой обработки земли, не так, как это делали отцы и деды, а так, как это делают современное знание и современная сельско-хозяйственная техника.

Тебе нужен хороший урожай?

Молись—не молись,—ничего из этого не выйдет.

В этом ты можешь убедиться на практике.

А вот, если трактор вспашет твое поле, разрыхлит землю, не так поверхностно и плохо, как ты ее разрыхляешь своей сохою, и даже плугом; если ты, согласно указанию химика, произведшего исследование состава земли в данном участке, удобришь землю не навозом, состав которого всегда один и тот-же, а именно тем химическим составом, которого у тебя в земле не хватает для того, чтобы уродилось как раз то, что ты сеешь или сажаешь; если определенным образом обработанная почва сохранит в себе влагу даже тогда, когда не будет дождя и будет стоять самая настоящая засуха, и если в дождливое лето соответствующие приспособления не дадут дождям гноить посева;—если, другими словами, **от тебя же** и от определенных **твоих** действий зависит удача или неудача, урожай и недород, и ты в этом сам убедишься на опыте, то неужели ты будешь таким наивным, что станешь кого-то, невидимого и незримого, просить о помощи?

Мы еще помним, как люди определенного закала, не привыкшие еще к железным дорогам, в представлении которых езда в поезде была связана с опасностью, как они, садясь в поезд, крестились. Но когда ездить поездом им пришлось часто, а несчастья с ними не случалось, они, продолжая делать то-же в других случаях и других местах, мало помалу отвыкли креститься в поезде. А таких, которые крестились бы, садясь в трамвай, кажется, и вовсе никогда не было и никто из нас, вероятно, таких не видал: слишком безопасно, согласно опыту, было ездить в трамвае, а потому не к чему было

росить и защиты у высших сил и магически предохранять себя крестным знамением.

В. И. Ленин говорит:

„**Социальная придавленность** трудящихся масс, кажущаяся бессомощность их перед слепыми силами капитализма, который приносит ежедневно и ежечасно в тысячу раз больше самых ужасных страданий, самых диких мучений рядовым рабочим людям, чем всякие из ряда вон выходящие события в роде войн, землетрясений и т. д.,—**вот в чем** самый глубокий современный корень религии.

„Страх создал богов"... Страх перед силой капитала, которая слепа, ибо не может быть предусмотрена массами народа, которая на каждом шагу жизни пролетария **и мелкого хозяйчика** грозит принести ему и приносит „внезапное", „неожиданное", „случайное" разорение, гибель, превращение в нищего, в проститутку, голодную смерть,— вот корень современной религии [73]).

А земледельческий быт дрожит еще и перед кажущимися ему сверхъестественными силами природы, от которых зависит все его существование и благополучие, которых он не умеет предусмотреть и которые поэтому представляются ему сверхъестественно-таинственными, руководимыми неведомыми существами.

А если он их предусмотрит? А если он будет управлять этими силами? Тогда исчезнет и почва для религии и всякого рода суеверий.

В Америке некоторые страховые общества ежегодно назначают **различного** размера страховые взносы за страхование посевов от градобития и проч., в зависимости от тех метеорологических и барометрических данных, которыми они располагают уже в момент страхования, и, в зависимости от этих данных, страховые взносы и различны для различных местностей.

„Дикарь думает, что может повелевать стихиями", и так как духи „имеют большую власть над стихиями, чем люди, он вызывает их, чтобы они произвели явления, которые ему не удалось произвести" [74]).

Что же нужно, чтобы дикарь убедился, что он действительно „может повелевать стихиями", но не при помощи заклинаний и вызова духов, а собственными реальными действиями и силами. **Для этого нужно**, чтобы он действительно, реально покорил себе силы природы, чтобы он был их распорядителем и хозяином, что и достигается при помощи современных машин и современных технических приспособлений.

Но и борьбу с религией нельзя ограничивать абстрактно,— идеологической проповедью, нельзя сводить к такой проповеди. Эту борьбу надо поставить в связь с конкретной практикой классового движения, направленного к устранению социальных корней религии" [75]). Там, где у власти стоят эксплоататорские классы, религия неизменно является одним из наиболее сильных средств классового укрепления с их стороны [76]). Она — результат слож-

---

[73]) См. „Мысли В. И. Ленина о религии". Изд. 2-ое Атеист, стр. 26.

[74]) П. Лафарг. „На капиталистической каторге". Изд. „Московский Рабочий". 1922, стр. 21.

[75]) Мысли Ленина о религии. Атеист. Изд. 2-ое, стр. 25.

[76]) О способах, к которым прибегают эксплоататорские классы для насаждения религии даже в странах, где официально, как это имеет место в „свободной" Америке, существует отделение церкви от государства, см. у Эптона Синклера в его книгах „Выгоды религии", изд. „Красная Новь", 1924 г.

ной цепи причин и, как следствие, исчезнет вместе с исчезновением их [77]).

Электрофикация деревни, трактор, стоящее на высоте современного уровня знания и техники земледелие, ясное представление о всей связи явлений природы, реальный опыт в организации и применении технических достижений, уход от кустарнических приемов и переход к коллективному хозяйству,—вот что нужно.

Реальная победа, реальное, наглядное достижение в смысле увеличения производительности затраченного труда, очевидная независимость от случайностей, уничтожение в хозяйстве землероба „анархии" производства и распределения и, наоборот, систематическое овладение и использование производственных сил, переустройство быта в этом отношении—в корне уничтожат и надстройки на этом быту, одной из которых является религия.

---

[77]) Я нигде в этой книге не отделяю религии от суеверий, т. к. такое отделение в корне неправильно: то, что было религией вчера, отодвигаясь под влиянием расширения области знаний и экономических отношений на задний план, именуется суеверием сегодня. В действительности же все без единого исключения,—в том числе и самые рационалистические, так наз., сектантские, дальнейшие формы буржуазного развития религии,—религии, сверху до низу наполненные противоречащими уровню современных знаний, ложными верованиями, которые и носят название суеверий, составляя их сущность и неотъемлемую принадлежность. Говоря словами Фр. Энгельса „Религия,—это фантастическое отражение в головах людей тех внешних сил, которые господствуют в их повседневной жизни, отраженных в виде надземных сил", к чему следует добавить „определяющее отношения людей пред лицом этих сил между собой и надземных сил и людей друг к другу", т. к. одно отражение не исчерпывает религию, в которой непременно заключается и линия поведения человека перед лицом надземных сил.

Будущее одной иллюзии.

От Редакции Атеиста.

Всего только тридцать два года прошло с тех пор, как Зигмунд Фреид (р. в. 1856 г.) выступил впервые со своим учением о значении сексуального момента в душевной жизни человека. За это короткое время учение Фрейда пережило любопытнейшую эволюцию: с одной стороны, оно пытается ныне распространить свои выводы далеко за пределы медицины, где оно зародилось, и превратиться в своего рода философскую систему, с другой стороны, оно из ученого „чудачества", каким его считали в начале, превратилось ныне в модную теорию, насчитывающую множество последователей среди буржуазных ученых и врачей всего мира. В Америке и Англии увлечение фрейдизмом было одно время столь сильно, что оно превратилось в своего рода массовую эпидемию, в—„фрейдоманию". Не осталась в стороне от фрейдизма с его попытками все и вся выводить из сексуальности и наша научная мысль. И в Советской России фрейдизм нашел своих горячих защитников, которые не ограничивались признанием терапевтической, лечебной ценности фрейдовского метода, которые считали его ключом к разрешению сложнейших социологических проблем (хотя бы такой, как вопрос о происхождении религии).

Здесь не место подвергать анализу и критике все учение Фрейда в целом. В нем очень много спорных элементов, много преувеличений, много, если угодно, даже метафизики (сам Фрейд порой склонен расширять понятие „сексуальности" до роли какого-то мирового начала, похожего на „всеобщий и всеохраняющий Эрос Платона"). Отметим только, что буржуазные ученые и идеологи за последнее время горячо ухватились за учение Фрейда, пытаясь на нем построить оправдание социального гнета и неравенства. В частности, по адресу русских комунистов со страниц буржуазной прессы не раз направлялись аргументы, заимствованные из фрейдовского арсенала. Октябрьская революция, мол, является рецидивом варварства, массовым неврозом, а советская власть—имбециллократией, т.-е. строем, при котором господствуют ненормальные личности, люди с пониженным развитем, страдающие инфантильным (детским) извращением и т. д.

Всякие попытки примирить фрейдизм с марксизмом обречены на неудачу. Между ними существует непримиримое, принципиальное противоречие. Если марксизм, исходя из опыта и фактов, определяющим моментом исторического процесса считает экономику, то фрейдизм пытается найти исчерпывающее об'яснение всех явлений обществен-

ности в присущей человеку „сексуальности", т. е. в чисто биологическом моменте. Совершенно неприемлемым для марксизма является и то об'яснение, которое дается фрейдизмом происхождению религии. В своем известном труде „Тотем и табу" (переведенном и на русский язык) Фрейд приходит к следующему выводу: „Я мог бы в заключение... настоящего исследования сказать, что в Эдиповском комплексе совпадают начатки религии, нравственности, общественности и искусства в полном согласии с данными психоанализа, по которым этот комплекс составляет ядро всех неврозов". На этом положении необходимо остановиться.

Психоанализом называется у фрейдистов такой метод изучения и лечения психики человека, который стремится „устранять амнезии", т. е. воскрешать в сознании человека забытые, запамятованные, ушедшие в бессознание, в подсознательную область, переживания. Этому методу приписывается не только лечебное, но и научно-исследовательское значение. Этот метод, во-первых, выясняет основу невроза, его истоки, скрытые для самого невротика, во-вторых, освобождает, очищает психику человека от давящего ее гнета, приводит ее к благодетельному „катарсису" (очищению).

Невроз, душевное заболевание, ненормальное психическое состояние, выражающееся часто в страхе, гнете (при неврозе страха), образуется, складывается на почве вытесненных в подсознательную сферу, т. е. неизвестных самому невротику, комплексов. Но что такое „вытеснение"?

По учению Фрейда, человек — существо насквозь сексуальное. Насквозь сексуализирован и младенец, которому доставляет наслаждение сосание материнской груди, лежание в собственном кале, ощущение дурных запахов и т. д. Либидо, т. е. сексуальное влечение,—вот, де, та основная стихия, которая действует в человеке. Либидо может получить непосредственное удовлетворение и тогда все в порядке. Если же это почему-либо невозможно, а чаще всего в условиях культуры это именно невозможно в силу всевозможных ограничений, то течение либидо может иметь два направления: либо оно подвергается вытеснению, подавлению, т. е. загоняется внутрь, в бессознательное, либо оно сублимируется, т. е. поднимается на высшую ступень, переводится на другие, более высокие, об'екты.

В случае сублимации либидо, т. е. сексуальная энергия, находит себе выход в творчестве, в трудовой деятельности и личность не только не терпит ущерба, но напротив, в результате такого „переключения" энергии становится многообразнее, ярче и богаче. В случае подавления либидо, вытеснения, ограничения его получается невроз, а загнанная внутрь и не находящая выхода сексуальная энергия всегда грозит прорваться, если ей не дать выхода. Невроз именно и является большей частью неправильным выходом вытесненного, загнанного внутрь либидо. Сильное переживание, не могущее быть отреагированным, т. е. получить выход, может привести к отщеплению аффекта от того представления, с которым оно связано, и перенесению его на случайный об'ект, превратиться в невроз навязчивости. Человек, например, страдает неврозом навязчивости, выражающимся в непрерывном мытье рук. Сам невротик не знает причины этого невроза. Но вот приходит психоаналитик и, воскресив „амнезию", устанавливает, что невроз этот вызван бессознательным ощущением загрязненности, которое существует у невротика, занимавшегося онанизмом. В основе невроза лежит, таким образом, подавление, ограничение, вытеснение либидо, т. е. конфликт личности с окружающей

обстановкой, стремление бежать из неудовлетворяющей действительности, отказ от реальности, поиски компенсации, утешения в каком-то ином блаженном мире.

Свою гипотезу происхождения религии Фрейд строит на сходстве душевной жизни дикаря, ребенка и невротика.

По учению психоанализа сексуальное влечение мальчика, т. е. его либидо, носит инцестуозный, т. е. кровосмесительный характер, оно направлено на запретные об'екты, на мать и сестру. По утверждению Фрейда, мальчик, одержимый жаждой инцеста, т. е. кровосмешения, не только ненавидит отца, но и испытывает желание убить его. Для такого сочетания влечений Фрейд придумал название Эдиповского комплекса по имени легендарного греческого Эдипа, который, якобы, убил своего отца и женился на своей матери. Вытеснение, подавление этих влечений лежит, по учению Фрейда, в основе позднейших неврозов взрослого человека. Отцовский комплекс носит у детей и невротиков амбивалентный, двухсторонний характер. Эта амбивалентность, двойственная направленность выражается в том, что, с одной стороны, сын ненавидит отца и хочет его убить, а с другой, любит его и благоговеет пред ним, ибо именно отец является первой защитой ребенка против ограничивающей и пугающей его реальности.

Вот этот самый Эдиповский комплекс, который обнаруживается психоонализом у детей и невротиков, кладется Фрейдом в основу его гипотезы о происхождении религии. Он рисует дело так. Когда-то в незапамятные времена главарь, де, каждой орды преследовал всех своих сыновей, едва только они достигали зрелости, как своих соперников. Главарь стремился быть единственным обладателем всех женщин орды. Но вот „однажды все изгнанные из орды братья соединились, убили и с'ели отца, положив конец отцовской орде. Общими силами, скопом они совершили то, на что каждый из них в отдельности не осмеливался". Что убитый отец был с'еден сыновьями, первобытные люди были, ведь, каннибалами-людоедами, разумеется само собой. Насколько можно судить по амбивалентности отцовского комплекса у наших детей и невротиков, сыновья орды „не только ненавидели отца, который являлся таким препятствием на пути удовлетворения их стремлений к власти и их сексуальных влечений, но в то же время любили его и восхищались им. Устранив его, утолив свою ненависть и осуществив свое желание отождествиться с ним, они должны были попасть во власть усилившихся нежных душевных движений. Это приняло форму раскаяния... То, чему мертвый прежде мешал своим существованием, они сами теперь запрещали себе, попав в психическое состояние хорошо известного нам из психоанализа „позднего послушания". Они отменили поступок, об'явив недопустимым убийство заместителя отца, т. е. тотема, и отказались от плодов этого поступка, отказавшись от освободившихся женщин. Таким образом, из сознания вины сына они создали два основных табу тотемизма, т.-е. запрещение убийства и инцеста". И далее Фрейд заключает: „От этого преступного деяния (т.-е. от первобытного отцеубийства) многое взяло свое начало: социальные организации, нравственные ограничения и религия".

Нечего говорить, что подобная гипотеза происхождения религии совершенно несостоятельна. Ее несостоятельность не только в том, что она не может быть доказана фактами (ведь Фрейд выводит религию из события, имевшего место один раз в доистории), но и в том, что она совершенно не учитывает многообразия религиозных представлений первобытного человечества, никак не сводимых к инцесту-

озному комплексу. Материалы по этнологии и истории первобытной культуры отнюдь не свидетельствуют о силе этого инцестуозного момента, который Фрейд пытается обнаружить даже в земледелии: земледелие, мол, обозначает не что иное, как обработку матери-земли. И если бы настоящая статья З. Фрейда служила бы только перепевом его старой гипотезы, то вряд ли она стоила бы нашего внимания. Но дело-то как раз в том, что последняя работа Фрейда оказывается полным сюрпризом, как для его сторонников, так и для тех, кто, принимая отдельные элементы фрейдизма, отвергает фрейдизм, как философию жизни и мира.

До сих пор Фрейд и его ученики, подходя к вопросам религии, неизменно приходили к выводу, что религиозное переживание очень напоминает собой картину настоящего невроза, что в устремлении верующего к богу, в тех отношениях, которые религиозный человек устанавливает со своим богом, налицо все явления перенесения аффекта с реального об'екта на фантастический, характерные для невроза. И тем не менее, фрейдизм до сих пор не осмеливался дойти до логического конца. Фрейдизм называл навязчивый невроз „каррикатурой религии", а в религии видел „символический и разумный смысл", религию считал „тем путем, которым человек освободился от господства злых, социально-вредных стремлений". Теперь Фрейд осмелился сказать страшное слово: **в наше время религия является неврозом навязчивости, в век машин, электричества и радио вера в бога, как бы этого бога ни представлять, является инфантильным пережитком детской поры человечества.** Мы не станем воспроизводить здесь интереснейшую аргументацию Фрейда. Укажем только, что логика фактов приводит Фрейда, не имеющего ничего общего ни с марксизмом ни с социализмом, к выводам основоположников научного социализма.

„Религия есть всеобщая теория этого мира, его энциклопедический компендиум, его лигика в популярной форме, его спиритуалистический point d'honneur, его всеобщее основание у т е ш е н и я и о п р а в д а н и я. **Она фантастическое воплощение человеческой сущности, но человеческая сущность еще не обладает никакой истинной действительностью**" (Маркс. К критике человеческой философии права).

„Каждая религия является не чем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни, отражением, в котором земные силы принимают форму „сверх'естественных". (Энгельс. Антидюринг).

Через несколько десятков лет после Маркса и Энгельса добросовестный буржуазный ученый, покорный велению фактов, приходит к тем же убийственным для религии выводам.

Что, одако, побудило Фрейда, (который, по словам одного из его учеников, Виттельса,—гражданин, которому хотелось бы „жить и умереть спокойно"), посягнуть на один из столпов буржуазной культуры (ибо культура, где меньшинство навязывает свои требования и ограничения большинству, о которой говорит Фрейд, и есть культура классового общества), каким является религия?

Внимательное чтение статьи Фрейда обнаруживает, что его пером водило сознание краха не только религии, но и современного буржуазного общества. Фрейд понял, что отказывается действовать гигантский насос, каким являлась религия для выкачивания в безвоздушное пространство, в фантастическое небо с его обитателями, той сдавленной, вытесненной, загнанной внутрь социальной энергии, которая может взорвать капиталистическую цивилизацию. **Фрейд сигнализирует буржуазии смерть религии и опасность, которая**

с ней связана для классовой культуры. Но вместе с тем Фрейд достаточно добросовестен, чтобы понимать почти полную безысходность положения для буржуазии. Он видит, что слишком много накопилось в капиталистическом обществе противоречий, слишком много сдавленной энергии и ненависти, которые раньше загонялись религией в невроз, в искание потустороннего мира и фантастических об'ектов, но которые теперь властно ищут выхода. И вот Фрейд, не—социалист (ибо он не верит в возможность обходиться без принуждения людей к труду), приходит к пессимистическому для своей культуры выводу. „Приходится ли говорить о том, что культура, которая оставляет неудовлетворенным такое огромное число участников, толкая их на восстание, не имеет видов на длительное существование да и не заслуживает его". Таким образом, статья Фрейда имеет значение не только, как еще одно обоснование неизбежного отмирания религии и торжества атеизма, но и как знаменательный для нашей эпохи человеческий документ.

Работа Фрейда, как убедится читатель, представляет собой блестящий образец литературного мастерства, она отличается тем, что в ней „словам тесно, а мыслям просторно". Но среди россыпи мыслей, которые Фрейд умудрился вместить в свои скупые строки, есть одна, которая особенно ценна и поучительна для нас, советских атеистов. В предисловии к своему последнему сочинению „Материалистическое понимание истории" (1927 г.). К. Каутский, выражая общее мнение реформистов, пишет: „Социал-демократическая партия должна быть открыта каждому, кто хочет примкнуть к освободительной борьбе пролетариата против всякого гнета и эксплуатации, как бы он ни обосновывал теоретически свое желание, материалистически, кантиански, христиански, или еще как-нибудь". Одним словом, партии рабочего класса не должно, мол, быть дела до религии, которая, мол, является частным делом каждого. И вот не кто иной, как буржуазный ученый Фрейд, только потому, что он оказался способным подойти к религии, как честный исследователь, особенно ярко и убедительно разоблачает нестерпимую пошлость лозунга „религия—частное дело" в нашу эпоху. Этот лозунг не только реакционен, ибо он прозевывает такую мелочь, как церковь со всем ее оглупляющим аппаратом, с ее экономической базой, с ее средневековыми идеалами, он просто абсурден в наши дни, он—„contradictio in adjecto", т.-е. внутренне противоречив и нелеп. К стыду реформистов именно буржуазный ученый Фрейд показывает, что в нашу именно эпоху борьба с гнетом и эксплуатацией несовместима, непримирима с религией. Перед человеком нашей эпохи в области мировоззрения есть два пути: либо борьба за новую культуру, участие в общественной жизни, направление влечений и энергии на реальные об'екты, на преодоление реальных препятствий, на реальное преображение всей окружающей человека обстановки, либо прилежание к богу, к потустороннему миру, направление влечений и энергии на иллюзорные об'екты и фантастические цели, уход в невроз, бегство от общества, смерть для реальной общественной борьбы.

Либо—либо. Третьего не дано.

* * *

Прожив порядочное время среди определенной культуры, поработав немало над выяснением ее истоков и пути ее развития, испытываешь искушение устремить взор в другом направлении и задаться вопросом: какая дальнейшая судьба предстоит этой культуре, какие изменения ей суждены процессом исторического развития? Вскоре однако, обнаруживается, что подобное исследование наперед обесценивается многими моментами. Прежде всего, тем, что существует лишь очень немного людей, которые в состоянии охватить человеческую деятельность во всех ее формах и разветвлениях. Для большинства сделалось необходимым ограничение своей компетенции отдельной и небольшой областью. А ведь, чем меньше кто-либо знает о прошлом и настоящем, тем ненадежнее и недостовернее должно быть его суждение о будущем.

Далее, следует иметь в виду то обстоятельство, что как раз при подобном суждении суб'ективные чаяния отдельной личности играют роль, которую трудно оценить в полной мере; эти суб'ективные чаяния, однако, оказываются зависимыми от чисто личных моментов собственного опыта у данного человека, от его более или менее оптимистического отношения к жизни, как оно обусловлено темпераментом, успехом или неудачами этого человека. Наконец, играет роль и тот замечательный факт, что люди, в общем, переживают свое настоящее как бы наивно, не будучи в состоянии оценить его содержание: для того, чтобы настоящее могло сделаться отправной точкой, базой для оценки будущего и суждения о нем, необходимо, чтобы люди отступили от этого настоящего на известную дистанцию, т. е. чтобы оно превратилось в прошлое.

Таким образом, тот, кто поддается искушению высказать свое мнение о вероятном будущем нашей культуры, поступит правильно, если он будет иметь в виду как указанные оговорки, так и недостоверность, которая вообще присуща всякому предсказанию.

Вот почему я, поспешно пасуя пред слишком большой задачей, какой является суждение о будущем всей культуры, считаю возможным заняться лишь небольшой областью культуры, которая и до сих пор привлекала мое внимание. Я делаю это после того, как установил ее положение среди всей культуры в целом.

Человеческая культура—я разумею все то, в чем человеческая жизнь поднялась над своими животной основой, все то, чем человеческая жизнь отличается от жизни животных (при этом я отказываюсь разделять культуру от цивилизации)—являет, как известно, наблюдателю две стороны. С одной стороны, она обнимает все то знание и умение, которые приобрели люди для того, чтобы овладеть силами природы и добывать блага для удовлетворения человеческих потребностей, с другой стороны, она охватывает все установления и институты, которые необходимы для того, чтобы регулировать отношение людей между собой и, в особенности, распределение добываемых благ.

Оба этих направления культуры не являются независимыми друг от друга, во-первых, потому, что на взаимные отношения людей в сильной мере влияет та мера, в какой возможно удовлетворение стремлений и потребностей человека наличными благами, во-вторых, потому, что каждый отдельный человек сам может стоять в отношении другого человека в положении блага, поскольку этот другой использует его рабочую силу или берет его в качестве сексуального

об'екта, наконец, в-третьих, потому, что каждый индивид является ярко выраженным врагом культуры, которая, ведь должна служить выражением общечеловеческих интересов.

Замечательно, что люди, как ни мало способны они существовать в обособленном состоянии, все же ощущают те жертвы, которых требует от них культура для того, чтобы была возможной совместная жизнь, как нечто тяжело гнетущее. Культура, таким образом, нуждается в защите против индивида, и ее установления, институты и заповеди служат именно этой задаче: они призваны не только осуществлять известное распределение благ, но и сохранять его; больше того, их задачей является защита против враждебных проявлений людей всего того, что служит овладению природой и производству благ. Создания человеческих рук легко поддаются разрушению, а наука и техника, которые создают эти блага, легко могут быть употреблены для их уничтожения.

Таким образом, получается впечатление, будто культура является чем-то таким, что противодействующему большинству навязано неким меньшинством, которое сумело овладеть средствами власти и принуждения. Совершенно естественным является предположение, что это обусловлено не самым существом культуры, а несовершенством тех культурных форм, которые развились до сих пор. И действительно, очень легко обнаружить эту слабую сторону нашей культуры. В то время, как в овладении природой человечество делало и делает постоянные успехи, которые в будущем должны быть еще больше, в области регулирования человеческих взаимоотношений подобный прогресс установить трудно: вероятно, во все времена, как и теперь, многие люди задавались вопросом, стоит ли вообще защищать эту область человеческой культуры. Людям этим должно было представляться, будто мыслима такая новая организация человеческих взаимоотношений, которая в состоянии была бы устранить источники недовольства культурой, отказавшись от принуждения и подавления человеческих стремлений, так что люди могли бы спокойно, влекомые внутренними побуждениями, отдаваться производству и потреблению благ.

Это было бы золотым веком.

Однако, сам собой напрашивается вопрос, осуществимо ли подобное состояние. Более вероятным кажется предположение, что всякая культура строится на принуждении и подавлении влечений и стремлений. Трудно быть уверенным, что при полном отказе от принуждения большинство человеческих личностей будет готово брать на себя ту трудовую деятельность, которая необходима для производства жизненных благ. Приходится, как мне думается, учитывать тот факт, что у всех людей имеются налицо разрушительные, а значит, и антисоциальные, антикультурные тенденции и что эти тенденции у большого количества лиц достаточно сильны, чтобы влиять на их поведение в человеческом обществе.

Этот психологический факт имеет решающее значение при оценке человеческой культуры и суждении о ней. Если бы, прежде всего, можно было думать, что наиболее существенным в культуре является господство над природой для добывания жизненных благ и что угрожающие этому господству опасности могут быть устранены целесообразным распределением жизненных благ среди людей, то центр тяжести всей проблемы перенесся бы из материальной области в психическую.

Встает решающий вопрос о том, удастся ли—и насколько—уменьшить те жертвы, которые приходится нести людям в виде подавления своих стремлений, примирить их с теми жертвами, которые все же необходимы, и вознаградить их за эти жертвы.

Кроме того, от подчинения массы меньшинству так же трудно отказаться, как и от принуждения ее к культурной деятельности: массы косны и близоруки, они не любят подавлять свои страсти и стремления, они не поддаются действию аргументов, а отдельные личности, из которых состоит масса, только поддерживают друг друга в необузданности порывов. Лишь влияние отдельных выдающихся лиц, которых масса признает вождями, может подвинуть ее к трудовой деятельности и самоограничению, на которых покоится все здание культуры.

Хорошо, если эти вожди являются людьми проницательными, понимающими всю сложность жизни и ее требования, научившимися владеть своими собственными страстями и подавлять их. Однако, для них существует опасность, что они, не желая терять свое влияние на массы, будут потакать им вместо того, чтобы руководить ими: вот почему необходимо, чтобы эти вожди сделались независимыми от массы путем получения в свои руки средств власти. Короче говоря, имеются две широкораспространенных особенности человека, которые требуют, чтобы человеческие установления держались на известной мере принуждения: особенности эти заключаются в том, что, во-первых, человек сам по себе не хочет трудиться и что аргументы совершенно бессильны против его страстей.

Я знаю, что мне могут возразить против подобных выводов. Мне скажут, что нарисованный здесь характер человеческих масс, который призван доказать необходимость принуждения для культурной деятельности, сам является последствием уродливых культурных установлений, которые ожесточили людей, сделали их мстительными и недоступными убеждению. Новые, мол, поколения, полные любви, энергии, воспитанные в новой обстановке, приученные высоко ценить разум, с раннего возраста познавшие на себе благодеяния культуры, новые поколения эти по иному будут относиться к культуре, они будут ощущать ее, как свое кровное достояние, они будут готовы приносить для нее жертвы в виде труда и ограничения своих страстей и желаний, делать все то, в чем нуждается культура для своего существования. Они, мол, смогут обходиться без принуждения, они будут мало отличаться от своих вождей. Так как, однако, до сих пор никакая культура не знала масс подобного качества, то понятно, что никакая культура до сих пор не выработала таких учреждений, которые могли бы в таком духе воспитать людей с раннего детства.

Можно сомневаться, мыслимы ли вообще при нынешнем уровне нашего господства над природой такие культурные установления; можно поставить вопрос, откуда возьмется множество недюжинных, бескорыстных, проницательных вождей, которые должны будут фигурировать в качестве воспитателей грядущих поколений; можно пугаться результатов, возможных в результате устранения того принуждения, которое до сих пор считалось необходимым для осуществления культурных задач.

Тем не менее, нельзя оспаривать грандиозность и величие этого плана, его гигантское значение для будущего человеческой культуры.

План этот, несомненно, покоится на психологическом убеждении, что человек наделен самыми многообразными побуждениями, которым может быть дано решающее направление с ранних детских пор. Но

как раз ограниченность способности человека поддаваться воспитательным мерам, ставит известный предел размерам подобного культурного изменения. Можно вообще сомневаться, в какой мере другая культурная среда может привести к изменению тех обеих особенностей человеческих масс, которые так затрудняют руководство общественной жизни.

Подобный эксперимент еще нигде не был сделан.

По всей вероятности, известный процент человечества — вследствие патологических свойств, или чрезмерной силы страстей и влечений—навсегда останется антисоциальным. Если бы, однако, удалось враждебное культуре большинство современного человечества превратить в меньшинство, то этим было бы достигнуто очень многое, быть может, все, что может быть достигнуто.

Я бы не хотел произвести впечатление, что я сбился далеко в сторону от намеченного пути моего исследования. Я поэтому категорически заявляю, что вовсе не собираюсь оценивать великий культурный эксперимент, который ныне совершается в огромной стране, лежащей между Европой и Азией. У меня нет ни знаний ни способностей для того, чтобы решать вопрос об осуществимости этого эксперимента, для того, чтобы проверить целесообразность применяющихся там методов или степень неизбежного расхождения между намерениями экспериментаторов и действительностью, То, что там подготовляется, не поддается еще именно в виду своей незавершенности тому изучению и рассмотрению, для которого наша, консолидировавшаяся, культура дает достаточно материала.

II.

Мы незаметно перешли из области экономики в область психологии. Вначале мы пытались обрести достояние культуры в имеющихся благах и установлениях, служащих для их распределения. Выяснив, что всякая культура покоится на принуждении к труду и подавлении влечений, что она поэтому неизбежно вызывает оппозицию у тех, к кому направлены эти требования, мы поймем, что самые блага, средства их добывания и организация их распределения не являются единственным элементом культуры или ее существом. Ведь, эти блага и учреждения подвергаются угрозе со стороны той страсти к разрушению, того стремления к восстанию и мятежу, которые характерны для участников культуры. Значит, наряду с благами, пред нами выступают и те средства, которые призваны защищать культуру, т. е. принудительные средства и другие, которые должны примирить человечество с культурой и вознаградить его за жертвы. Эти средства могут рассматриваться, как духовное достояние культуры.

Выражаясь в той же манере, мы можем сказать, что самый факт неудовлетворения какого-нибудь стремления может быть назван отказом, отречением, институт, который налагает подобное отречение,—запретом, а состояние, которое вызывается запретом—лишением.

Следующим шагом является установление различия между лишениями. Их можно разделить на две группы: одни из них касаются всех, другие—относятся не ко всем, а только к известным группам, классам или даже отдельным личностям. Лишения, которые приходятся на долю всех, являются наиболее древними: именно, с тех запретов, которые узаконяют, делают обязательными эти лишения, начался под'ем культуры, именно с установлением этих запретов

человечество начало избавляться от первобытного животного состояния за многие тысячелетия до нашего времени. К нашему удивлению мы обнаружили, что эти запреты жизненны еще и теперь, что стремления, против которых они направлены, живы еще и сейчас, составляя ядро враждебности к культуре. Побудительные стремления, влечения, на которые распространяются эти запреты, рождаются снова и снова с каждым ребенком: существует группа людей, невротиков, которые даже реагируют на эти лишения асоциальностью. Такими влечениями являются влечения к инцесту[1]), каннибализму[2]) и убийству.

Как-то странно сопоставлять и сочетать эти стремления, в недопустимости которых, как будто, согласны все люди, с теми стремлениями, из-за сохранения и подавления которых и теперь еще идет страстная борьба в недрах нашей культуры. Психологически, однако, такое сочетание и сопоставление вполне законно. Да и в отношении древнейших влечений человека позиция культуры не везде одинакова. Только каннибализм кажется всем отвратительным и недопустимым, только при поверхностном рассмотрении каннибализм кажется окончательно преодоленным, тогда как со стремлением к инцесту и убийству дело обстоит по-иному: в запретах кровосмесительства чувствуется еще вся сила стремления к инцесту, а что касается убийства, то оно не только совершается при известных условиях нашей культурой, но даже предписывается ею. Весьма возможно, что впереди нас ждут такие формы культуры, в которых еще многие другие ныне вполне возможные, допустимые с нашей точки зрения удовлетворения желаний окажутся так же недопустимыми, как нынче каннибализм.

Уже в этих древнейших формах подавления стремлений перед нами выступает психологический фактор, который оказывается действительным и во всех дальнейших формах. Не верно, что человеческая психика не развивалась, не проделывала никакого развития с древнейших пор, что психика эта в противоположность успехам науки и техники является ныне такой же, какой она была на заре истории. На один из успехов духовного развития людей мы можем указать сейчас же. Успех этот заключается во всем направлении нашего развития, заключающегося в том, что внешнее принуждение постепенно превращается в принуждение внутреннее, ибо оно воспринимается особой психической инстанцией, „сверх-я“ человека в качестве одной из заповедей. Каждый ребенок воспроизводит пред нами процесс подобного превращения, каждый ребенок лишь в результате этого процесса становится моральным и социальным существом.

Это укрепление „сверх-я“ является в высшей степени ценным психологическим культурным приобретением.

Личности, у которых этот процесс совершился, превращаются из врагов культуры в ее носителей. Чем больше число этих лиц в какой-нибудь культурной среде, тем надежнее и устойчивее эта культура, тем скорее она может отказаться от средств внешнего принуждения. Мера этого внутреннего внедрения является для отдельных запретов весьма различной. В отношении упомянутых уже древнейших культурных требований внедрение их в сознание и психику людей зашло, как будто, если не считать невротиков, достаточно глубоко.

---

[1]) и [2]) см. предисловие.

Иначе обстоит дело с другими запретами. С удивлением и тревогой взираешь на то, что огромное множество людей подчиняется этим культурным запретам лишь под влиянием внешнего принуждения, т.е. там, где эти запреты поддерживаются внешней силой, которой приходится бояться. Это же происходит и с теми, так называемыми моральными, культурными требованиями и ограничениями, которые предназначены одинаково для всех. Бесконечное множество культурных людей, которые испугались бы убийства или инцеста, не отказываются, однако, от удовлетворения своей жадности, своих половых вожделений, не удерживаются от того, чтобы повредить другим ложью, обманом, клеветой, когда только они надеются на безнаказанность. Так происходит теперь, так было и прежде, в минувшие культурные эпохи.

Что касается тех ограничений, которые относятся лишь к определенным классам общества, то здесь встречаются весьма грубые нарушения, которые ни для кого не являются тайной. Можно, разумеется, наперед ожидать, что подчиненные классы завидуют привилегированным классам, что они готовы сделать все, чтобы избавиться от тех лишений, которые им приходится переживать. Там, где подобное избавление от лишений не осуществляется, там среди данной культуры накопляется много недовольства, которое может привести к опасным эксцессам. Так как ни одна культура до сих пор не достигла того, чтобы удовлетворение известной части участников культуры обходилось без подавления других и даже большинства,—это, ведь, характерно для всех современных культур,— то само собой разумеется, что эти подавленные и угнетенные участники культуры питают интенсивную вражду в культуре, которая существует на их труде, но в благах которой они получают слишком малую долю.

Ясно, что в отношении подавленных участников культуры не приходится ожидать того внедрения в психику, в сознание культурных запретов, о котором мы говорили выше. Больше того, эти подавленные слои общества не только не хотят признавать эти запреты, но они готовы разрушить самую культуру и даже ее предпосылки.

Культуроненавистничество этих классов так бросается в глаза, что оно оттесняет на задний план ту вражду к культуре, которая скорее, в скрытом виде существует и у лучше обставленных, щедрее наделяемых слоев общества. **Не приходится говорить о том, что культура, которая оставляет неудовлетворенным такое огромное число участников, толкая их на восстание, не имеет видов на длительное существование, да и не заслуживает его.**

Мера внедрения в психику, во внутренний мир человека (Verinnerlichung) культурных предписаний, т.-е., если говорить популярно, а не психологическим языком, — моральный уровень участников культуры является не единственным духовным благом, которое надо иметь в виду при оценке той или иной культуры. Наряду с ним стоит обладание идеалами и творениями искусства, т.-е, теми видами удовлетворения, которые даются искусством и идеалами.

О наиболее значительном, быть может, элементе психического инвентаря культуры мы еще до сих пор не упоминали. Мы разумеем понятые в самом глубоком смысле религиозные представления культуры, т.-е., другими словами, как мы покажем ниже, ее иллюзии.

III.

В чем заключается особая ценность религиозных представлений? Мы говорили уже о вражде к культуре, которая порождается гнетом, чинимым культурой, подавлением стремлений, которого она требует.

Стоит только представить себе устраненными все запреты культуры, стоит представить себе, что каждый получил возможность выбрать себе в качестве сексуального об'екта любую женщину, которая ему понравилась, убивая без дальнейших слов всякого соперника, который попадается на пути, что каждому разрешено забирать у другого какое угодно благо, не спрашивая у него разрешения, чтобы вообразить, какой прекрасной, какой цепью удовлетворений была бы жизнь!

Правда, сейчас же наталкиваешься на неприятное затруднение. Каждый, ведь, имеет точно такие же желания, как и я, каждый может поступить со мной так же беспощадно, как и я с ним. По существу, таким образом, безгранично осчастливленным в результате такого разрушения культурных ограничений может быть только один единственный человек, тиран, диктатор, который захватил в свои руки все средства власти и принуждения. Да и этот единственный счастливец, преступивший все запреты, имеет полное основание желать, чтобы другие сохранили, по крайней мере, одну культурную заповедь: не убий.

Как близоруко, как бессмысленно вообще стремиться к разрушению культуры! Все, что осталось бы после этого разрушения, было бы „естественным" состоянием, которое гораздо труднее было бы переносить, чем культурное состояние. Правда, конечно, что природа не требовала от нас никаких ограничений в удовлетворении стремлений, однако, природа имеет свои особенно могущественные, особенно действенные способы ограничивать нас, она холодно, жестоко, беззастенчиво, на наш взгляд, губит нас порой как раз тогда, когда мы стоим лишь у истоков удовлетворения. Именно, в силу этих опасностей, которыми угрожает нам природа, мы соединились и создали культуру, которая сделала возможной нашу общественную жизнь. Основная задача культуры, весь смысл ее существования как раз в том и заключается, чтобы защищать нас против природы.

Известно, что человеческая культура уже и теперь очень много преуспела во многих областях, впоследствии она, совершенно очевидно, преуспеет еще больше.

Ни один человек, однако, не позволит себе самообмана, чтобы думать, будто природа ныне уже покорена, и лишь немногие дерзают надеяться, что некогда природа будет окончательно подчинена людям.

В природе против нас стоят стихии, которые как будто издеваются над всяким человеческим принуждением: земля, которая сотрясается, которая погребает и человека и все, что им создано, вода, которая иногда заливает и топит все на своем пути, бури, которые сметают всякие препятствия, болезни, которым мы подвержены с первых дней нашего существования, наконец, мучительная загадка смерти, против которой до сих пор не найдено никакого зелья, от которой вряд ли когда-нибудь будет найдено лекарство.

Жестокая, неумолимая, грандиозная, полная величия стоит перед нами природа, тычет нас носом в наше бессилие, в нашу беспомощность, которые мы пытаемся изжить нашей культурной деятель-

ностью. Одно из немногих радостных и бодрящих впечетлений, которые могут быть получены нами от человечества, рождается при том под'еме сплоченности, при том забвении всякой взаимной вражды, при той дружной борьбе с общей опастностью, которые мы наблюдаем у людей пред лицом какой-нибудь стихийной катастрофы: люди забывают тогда все свои счеты и распри и соединяют общие усилия для того, чтобы отстоять свое существование перед грозным напором стихии.

Так же, как человечеству в целом, так и отдельному человеку трудно сносить жизнь. Известную долю лишений налагает на него культура, в которой он участвует, известную меру страданий уготовляют для него другие люди, которые причиняют ему зло, либо вопреки заповедям культуры, либо в силу несовершенства этой культуры. К этому присоединяется тот ущерб, который причиняется ему непокоренной, необузданной природой, стихийным сцеплением всяких случайностей, которое он называет судьбой.

Результатом всего этого должно было явиться мучительное состояние тревожного ожидания и тяжелое ущемление естественного нарцизма[1]). Как отдельный человек реагирует на ущерб и неприятности, причиняемые ему культурой и другими людьми, мы уже знаем: он развивает соответствующую меру противодействия и сопротивления установлениям этой культуры, он проявляет известную враждебность этой культуре. Как же он, однако, ведет себя в отношении непреодолимых сил природы, как он, обороняется против судьбы, которая угрожает ему, как и всем другим?

Культура берет на себя и эту функцию, культура обеспечивает всех людей одними и теми же приемами и способами реагирования на природу и судьбу. Замечательно, что это характерно почти для всех форм культуры. Культура и здесь не отказывается от своей задачи защищать человека против природы, она только осуществляет эту задачу другими средствами. Задача культуры является здесь весьма многообразной: находящееся под угрозой самочувствие человека жаждет утешения, мир и жизнь должны быть лишены своего страшного облика, вместе с тем должна быть удовлетворена и человеческая жажда знания, необходимо дать удовлетворение любознательности человека, которая, разумеется, подстегивается сильнейшими практическими интересами.

Уже первый шаг много сделал в этой области. Шаг этот заключается в очеловечении природы. С безличными силами и судьбами человеку приходится очень плохо, они остаются вечно чуждыми. Если же человек приходит к представлению, что в стихиях действуют такие же страсти, как и в его собственной душе, что даже смерть не является чем-то спонтанным, стихийным, что и смерть есть насильственный акт некоей злой воли, что вокруг человека, во всей природе действуют какие-то существа, подобные тем, которых человек знает из своего общественного опыта, то жить становится уже легче: человек тогда начинает чувствовать себя уютнее среди неприютного мира, он может тогда психически преобразить, переработать, преодолеть свой страх, свою бессмысленную тревогу. Конечно, человек, быть может, сознает себя еще безоружным, однако, он не чувствует себя уже таким беспомощным, он уже в состоянии, по крайней мере, реагировать, да и затем, возможно, человек ощущает себя не таким уже безоружным, ведь против всех этих насильников—

[1]) Нарцизм—фрейдовский термин, обозначающий самовлюбленность.—Ред.

сверхчеловеков можно применять те же средства, которыми человек пользуется в своем социальном быту, человек может попытаться заклинать их, умолять, подкупать, чтобы таким путем обезвредить их или овладеть хотя бы частью их мощи. Подобный подмен науки психологией не только дает моментальное облегчение, но и указывает путь к дальнейшему овладению положением.

Это положение, ведь, не является чем то новым, это положение имеет свой инфантильный прообраз, оно по существу является лишь продолжением того, что уже было, ибо таким же беспомощным человек чувствовал себя уже тогда, когда он в качестве маленького ребенка противостоял своим родителям, которых приходилось бояться: особенно приходилось ребенку бояться отца, который был всесилен, но защита которого была необходима и обеспечена пред лицом известных ему тогда опасностей. Само собой напрашивалось сравнение и отождествление обоих этих положений. Подобно тому, как это происходит в сновидениях, желание получало здесь свое осуществление. Предчувствие смерти охватывает спящего человека, переносит его в могилу, однако, работа сновидения умеет так преобразить это явление, что событие, которого спящий боится, превращается в исполнение его желания: спящий видит себя в древней этрусской гробнице, в которую он опустился ради удовлетворения своих археологических интересов. Подобно этому человек не просто превращает силы природы в людей, с которыми он может обращаться на равной ноге,—это не избавило бы его от давящего гнета,—но придает этим силам отцовский облик, превращает их в богов, следуя при этом не только инфантильному, но и, как я уже пытался показать, филогенетическому [1]) образцу.

Со временем у людей скопляются первые наблюдения над правильностью и закономерностью, существующей в явлениях природы. Силы природы тем самым теряют свои человеческие черты. Однако, беспомощность человека остается, а тем самым сохраняется и стремление человека к отцу („тоска по отце"), сохраняются и боги. Боги сохраняют свое троякое призвание: отогнать ужасы природы, примирить человека с жестокостью судьбы, особенно, с тем проявлением этой жестокости, каким является смерть, и вознаградить человека за страдания и лишения, которые являются результатом культурного человеческого общежития.

Постепенно, однако, в этих трех функциях акцент (ударение) перемещается. Люди начинают замечать, что явления природы развиваются сами собой, в силу внутренних необходимостей. Конечно, боги являются владыками природы, но так они организовали ее и теперь могут предоставить ее самой себе. Лишь случайно они своими чудесами вмешиваются в течение природы, как бы для демонстрирования людям, что они отнюдь не отказались от своей власти над миром. Что касается судьбы, то у людей сохраняется неприятное предчувствие, что здесь для беспомощности человеческого рода нет никакого исхода. Здесь раньше всего оказываются несостоятельными боги: если они сами создают судьбу, то их провидение оказывается неисповедимым. Самый одаренный народ древности уже представлял себе, что и сами боги подчинены судьбе, мойре, что сами боги имеют свою судьбу. Чем самостоятельней становится природа, чем дальше от нее отходят боги, тем настойчивее все чаяния сосредотачиваются на третьей функции религии, тем больше сферой религии становится мораль. Божественной задачей становится теперь сглаживание и воз-

[1]) Филогенетический — относящийся к филогенезу, т. е. к истории развития вида. — Ред.

мещение недочетов и уродливых сторон культуры, боги призваны теперь принимать в расчет страдания, которые люди причиняют друг другу в общежитии, наблюдать за исполнением культурных предписаний, которые так плохо соблюдаются людьми. Самым предписаниям культуры приписывается божественное происхождение, их поднимают над человеческим обществом, действие их распространяют на природу и весь мировой процесс.

Так создается сокровищница представлений, родившаяся из потребности сделать переносимой человеческую беспомощность, построенная из материала воспоминаний о беспомощности своего и общечеловеческого детства. Легко различить, что эта сокровищница защищает человека сразу по двум направлениям: против опасностей со стороны природы и судьбы, против ущерба, источником которого является само человеческое общежитие. В общем, эта философия гласит так: жизнь в этом мире служит некоей высшей цели, которую, правда, не легко обнаружить, но которая, несомненно, означает достижение человеческой личностью полного совершенства. По всей вероятности, об'ектом этого возвышения и возвеличения должно служить духовное начало в человеке, душа, которая столь медленно и туго отделялась от тела в течение многих веков. Все, что происходит в этом мире, является осуществлением намерений некоего превосходящего нас разума, который направляет все своими нелегко распознаваемыми путями к лучшему исходу, т.-е. к исходу наиболее приятному для нас. Над каждым из нас бдит благостное, лишь кажущееся строгим, провидение, которое не допускает, чтобы мы были игрушкой могучих и беспощадных сил природы. Самая смерть является вовсе не уничтожением, возвращением к неорганическому безжизненному миру, а началом новой формы существования, которая ведет к более высокому развитию. С другой стороны, те самые нравственные законы, которые установлены нашими культурами, царят и во всем мире, только там они охраняются с несравненно большей строгостью некоей высшей судебной инстанцией. Все доброе получает, в конце концов, свою награду, всякое зло обретает свою кару, если не в настоящей форме существования, то в позднейших существованиях, которые начинаются после смерти. Таким-то образом устраняются всякие страхи, страдания и невзгоды жизни: жизнь после смерти, которая является продолжением нашей земной жизни, подобно тому, как невидимая часть спектра непосредственно примыкает к видимой части, приносит нам осуществление всего того, о чем мы, может быть, смели только мечтать. А небесная премудрость, которая направляет весь этот процесс, всеблагость, которая проявляется в этом процессе, справедливость, которая присуща всему, что совершается в мире,—все это свойства божественных существ, которые сотворили также и нас и весь мир в целом, или вернее, того божественного существа, в которое в нашей культуре сконцентрировались, сгустились все божества минувших эпох. Народ, который впервые достиг подобного концентрирования божественных свойств, немало гордился таким успехом. Народ этот выявил то зерно отцовства, которое исконно скрывалось за каждым божественным образом. По существу, это было возвратом к историческим истокам идеи божества. Итак, когда бог стал единственным, отношения к нему смогли обрести снова интимность и интенсивность отношений ребенка к отцу. Народ, столько сделавший для отца, явивший его образ миру, хотел получить награду за это великое дело и быть, по крайней мере, единственно-возлюбленным ребенком этого бога, избранным его народом.

Религиозные представления, которые проделали, разумеется, весьма длинный путь развития, разными культурами сохранены в самых различных своих фазах.

Я выхватил одну только единственную фазу этого развития, а именно, фазу окончательного оформления их в нашей современной, белой, христианской, культуре. Легко заметить, что не все элементы этого целого соответствуют друг другу, что не все они складно слажены, что не все настоятельные вопросы получили в них свой ответ, что противоречие между ними и каждодневным опытом могло быть затушевано лишь величайшим трудом, Но такие, какие они есть, представления эти расцениваются, как драгоценнейшее достояние культуры, как самое важное из того, что культура может предоставить своим участникам, как нечто неизмеримо более ценное, чем все искусства, чем все знания, достигнутые человеком в области добывания средств к существованию, лечения болезней и т. д. Люди думают, что жизнь станет невыносимой, если они не будут ценить эти представления так, как они на это претендуют. Но тут перед нами встает вопрос: чем являются эти представления в свете психологии, откуда берется их ценность или, короче говоря, в чем заключается их подлинная ценность?

IV.

Исследование, которое продолжается непрерывно подобно монологу, не является совсем безопасным. Очень легко поддаться искушению оттолкнуть в сторону мысли, которые могут прервать это исследование. В результате тогда остается ощущение какой-то ненадежности, которое заглушается слишком подчеркнутой категоричностью. Я, поэтому, мысленно ставлю пред собой своего противника, который с недоверием следит за моими выводами, и предоставляю ему слово по каждому пункту.

Я слышу слова противника: „Вы дважды повторили выражения: **культура создает эти религиозные представления**, культура дает их в распоряжение своих участников,—в этом есть что-то странное, непривычное. Я сам не знаю почему, но мне это кажется не таким уже очевидным, как это кажется в отношении остальных установлений культуры, которые она создала для распределения благ или в области отношений людей к женщинам и детям“.

Я, однако, думаю, что исследователю нельзя отказать в праве выражаться подобным образом. Я пытался показать, что религиозные представления возникли из той же потребности, что и все другие достижения культуры, а именно из необходимости защититься против гнетущего человека превосходства природы. К этому присоединился еще другой мотив, стремление исправить мучительно воспринимаемые несовершенства жизни. Особенно правильно было бы сказать, что культура дарит индивиду эти представления, ибо он находит их они ему преподносятся готовыми, он не был бы в состоянии самостоятельно найти их. Это является наследием многих поколений, которым он приходит на смену, он перенимает это как геометрию, как таблицу умножения, как другие навыки и приемы предков. Конечно, здесь существует некоторое различие, однако, сущности его мы здесь не станем касаться. Ощущение странности, непривычности, о котором говорит мой оппонент, если оно имеет место, об'ясняется тем, что нам привыкли выдавать эти религиозные представления за божественное откровение. Но ведь и это тоже является элементом

религиозной системы, это совершенно игнорирует известное нам историческое развитие этих идей, их изменчивость и различия в разные эпохи и в разных культурах.

„Вот другой пункт, говорит мой оппонент, который мне кажется существенным. Очеловечение природы вы выводите из потребности положить конец человеческой беспомощности и растерянности пред лицом внушающих страх сил природы, установить с ними какие-то отношения и, в конце-концов, добиться возможности влиять на них. Подобный мотив, однако, кажется совершенно лишним. Ведь примитивный человек не имеет никакого выбора, никакого другого пути мышления. Для него совершенно естественно, ему как бы врождено проецировать в мир свое существо, рассматривать все наблюдаемые им явления, как проявление существ, в основе подобных ему самому. Ведь это единственный метод понимания, доступный первобытному человеку. Совсем не чем-то само собой разумеющимся, а скорее, замечательным совпадением, явилось то обстоятельство, что ему удалось подобным проявлением своей природной склонности удовлетворить одну из своих великих потребностей".

Я не нахожу это столь случайным. Разве вы думаете, что мышление человека не знает никаких практических мотивов, что оно является просто выражением бескорыстной любознательности человека? Это ведь весьма невероятно. Я склонен думать, что человек и тогда, когда он олицетворяет силы природы, следует инфантильному образцу. По личностям, которых он видел вокруг себя на заре своей жизни, он научился тому, что когда вступаешь с этими лицами в какие-нибудь отношения, то это путь к тому, чтобы так или иначе влиять на них, поэтому он и впоследствии с тем же намерением рассматривает все, что ему встречается, как нечто олицетворенное. Таким образом, я нисколько не противоречу вашему образному замечанию: человеку, действительно, свойственно олицетворять все, что он хочет понять, для того чтобы затем овладеть этим,—психическое овладение является подготовкой к физическому овладению. При этом, однако, я указываю еще мотив и генезис этой особенности человеческого мышления.

„А теперь еще третье: Вы уже раньше рассматривали однажды происхождение религии в вашей книге „Тотем и табу", но там все это выглядит по-иному. Там вся религия является отношением сына к отцу, бог является там возвеличенным отцом, тоска по отце является там корнем религиозной потребности. С тех пор, повидимому, вы обнаружили еще момент человеческого бессилия и беспомощности, которому вообще приписывается величайшая роль в образовании религии, и вот теперь вы сваливаете на беспомощность все то, что раньше об'являлось вами отцовским комплексом. Можно ли у вас попросить об'яснения по поводу подобной перемены?"

Я очень охотно дам его: я ждал такого вопроса. Только вряд-ли тут есть какая нибудь перемена. В книге „Тотем и табу" [1]) речь шла об об'яснении происхождения не религии, а тотемизма. Можете ли вы с какой-нибудь другой известной точки зрения об'яснить то обстоятельство, что первой формой, в которой открылось человеку охраняющее божество, была животная форма, что возник запрет убивать тотемистическое животное и есть его, но что тем не менее сложился торжественный обычай, предписывавший раз в году сообща умерщвлять и поедать это животное? Ведь как раз это и имеет место

[1]) См. предисловие от редакции „Атеиста".

в тотемизме. Вряд ли целесообразно спорить о том, можно ли тотемизм называть религией. Тотемизм теснейше связан с позднейшими религиями бога, тотемистические животные впоследствии делаются священными животными богов. Первые, но наиболее глубокие нравственные ограничения, а именно запрещение убийства и инцеста, возникают как раз на почве тотемизма. Независимо от того, принимаете ли вы или нет выводы „Тотема и табу", вы должны признать, что в этой книге множество весьма замечательных, но разорванных фактов собрано в одно связное целое.

Вопроса о том, почему звериный бог оказался недостаточным на дальнейшие времена, почему он был заменен человекобогом, вопроса этого „Тотем и табу" почти не затрагивает, другие проблемы происхождения и образования религии там вообще даже не упоминаются. Разве можете вы отождествлять подобное мое самоограничение с отрицанием этих проблем? Моя работа является хорошим примером строгой изоляции, строгого выделения той доли, которую психоаналитическое исследование может внести в разрешение религиозной проблемы И если я теперь пытаюсь прибавить еще кое-что к тому, что было слелано мною раньше, то вы не должны обвинять меня в противоречивости, как раньше обвиняли меня в односторонности. Моей задачей, естественно, является вскрыть и показать связующие пути между сказанным раньше и тем, что я говорю сейчас, между более глубокой и более явной мотивацией религии, между отцовским комплексом и беспомощностью, потребностью в заступничестве, характеризующей человека.

Эту связь не трудно обнаружить. Это ведь та же связь, которая существует между беспомощностью ребенка и являющейся ее продолжением беспомощностью взрослого, так, что, как следовало ожидать, психоаналитическая мотивировка образования религии является инфантильным дополнением к открытой мотивировке этого процесса.

Вдумаемся в душевную жизнь маленького ребенка.

Помните ли вы о выборе об'екта у ребенка, о котором говорит анализ? Либидо [1]) ребенка направляется по путям нарцистических потребностей на те об'екты, которые обеспечивают удовлетворение этих потребностей. Так, мать, удовлетворяющая голод ребенка, оказывается первым об'ектом любви и, наверное, первой защитой против всех неопределенных, угрожающих извне, опасностей, первой защитой от страха, как мы могли бы сказать.

В этой функции мать вскоре заменяется более сильным отцом, за которым эта функция остается на все детство. Отношение к отцу запечатлено, однако, своеобразной амбивалентностью. Ведь и сам отец был опасностью в то время, когда единственной защитой была мать. Ребенок и продолжает его бояться, хотя он и стремится к нему и благоговеет перед ним. Следами этой амбивалентности [2]) глубоко запечатлены все религии, как это было указано в книге „Тотем и табу". Дальше, когда, взрослый замечает, что ему суждено всегда оставаться ребенком, что он никогда не может обойтись без защиты от чуждых ему сил, он наделяет эти силы чертами отцовского облика, он создает себе богов, которых он боится, которыми он пытается овладеть и на которых он все же возлагает задачу защиты. Таким образом, мотив стремления к отцу („тоска по отце") тождественен с потребностью в защите против последствий человеческого бессилия. Преодоление детской беспомощности придает реакции на

[1]) и [2]) См. предисловия.

беспомощность, которую должен обнаружить в себе взрослый, а именно, образованию религии, свои характерные черты. Мы, однако, не намерены дальше исследовать развитие идеи бога: мы имеем здесь дело с готовым сокровищем религиозных представлений в том его виде, в каком индивид получает его от культуры.

V.

Продолжим нить нашего исследования. Каково психологическое значение религиозных представлений? К какому классу психических явлений нам их отнести?

Вопрос этот, прежде всего, не так уж легок.

После отклонения разных формулировок мы остаемся при следующей: **это—положения, высказывания о фактах и отношениях внешней (или внутренней) реальности, которые сообщают нечто, чего сам человек не обнаруживает, которые претендуют на то, чтобы им верили.** Так как эти положения сообщают нам о том, что является наиболее важным и интересным для нас в жизни, то они ценятся особенно высоко. Кто не знает этих положений, считается весьма невежественным. Кто усвоил их, обладает, якобы, большими сокровищами.

У человечества, естественно, имеется много подобных положений о самых разнообразных вещах нашего мира. Каждый школьный урок туго набит этими положениями.

Возьмем, для примера, хотя бы географические положения. Мы слышим: Констанца находится у Боденского озера. Студенческая песня к этому прибавляет: „Кто не верит, пойди, да посмотри". Случайно я был там и могу удостоверить, что этот красивый город, действительно, расположен на берегу огромного озера, которое у всех окружающих жителей называется Боденским. Ныне я, следовательно, совершенно убежден в истинности этого географического утверждения. При этом я вспоминаю об одном другом весьма замечательном переживании. Я был уже взрослым человеком, когда я впервые поднялся на вершину афинского Акрополя и остановился среди руин, откуда открывался вид на синее море. К моему удовольствию примешивалось чувство удивления, которое можно было бы выразить так: так это, действительно, все так, как нам рассказывали в школе! Как мало я должен был верить в реальную истинность слышанного в школе, если я потом мог так удивиться!

Все подобные положения претендуют, следовательно, на то, чтобы им верили. Однако, эта их претензия не остается без обоснования. Положения эти выдают себя за сокращенный результат более длинного, основанного на наблюдении, несомненно, также и на логическом заключении, мыслительного процесса: всякий, кто намерен сам воспроизвести этот процесс, вместо того, чтобы принять просто его результат, может это сделать. В тех случаях, когда подобные положения не являются такими очевидными, как в географических утверждениях, указывается обычно путь и источник для получения сведений, заключающихся в данном положении. Например: земля имеет форму шара. В доказательство этого приводится опыт Фуко с маятником, возможность об'ехать кругом всю землю, линия горизонта и т. д. Так как, однако, невозможно ведь всех школьников отправлять в кругосветное путешествие, то приходится ограничиваться тем, чтобы школьные положения делать предметом „доверия и веры". При этом, однако, всем известно, что для каж-

дого открыта возможность лично убедиться в правильности этих положений.

Попробуем подойти с той же меркой к религиозным положениям. Когда мы ставим вопрос, на чем основана претензия религиозных положений на то, чтобы им верили, мы получаем три ответа, которые поразительно плохо вяжутся друг с другом. **Во-первых, они заслуживают доверия, потому что еще предки наши верили им; во-вторых, у нас есть доказательства, унаследованные нами из старо-давних времен; а в-третьих, вообще запрещается поднимать вопрос о достоверности этих положений.** Подобная дерзость раньше каралась самым жестоким образом, да и ныне еще общество с величайшим неудовольствием встречает такого рода вопрос.

Этот третий пункт не может не вызвать сильнейшего подозрения. Подобный запрет может иметь, ведь, только одну мотивировку: **он может быть об'яснен только тем, что общество великолепно понимает неосновательность тех претензий, которые пред'являются религиозными положениями.** Ведь, если бы дело обстояло иначе, то общество всякому, кто захотел бы лично убедиться в истинности этих положений, охотно предоставило бы необходимый материал. Поэтому, мы переходим к рассмотрению двух других пунктов с недоверием, которое нелегко угомонить. Мы должны, мол, верить, потому что наши предки верили. Но ведь эти наши предки были далеко невежественнее, чем мы, они верили в такие вещи, которых мы ныне не можем принять. Вполне, значит, возможно, что и религиозные положения принадлежат именно к этой категории. Доказательства, которые оставлены нам предками, изложены в писаниях, которые сами носят на себе следы величайшей ненадежности. Они полны противоречий, они подвергались переработке и фальсификации, они недостоверны даже там, где сообщают нам о достоверных фактах. Мало помогает делу и то, что их текст или содержание выдаются за продукт божественного откровения: ведь само это утверждение является частью этих положений, достоверность которых подвергается нами исследованию, а как известно, никакое положение не может быть доказано самим собою.

Таким образом, мы приходим к странному выводу, что как раз те сообщения нашей культуры, которые могли бы иметь для нас величайшее значение, которые призваны разрешать нам загадки мира и примирить нас со страданиями и невзгодами жизни, что как раз эти положения отличаются весьма слабой достоверностью. Мы бы никогда не решились поверить **в такой совершенно безразличный для нас факт, как-то, что ниты вместо того, чтобы откладывать яйца, рождают детенышей, если этот факт был бы доказан не лучше, чем эти положения.**

Такое положение дела является само по себе замечательной психологической проблемой. Читатель отнюдь не должен думать, будто приведенные выше замечания о бездоказательности религиозных положений являются чем-то новым. Эта бездоказательность ощущалась всегда, чувствовалась она, вероятно, и теми нашими предками, которые оставили нам это наследство. По всей вероятности, и среди них многие питали те же сомнения, что и мы, однако, они находились под слишком сильным гнетом, чтобы осмелиться выразить эти сомнения. С давних пор бесчисленное множество людей мучилось подобными сомнениями, но считало необходимым подавить их, ибо почитало долгом верить; с давних пор многие блестящие умы терпели крах в этом конфликте, многие человеческие характеры

гибли в тех компромиссах, в которых они искали выхода из этого конфликта.

Раз все доказательства, которые приводятся в пользу достоверности религиозных положений, идут из прошлого, то сама собой напрашивается попытка выяснить, не может ли дать такие доказательства и наша современность, способная более здраво судить о вещах, чем древнее человечество. **Если бы удалось поставить вне сомнения хотя бы одно из религиозных положений подобного рода, то это необычайно повысило бы достоверность всего остального.** Сюда относится деятельность спиритов, которые с давних пор убеждены в бессмертии индивидуальной души и которые пытаются своими демонстрациями поставить вне сомнений это положение религиозного учения. Им, к сожалению, до сих пор никак не удается опровергнуть, что явления и высказывания их духов представляют собой лишь продукт психики самых спиритов. Спириты неоднократно приводили нам речи, принадлежащие, якобы, духам величайших людей, самых выдающихся мыслителей. Однако, все сведения, все сообщения, которые получены спиритами из потустороннего мира. отличаются такой нелепостью, такой безнадежной пустотой, что, право, остается только верить в способность духов приспособляться к кругу тех людей, которые их вызывают.

Следует иметь в виду две попытки, которые производят впечатление мучительных усилий разделаться с этой проблемой. Одна попытка, грубая по характеру, является весьма древней, другая, современная, является более тонкой.

Первая попытка это—„верую, ибо нелепо“ отца церкви.

Это должно означать. что религиозные учения стоят выше разума и не подлежат его суду и оценке. Их правду надо ощущать внутренне, их вовсе не требуется понимать. Однако, это „верую“ интересно лишь в качестве исповеди, в качестве человеческого документа, как доказательство, оно лишено всякой обязательности. **Разве могу я считать себя обязанным верить всякой нелепости? А если нет, то почему я должен верить именно этой нелепости? Не существует никакой инстанции выше разума.** Если правда религиозной жизни зависима от внутреннего переживания, свидетельствующего об этой правде, то что же тогда делать со многими людьми, которые не имеют подобного, весьма редкого, переживания? Можно требовать от всех людей, чтобы они использовали тот разум, который они имеют, **но нельзя обязательное для всех требование построить на мотиве, который существует лишь у весьма немногих людей.** Если кто-нибудь в глубоко охватившем его экстатическом состоянии обрел непоколебимое убеждение в реальной истинности религиозных учений, то какое это имеет значение для других?

Вторая попытка это учение о „как если бы“ (Philosophie des „Als-ob“): учение это приходит к выводу, что в нашем мышлении имеется много предположений, безосновательность, даже абсурдность которых нам совершенно очевидна. Эти предположения или гипотезы называются фикциями. **По разнообразным практическим мотивам мы, мол, однако, обязаны вести себя так, „как если бы“ мы верили в эти фикции.** Это относится как раз к религиозным учениям, в виду их несравненной важности для сохранения человеческого общества.

Мне кажется, что я вправе привести слова творца учения о „как если бы“, выражающие взгляд, не чуждый и другим мыслителям: „К кругу фикций мы относим не только безразличные теорети-

ческие операции, но и такие логические образования, которые измышлены благороднейшими людьми, к которым привязано сердце благороднейшей части человечества и от которых эта часть человечества не хочет отказаться. Мы и не будем от них отказываться, мы сохраним все это, как **практическую фикцию, как теоретическая же истина все это отпадает**" (Файгингер, „Die Philosophie des Als ob", 1922, стр. 68).

Эта аргументация недалеко ушла от „Credo, quia absurdum". Мне, однако, думается, что требование указанного учения такого сорта, **что оно могло быть выставлено только философом. Человек, мышление которого не находится под влиянием философских мудрствований, не может принять это требование, для такого человека признание нелепости чего-нибудь, его несогласия с разумом, решает весь вопрос.**

Обыкновенный человек не может пойти на то, чтобы как раз в той области, которая касается существеннейших его интересов, пренебрегать той достоверностью, которой он требует во всей своей остальной жизни и деятельности. Я вспоминаю одного своего ребенка, который рано стал отличаться деловитостью и дотошностью. Когда детям рассказывали сказки, которые они благоговейно слушали, он обыкновенно задавал вопрос: что это, правда? Когда ему давался отрицательный ответ, он отходил с пренебрежительной миной. **Следует ожидать, что и люди скоро так же будут поступать с религиозными сказками, несмотря на заступничество учения о „как если бы".**

Ныне, однако, люди поступают с этими сказками по-иному, а в минувшие времена религиозные представления, несмотря на свою очевидно, бесспорно недостаточную достоверность, оказывали сильнейшее влияние на человечество. Это уже новая психологическая проблема. Нам приходится спросить: в чем заключается внутренняя сила этих учений, какому обстоятельству обязаны они своей, совершенно независимой от разумного признания, действенностью?

VI.

Мне думается, что мы уже в достаточной мере подготовили ответ на оба вопроса. Ответ этот получится, если мы будем иметь в виду психический генезис религиозных представлений. Религиозные представления, выдающие себя за положения, не являются продуктом опыта или конечными выводами мышления, это иллюзии, это исполнение древнейших, сильнейших, навязчивейших желаний человечества: **тайна их силы заключается в силе этих желаний**. Мы уже знаем, что пугающее впечатление детской беспомощности пробудило потребность в заступничестве, в заступничестве любовного характера. Потребность эта оказалась направленной на отца. Когда человек обнаружил, что беспомощность эта продолжается целую жизнь, то это открытие породило веру в существование такого же заступника, что и реальный отец, но уже гораздо более могущественного. Вера в благостное управление божественного провидения умиротворяет страх пред опасностями жизни, вера в нравственный миропорядок дает надежду на торжество справедливости, которая столь часто нарушается в культурной жизни человечества, а дополнение земного существования будущей жизнью чрезвычайно расширяет топографические и хронологические рамки для исполнения желаний и чаяний человека. Ответы на труднейшие вопросы, которые ставятся человеческой любознательностью относительно загадок мира, как, например, на вопрос о возникновении мира, о взаимоотношении

между телесным и духовным началом, вырабатываются уже на почве этой системы. Система эта приносит гигантское облегчение психике отдельной личности тем, что она включает в свою сферу ее, не преодоленные еще целиком, конфликты детства, связанные с отцовским комплексом, и дает им общепринятое всеми разрешение.

Говоря, что все это **иллюзии**, я считаю необходимым ограничить значение этого слова. Иллюзия это не то же самое, что заблуждение, она также вовсе не необходимо является заблуждением. Мнение Аристотеля, что гады и паразиты развиваются из нечистот, мнение, которое у невежественных людей сохраняется еще и до сих пор, было заблуждением. Заблуждением было также представление прежних врачей, что сухотка спинного мозга (tabes dorsalis) является следствием половой распущенности.

Было бы неправильно называть такие заблуждения иллюзиями. Напротив, когда Колумб думал, что открыл новый морской путь в Индию, то это было иллюзией. Роль его желания в возникновении этого заблуждения весьма отчетлива. Иллюзией можно назвать утверждение некоторых националистов, которые утверждают, что индогерманцы являются единственной, способной к культуре, человеческой расой, или веру, разрушенную только психоанализом, будто ребенок является существом, лишенным сексуальности. Для иллюзии характерно то, что источником ее являются человеческие желания, в этом отношении она очень близка к психиатрической бредовой идее, однако, она и отличается от нее, не говоря уже о том, что бредовая идея имеет более сложное строение.

В бредовой идее существеннее всего то, что она совершенно противоречит действительности, иллюзия отнюдь не необходимо ложна, т. е. она не обязательно противоречит действительности, она не обязательно является неосуществимой. Какая-нибудь мещанка может, например, создать себе иллюзию, будто когда-нибудь явится принц для того, чтобы жениться на ней. Вполне возможно, что отдельные случаи подобного рода и имели место. Пришествие мессии, который установит золотой век, уже гораздо менее вероятен. Смотря по личному отношению человека к этому вопросу, он будет рассматривать эту веру, либо как иллюзию, либо как аналогию бредовой идеи. Вообще-то, впрочем, не легко привести примеры иллюзий, которые осуществились, оправдались в действительности. Но вот, например, иллюзия алхимиков, будто можно все металлы превращать в золото, может быть причислена к категории осуществившихся иллюзий. Самое желание иметь возможно больше золота ныне, при нашем понимании элементов, составляющих богатство, весьма сильно ослабело, однако, ведь современная химия не считает уже невозможным превращение металлов в золото.

Таким образом, иллюзией мы называем такую веру, в мотивировке которой играет главную роль исполнение желаний, при чем мы не считаемся с соответствием между этой верой и действительностью, подобно тому, как сама иллюзия не считается с соображениями достоверности.

Снова обращаясь после этого раз'яснения к религиозным учениям, мы должны еще раз подчеркнуть: все они вместе взятые являются иллюзиями, все они недоказуемы, никого нельзя заставить считать их истиной, верить им. Некоторые из них столь невероятны, столь противоречат всему, что мы с таким трудом из опыта узнали о реальности мира, столь нелепы, что их можно сравнивать, учитывая соответственные психологические различия, с бредовыми идеями. О

ценности большинства из них в смысле реальности нельзя даже судить. Они столь же неопровержимы, сколь и недоказуемы. Мы еще слишком мало знаем, чтобы ближе подойти к ним критически. Загадки мира раскрываются пред нашим исследованием лишь очень медленно, на многие вопросы наука и ныне еще не может дать никакого ответа.

Научная работа, однако, является единственным путем, который может нас привести к познанию реальности, существующей вне нас. Иллюзией опять-таки является ожидание чего-то от интуиции (непосредственного ощущения) и самопогружения. Интуиция не может ничего дать нам, кроме весьма неясных заключений относительно нашей собственной духовной жизни, она ничем не может помочь для получения сведений относительно тех вопросов, **на которые так легко и непринужденно отвечает религиозное учение.** Всякая попытка заполнить пробелы по собственному произволу, всякие попытки по собственному разумению признавать более или менее приемлемым тот или иной элемент религиозной системы, было бы дерзостью. Для этого все эти вопросы слишком значительны, можно было бы сказать, слишком священны.

Тут мне могут возразить следующее. Хорошо, раз даже самые отпетые скептики признают, что утверждения религии не могут быть опровергнуты рассудком, то почему мне им не верить, раз на их стороне и традиция, и согласие людей, и все то утешительное, что есть в их содержании? И действительно, почему нет? Так же как никого нельзя заставить верить, так никому нельзя навязать неверия! Только не следует впадать в самообман и думать, что подобное обоснование согласуется с правильным мышлением. Если эпитет „гнилая отговорка" где-нибудь уместен, то именно здесь. Невежество— это невежество: им нельзя никак обосновать право во что-нибудь верить. Ни один разумный человек не станет так легкомысленно поступать в других вещах, ни один человек в здравом рассудке не будет строить свои суждения на столь жалких основаниях в своей деловой жизни, лишь в самых священных и высоких вещах он позволяет себе это делать.

В действительности же, когда человек рассуждает так, то это лишь попытки морочить себя и других, внушить себе и всем, будто он еще крепко держится за религию, тогда как, в действительности, он давно от нее освободился. Когда речь идет о вопросах религии, люди грешат всевозможным лицемерием, всяческой интеллектуальной недобросовестностью.

Философы, например, расширяют значение слов до того, что в них почти не остается ничего от их первоначального смысла, они какой-нибудь туманнейшей абстракции, которую они сами создали себе, дают название бога и тогда они фигурируют в качестве деистов, верующих в бога, тогда они могут хвастать пред всем миром, будто они познали более высокое, более чистое понятие бога, хотя их бог является только бесплотной тенью и ничем уже не напоминает всемогущей личности, стоящей в центре религиозного учения.

Критики упорно продолжают об'являть человека, который проникся ощущением человеческой малости и человеческого бессилия пред лицом мира, глубоко религиозным существом, хотя не это чувство представляет собой существо религии, а только ближайший шаг, только реакция на это чувство, которая помогает справиться с ним.

Тот, кто не идет дальше, тот, кто останавливается на этом ощущении человеческого ничтожества среди безмерного мира, тот яв-

яется, скорее, иррелигиозным человеком в самом подлинном смысле лова.

В план настоящего исследования вовсе не входит рассмотрение „истинности" религиозных учений. С нас достаточно, что мы бнаружили в них, по их психологической природе, иллюзии. Мы не олжны, однако, скрывать, что это открытие оказывает весьма существенное влияние и на наше отношение к вопросу, который многим еобходимо покажется существеннее всего. Мы, приблизительно, наем, в какие эпохи были созданы религиозные учения и какими юдьми. Когда же мы узнаем, по каким мотивам это произошло, то аша точка зрения на религиозную проблему заметно перемещается. Мы говорим себе: было бы очень хорошо, если бы существовал бог в качестве творца мира и благостного провидения, если бы существовали нравственный миропорядок и потусторонняя жизнь, но было бы весьма странно, если бы все это было так, как этого нам хочется. И еще страннее было бы, что именно нашим бедным, невежественным, несвободным предкам удалось найти разрешение всех этих сложнейших мировых загадок.

VII.

После того, как мы обнаружили в религиозных учениях иллюзии, пред нами возникает дальнейший вопрос, не являются ли иллюзиями и другие элементы культуры, которые высоко ценятся нами и которым подчинена наша жизнь. Не могут ли быть названы иллюзиями и те предпосылки, которые регулируют наши государственные установления, не омрачены ли и отношения между полами в нашей культуре целым рядом эротических иллюзий?

Раз у нас проснулось недоверие, то мы не должны пугаться этого вопроса, то мы должны быть готовы к тому, что применение наблюдения и мышления в научной работе может нам дать такие знания о внешней реальности, которые послужат лучшим обоснованием всей нашей культурной жизни, чем те предпосылки, на которых она ныне покоится. Ничто не должно нас удерживать от направления наших наблюдений на собственное существо, от применения мышления к критике самого мышления. Здесь у нас напрашивается целый ряд исследований, исход которых мог бы иметь решающее значение для постройки „мировоззрения". Мы чувствуем также, что подобный труд не пропадет зря и что он может хотя бы частично рассеять наше сомнение. Однако, столь многообъемлющая задача не по силам автору настоящего исследования и он по необходимости хочет держаться рассмотрения одной—единственной из этих иллюзий, а именно религиозной иллюзии.

Тут нас останавливает громкий голос нашего оппонента. Он тянет нас к ответу за наши запретные деяния. Он говорит нам:

„Археологические интересы, конечно, весьма похвальны, однако, ведь не устраиваются же раскопки там, где они могут подрыть жилища живых людей, которые могут обвалиться и похоронить обитателей под своими обломками. Религиозные учения не являются таким предметом, по поводу которого можно мудрствовать так же, как и над любым другим предметом. Вся наша культура зиждется на этих учениях, предпосылкой сохранения человеческого общества является вера большинства людей в истинность этих учений. Если людей учить тому, что не существует никакого всемогущего и всеправедного бога, никакого божественного миропорядка и никакой буду-

щей жизни, то ведь они почувствуют себя свободными от всяких обязательств по отношению к предписаниям культуры. Каждый начнет, не задумываясь, не страшась ничего, следовать своим антисоциальным, эгоистическим побуждениям, каждый будет пытаться проявить свою силу, снова начнется хаос, который мы усмирили тысячелетней культурной работой.

Если бы даже было известно, если бы даже можно было доказать, что религия не обладает истиной, то следовало бы молчать об этом и поступать так, как этого требует философия „как если бы". Так следовало бы делать в интересах сохранения всех! Но, не говоря уже об опасности вашего предприятия, оно является просто бессмысленной жестокостью. Бесчисленное множество людей находит в учениях религии свое единственное утешение и только с ее помощью способно переносить тяготы жизни. И вот вы хотите лишить их этой опоры, не давая им взамен ничего лучшего. Ведь общепризнано, что наука до сего времени дает немного, но если бы даже она в будущем ушла вперед гораздо дальше, то и тогда она не смогла бы удовлетворять людей. Человек имеет еще и другие повелительные потребности, которые не могут быть удовлетворены холодной наукой. Но что особенно странно, что является прямо верхом непоследовательности, когда именно психолог, который всегда подчеркивает, как далеко отступает на задний план в жизни людей интеллект пред миром стремлений и чувств, влечений и аффектов, когда именно такой психолог ныне старается лишить людей драгоценного способа удовлетворения желаний, пытаясь компенсировать их интеллектуальной пищей".

Здесь зараз много обвинений! Однако, я готов возразить на все эти обвинения и кроме того высказать утверждение, что **гораздо опасней для культуры сохранение ее нынешнего отношения к религии, чем освобождение ее от религии.** Я только не знаю, с чего мне начать свои возражения.

Быть может, с заверения, что я сам считаю свое предприятие совершенно невинным и безопасным. В данном случае не я повинен в переоценке интеллекта. Если люди таковы, как их изображают мои противники,—а я не стану этому противоречить,—то нет никакой опасности, что какой—нибудь набожный человек может под влиянием моих выводов лишиться своей веры. Кроме того, я не сказал ничего такого, чего не говорили бы до меня гораздо полнее, выразительнее и убедительнее многие другие, лучшие люди. Имена этих людей известны. Я не стану приводить их для того, чтобы не создалось впечатления, будто я хочу поставить себя рядом с ними. **Я просто,**— и это есть единственно новое в моем изложении,—**прибавил к критике моих великих предшественников некоторое психологическое обоснование.**

А теперь, чтобы продолжить свою защиту, скажем: религия, совершенно очевидно, имеет пред человеческой культурой большие заслуги, она много содействовала укрощению асоциальных стремлений, однако, недостаточно. **В течение многих тысячелетий она господствовала над человеческим обществом. У нее было достаточно времени показать, что она может сделать.** Если бы ей удалось осчастливить большинство людей, утешить их, примирить с жизнью, сделать их носителями культуры, то никому не пришло бы в голову стремиться к изменению существующих отношений.

Что же мы видим на самом деле? Мы видим, что пугающе большое число людей недовольно культурой, несчастливо в ней, что люди эти воспринимают культуру, как иго, которое надо стряхнуть,

то люди эти прилагают все свои усилия к изменению нынешней культуры, либо так далеко заходят в своей вражде к ней, что вообще не хотят нечего знать о культуре и об ограничении своих стремлений.

Мне на это скажут, что такое состояние об'ясняется именно тем, что религия потеряла часть своего влияния на человеческие массы, что это происходит вследствие крайне сожалительного действия успехов науки. Мы отметим это признание и его обоснование для того, чтобы ниже остановиться на нем, однако, само по себе это возражение несостоятельно.

Весьма сомнительно, чтобы люди в эпоху неограниченного господства религиозных учений были в общем счастливее, чем теперь, нравственнее они, во всяком случае, не были. Люди всегда умели придавать религиозным предписаниям внешний характер и тем самым приспособлять их к своим намерениям. Жрецы и священники, которые должны были наблюдать за покорностью людей предписаниям религии, шли в этом деле навстречу. Благость божия путала карты божьей справедливости.

Люди грешили и затем приносили жертву или клялись, что делало их опять свободными и давало возможность грешить сызнова. Русское благочестие воспарило до такого вывода, что грехи необходимы для приобщения к божественной благодати, для спасения души, т.-е. что грехи в основе своей богоугодное дело [1]). Совершенно очевидно, что жрецы в состоянии были сохранить подчинение масс в отношении религии лишь тем, что они делали большие уступки человеческим влечениям.

Так оно и было: один бог, мол, только силен и благ, человек же слаб и грешен. **Безнравственность во все времена находила в религии опору не меньше, чем нравственность.** Но если заслуги религии в области нравственного ограничения людей, в области осчастливления их, в области приобщения их к культуре таковы и не больше, то возникает вопрос, не переоцениваем ли мы вообще необходимости религии для людей, мудро ли мы поступаем, когда мы наши культурные требования основываем на религии.

Всмотримся в не подлежащее спору нынешнее положение вещей. Мы уже слышали признание, что религия не оказывает больше того влияния на людей, какое она имела раньше (речь идет здесь о европейско-христианской культуре). Это происходит не потому, что обещания этой религии стали менее щедрыми, а потому, что люди считают их менее достоверными. Признаем, что основанием такого изменения является усиление и укрепление научного духа в верхних слоях человеческого общества (это, возможно, не единственное основание) Критика подорвала доказательность религиозных памятников, естественные науки вскрыли содержащиеся в них заблуждения, сравнительное исследование наткнулось на роковое сходство почитаемых нами религиозных представлений с духовными продуктами первобытных народов и эпох.

Научный дух рождает у людей определенное отношение к вещам нашего мира: пред вещами религии он на некоторое время останавливается, медлит, но, в конце концов, и здесь преступает порог. Этого процесса не задержишь, не остановишь; чем большему количеству людей становятся доступными сокровища нашего знания.

---

[1]) Фрейд, повидимому, разумеет поговорку: „Не согрешишь—не покаешься, не покаешься—не спасешься".—Ред.

тем сильнее распространяется отпадение от религиозной веры. Сначала отбрасываются наиболее устарелые, наиболее отталкивающие формы религии, но, в конце концов, наступает очередь и за самыми основами, за главными принципами религии. Лишь американцы, которые недавно провели обезьяний процесс в Дейтоне, показали себя последовательными людьми. Обычно же неотвратимый переход от религии к науке характеризуется половинчатостью и лицемерием.

Со стороны образованных людей и умственных работников не приходится бояться опасности для культуры. Замена религиозных мотивов в культурном проведении, в культурной жизни другими, мирскими, мотивами должна была бы пройти у них без всяких потрясений, кроме того, они в огромной своей части являются сами носителями культуры. Иначе обстоит дело с огромной массой необразованных людей, угнетенных участников культуры, которые имеют все основания быть врагами культуры. Пока они не узнают, что в бога больше не веруют, все хорошо. Но они неизбежно узнают это, даже если бы настоящая работа не была опубликована. Эти массы готовы воспринять результаты научного мышления, не уяснив себе даже того изменения, которое вызывается в человеке научным мышлением. Разве не возникает опасность, что враждебность к культуре, существующая у этих масс, обрушится на тот слабый пункт, который они обнаружат в своей былой властительнице—культуре. Раз человека, ближнего своего, нельзя убивать только потому, что милый боженька запретил это делать, что господь может покарать за это убийство, то когда окажется, что никакого милого боженьки не существует, что человеку нечего бояться его кары, то тогда убийство ближнего станет делом, которое можно совершать без всяких зазрений совести, от которого удержать способно будет только земное насилие. **Таким образом, мы оказываемся пред следующей альтернативой: либо необходимо строжайше закрыть путь этим опасным массам ко всякому духовному пробуждению, заботливейше охранять их от всякого духовного под'ема, либо необходимо основательно пересмотреть отношение между культурой и религией.**

VIII.

Следовало бы думать, что осуществление второго предложения, т.-е. пересмотра отношения между религией и культурой, не встречает никаких затруднений. Верно, конечно, что при таком пересмотре мы кое от чего отказываемся, но зато мы выигрываем гораздо больше, да и кроме того, устраняем великую опасность. Существует, однако, боязнь, как бы тем самым культура не была подвергнута еще большей опасности. Когда святой Бонифаций срубил старый дуб, почитавшийся саксами, то окружающие ожидали ужасных последствий в наказание за такое святотатство. Ничего, однако, не произошло, и саксы приняли крещение.

Если культура установила запрет, не позволяющий убивать ненавистного соседа или человека, который мешает, или обладателя каких-нибудь желанных благ, то это произошло, очевидно, в интересах человеческого общежития, которое без этого было немыслимо. Ведь совершенно ясно, что убийца навлек бы на себя месть близких убитого и глупую зависть тех, которые сами также чувствуют склонность к подобному насилию. Таким образом, убийца не долго мог бы наслаждаться своей местью или своим захватом, он бы сам скоро подвергся такой же участи. Даже если бы необычайная сила или величайшая осторожность могли его защитить против отдельных

противников, то пред целой группой даже более слабых врагов он был бы не в силах устоять. Если бы такого об'единения противников не происходило, то взаимоистребление отдельных людей могло бы продолжаться до бесконечности и дело кончилось бы тем, что люди истребили бы друг друга. Здесь происходило бы то же самое, что в Корсике происходит между родами, а в некоторых местах и между целыми племенами и народами. Однако, одинаковая для всех опасность, грозящая жизни, об'единяет людей в общество, которое запрещает отдельной личности убийство, которое присваивает себе право общественного убийства в отношении человека, преступившего запрет. В этом существо суда и кары.

Мы, однако, не сообщаем людям этого рационального обоснования запрета на убийство, мы утверждаем, что бог установил этот запрет. Мы, таким образом, претендуем на знание намерений бога и подчеркиваем, что и господь не хочет, чтобы люди истребляли друг друга. Поступая таким образом, мы придаем культурному запрету особую торжественность, но мы рискуем при этом тем, что делаем соблюдение этого запрета зависимым от веры в бога. Если мы поступим по иному, если мы не будем больше приписывать наших желаний богу и удовольствуемся социальным обоснованием запрета, то мы, правда, откажемся от указанного преображения запрета, однако, мы тем самым избежим и той опасности, которая связана с ним. Кроме того, мы выигрываем и еще кое-что. Путем своего рода диффузии или заражения, характер святости, непогрешимости, можно бы сказать, потусторонности распространился с отдельных немногих великих запретов на все другие культурные установления, законы и предписания. Этим последним, однако, облик святости часто очень плохо подходит. Это происходит не только потому, что они противоречат друг другу, представляя собой продукт самых разных времен и самых пестрых местных условий, они подчас носят на себе слишком явные следы человеческого несовершенства. Слишком многие из этих установлений легко распознаются, как продукт близорукого страха, как выражение ограниченных и корыстных интересов, как следствие невежества и темноты.

Критика, которую неизбежно вызывают эти установления, понижает авторитет и тех культурных установлений, которые гораздо больше осмыслены и оправданы, чем они. Так как было бы очень щекотливой и рискованной затеей отделять в каждом случае требования самого господа от постановлений, исходящих, скорее, от какого-нибудь всемогущего парламента или какой-нибудь еще высокой, но земной власти, то гораздо выгоднее было бы, несомненно, совсем оставить господа в покое и честно признать чисто человеческое происхождение всех культурных постановлений и предписаний. Вместе со святостью, на которую они теперь претендуют, отпала бы и косность, жесткость и неподвижность этих запретов.

Люди могли бы понять, что законы и запреты эти созданы не столько для того, чтобы господствовать над людьми, а скорее для того, чтобы служить их интересам, эти законы вызвали бы тогда к себе более дружеское отношение, люди стремились бы тогда не к отмене этих законов, а к их улучшению. Это было бы весьма существенным успехом на том пути, который ведет к примирению человека с гнетом культуры.

Тут наша речь в защиту чисто-рационального обоснования культурных предписаний, т.-е. в защиту сведения их к социальной необходимости, внезапно прерывается следующим сомнением. В ка-

честве примера мы выбрали запрещение убийства. Но соответствует ли наше изложение исторической правде? Мы боимся, что нет, мы опасаемся, что только по видимости этот запрет является рационалистической конструкцией (построением). Мы как раз эту, именно, область культурной истории человечества исследовали с помощью психоанализа [1]) и должны признать, что, в действительности, дело обстояло иначе. И ныне еще чисто рассудочные, разумные мотивы мало действительны у человека против влечений и аффектов, насколько же бессильнее они должны были быть у того животного человека, который существовал в незапамятные времена! Быть может, потомки этого человека и ныне еще без всяких зазрений совести убивали бы друг друга, если бы среди убийств той, далекой эпохи, не было бы одного, которое стало вызывать непреодолимую, крайне тягостную эмоциональную реакцию, а именно, убийства примитивного отца. Вот откуда происходит запрет: не убий, который в тотемизме был ограничен заместителем отца, т.-е. тотемом, который впоследствии распространился и на других людей, но который и ныне еще допускает исключения.

Но ведь этот праотец был, согласно выводам, которые мне здесь не приходится повторять, прообразом бога, он, ведь, послужил той моделью, по которой позднейшие поколения создали себе образ бога. Тем самым религиозная точка зрения, согласно которой бог, действительно, принимал участие в возникновении указанного запрета, оказывается правильной: влияние бога, а не понимание социальной необходимости создало этот запрет, Приписывание человеческой воли богу является, мол, вполне законным, ведь люди знали, что они насильственно устранили отца и под влиянием реакции, вызванной их святотатством, они решили с тех пор уважать его волю. Таким образом, религиозное учение, мол, сообщает нам историческую правду, конечно, в несколько преображенном и символизированном виде, тогда как рациональное изложение всего процесса возникновения указанного аппарата, отрицает, мол, историческую правду.

Мы замечаем здесь, что сокровищница религиозных представлений заключает в себе не только исполнение желаний, но также и значительные исторические реминисценции (воспоминания). Какую несравненную мощь должно было придать религии это взаимодействие между прошлым и будущим! Однако, при помощи аналогии мы, может быть, увидим дело несколько в ином свете. Не хорошо отрывать понятия далеко от той почвы, на которой они выросли, однако, мы считаем все же необходимым привести существующую в данной области аналогию. О человеческом ребенке мы знаем, что он не в состоянии проделать свое культурное развитие, не подвергаясь то более, то менее отчетливой фазе невроза. Это происходит потому, что ребенку приходится подавлять столь многие, непригодные ему для будущего, влечения, не путем рациональной духовной работы, а путем вытеснения их, но за теми актами вытеснения, которыми ребенок укрощает свои влечения, скрывается обычно мотив страха. Большинство этих детских неврозов стихийно преодолевается во время роста, особенно, навязчивые неврозы детства.

С остатками этих неврозов приходится иметь дело психоаналитическому исследованию.

Точно так же можно было бы предположить, что человечество в целом в своем развитии переживало состояния, которые анало-

---

[1]) См. предисловие.

ичны неврозам и обусловлены теми же основаниями: эти состояния б'яснялись тем, что во времена своего невежества и интеллектуальной слабости человечество приходило к необходимому для общежития подавлению влечений лишь под влиянием чисто аффективных сил. Следы имевших место еще в незапамятные времена процессов вытеснения впоследствии еще долго сохранялись в культуре. Религию можно было бы считать общечеловеческим навязчивым неврозом, подобно детскому навязчивому неврозу, она выросла из эдипова комплекса, из отношения к отцу. При таком взгляде на религию следовало бы предположить, что отпадение от религии должно неизбежно совершиться с роковой неумолимостью процесса роста и что ныне мы как раз находимся в центре этой фазы развития.

Наше отношение к религии должно было бы тогда быть построено по образцу поведения, присущего разумному воспитателю, который не сопротивляется неизбежно предстоящей перемене в своем питомце, но который, напротив, ускоряет ее и старается ослабить слишком бурный и резкий ее характер. Существо религии, во всяком случае, не исчерпывается этой аналогией. Если она, с одной стороны, приносит с собой навязчивые ограничения в качестве индивидуального навязчивого невроза, то, с другой стороны, она представляет собой систему иллюзий с отрицанием действительности, какие мы обнаруживаем изолированно лишь при аменции (душевном расстройстве) с ее оптимистически-галлюцинаторной спутанностью. Все это, разумеется, лишь сравнения, при помощи которых мы пытаемся понять социальный феномен, индивидуальная патология не является в данном случае полноценной параллелью.

Неоднократно указывалось (мною и, особенно, Т. Рейком), до каких деталей выдержана аналогия между религией и навязчивым неврозом, сколько моментов и обстоятельств в возникновении и развитии религии становятся понятными и ясными именно на пути такого сопоставления. С этим вполне согласуется и то обстоятельство, что благочестивый человек в высокой мере защищен против известных невротических заболеваний: восприятие общего невроза избавляет его от необходимости вырабатывать личный невроз.

Познание исторической ценности известных религиозных учений увеличивает наше уважение к ним, но не обесценивает нашего предложения устранить их из мотивации культурных предписаний. Напротив! С помощью этих исторических остатков мы и выяснили сходство религиозных положений с невротическими пережитками и ныне мы должны сказать, что, вероятно, пора уже, как и в аналитическом пользовании невротика, заменить последствия вытеснения результатами рациональной духовной работы. Что при этой переработке дело необходимо не ограничится отказом от торжественного преображения культурных предписаний, что при всеобщей ревизии этих культурных установлений кое какие из них неминуемо будут устранены, разумеется само собой, но вряд ли об этом приходится жалеть. Стоящая перед нами задача примирения людей с культурой, именно на этом пути будет разрешена наиболее полно. Вместе с тем нам нечего жалеть об отказе от исторической правды при рациональном мотивировании культурных предписаний. Истины, которые содержат религиозное учение, так искажены, так систематически символизированы, что масса людей не может их признать за правду. Здесь происходит то же самое, что сплошь да рядом происходит с ребенком, когда мы ему рассказываем, что новорожденного приносит аист. Ведь

и мы говорим в данном случае правду в символическом облачении, ибо мы знаем, что означает эта большая птица. Но ребенок этого не знает, он принимает этот рассказ буквально и впоследствии считает себя обманутым, а мы знаем, как часто его недоверие к взрослым, его враждебность к ним связаны с этим моментом. В этой области мы пришли уже давно к убеждению, что гораздо лучше отказаться от сообщения ребенку подобной символически завуалированной правды и не отказывать ребенку в ознакомлении его с реальной действительностью, приспособляясь, разумеется, к его интеллектуальному уровню.

IX.

„Вы позволяете себе противоречия, которые трудно примирить на деле. Сначала вы утверждаете, что работа, подобная вашей, является почти безопасной. Никто, мол, не позволит отнять у себя свою религиозную веру путем таких раз'яснений. Так как, однако, вашим намерением, как оказывается дальше, является разрушение этой веры, то позволительно спросить: зачем, собственно, опубликовываете вы эту работу? Ведь в другом месте вы сами признаете, что может оказаться опасным и даже очень опасным, когда человек обнаруживает, что в бога больше не приходится верить. До этого человек этот подчинялся культурным предписаниям, а после этого он перестанет это делать. Весь ваш аргумент, будто религиозная мотивировка культурных запретов представляет собой опасность для культуры, покоится, ведь, на предположении, что верующий может быть превращен в неверующего, но это опять-таки стоит в полном противоречии к тому, что вы сами говорили.

Другое ваше противоречие заключается в следующем: вы, с одной стороны, признаете, что человек не направляется разумом, что он находится во власти своих страстей и влечений, а, с другой стороны, вы предлагаете заменить аффективные основы его культурной покорности рациональной основой. Не знаю, кто это может примирить, но мне, кажется, что надо выбирать либо одно, либо другое.

Впрочем, разве вы ничему не научились от истории? Ведь подобная попытка заменить религию разумом была уже проделана официально и в большом масштабе. Ведь вы помните французскую революцию и Робеспьера? Но, в таком случае, вы должны помнить и кратковременность, жалкие результаты этого эксперимента. Ныне этот эксперимент повторяется в России, но мы еще не можем судить, чем он окончится. Разве вы не считаете более правильным предположить, что человек не может отказаться от религии?

Вы сами сказали, что религия нечто большее, чем навязчивый невроз. Однако, с этой, другой ее стороны, вы ее не рассматривали. Вы удовлетворяетесь тем, что проводите аналогию между ней и неврозом. От невроза людей необходимо освободить. О том, что при этом теряется, вы не печалитесь нисколько".

По всей вероятности, видимость противоречия здесь, действительно, существует, ибо я слишком торопливо и обще рассмотрел весьма сложные вещи. Кое-что я могу опровергнуть сейчас. Я продолжаю утверждать, что моя работа в одном отношении совершенно безопасна. Ни один верующий человек не будет поколеблен этими или подобными аргументами в своей вере. Верующий имеет определенные интимные связи с содержанием религии. Существует, несомненно, бесчисленное множество других людей, которые не являются

верующими в указанном смысле. Они подчиняются предписаниям культуры, потому что они боятся угроз, исходящих со стороны религии, а религии они боятся до тех пор, пока они принимают ее за элемент ограничивающей их реальности. Эти-то люди сейчас-же разрывают с религией, как только они теряют веру в ее реальную ценность, однако, и здесь аргументы не играют никакой роли. **Они перестают бояться религии, когда они замечают, что и другие ее не боятся**, и, именно, о них я утверждал, что они узнают об упадке религиозного влияния, даже если бы я не публиковал своего сочинения.

Я думаю, однако, что мой оппонент придает гораздо большее значение другому противоречию, в котором он меня упрекнул. Люди столь мало поддаются разумным аргументам, они ведь целиком находятся во власти своих влечений. Почему, в таком случае, надо отнимать у них один из видов удовлетворения и заменять его разумными основаниями? Конечно, люди, именно, таковы, но спросил ли себя мой оппонент, **должны ли они необходимо быть такими, необходимо ли делает их такими их внутренняя природа?** Может ли антрополог установить черепной индекс народа, который имеет обычай с самых ранних пор изменять форму головки своих детей определенными перевязками, бандажами? Подумал ли тот оппонент о грустном контрасте между лучезарным умом здорового ребенка и слабоумием дюжинного взрослого? Разве так уж невозможно предположить, что как раз религиозное воспитание в большой мере повинно в этом относительном поглупении человека?

Мне думается, что должно было бы пройти очень много времени, пока не подвергавшийся религиозному влиянию ребенок начал бы задумываться, вырабатывать себе представления о боге и потусторонних вещах. Возможно, конечно, что эти мысли направились бы у такого ребенка по тому же пути, по которому они направлялись у его предков; однако, мы, ведь, ныне не ждем, пока ребенок сам начнет думать над этими вопросами, мы преподносим ему религиозные учения в такое время, когда он не имеет ни интереса к ним, ни способности, для того чтобы их, как следует, понять. Замедление сексуального развития и возможно более раннее влияние религии,—вот ведь два основных пункта в программе современной педагогики, не правда ли? Когда же пробуждается мышление ребенка, то религиозное учение является для него чем-то, не подлежащим критике.

Думает ли, однако, мой оппонент, что так уже благоприятным является для укрепления мыслительной функции человека то обстоятельство, что целая, весьма значительная область оказывается для нее запретной, из'ятой под угрозой адских мук? Не приходится очень уж удивляться умственной слабости того, кого заставили без критики принимать все нелепости, которые сообщаются ему религиозным учением, не обращать внимания на противоречия, существующие между ними. А между тем, у нас, ведь, нет никакого иного средства для обуздания наших влечений и стремлений, для господства над ними, кроме нашего разума, интеллекта. Как можно ожидать от лиц, которые находятся под властью мыслительных запретов, как можно надеяться, что люди, которым запрещено думать об известных вещах, достигнут психологического идеала, т.-е. верховенства разума? Мой оппонент должен знать также, что женщинам, в общем, приписывается так называемое „физиологическое слабоумие", т.-е. меньшая разумность, чем та, которой наделены мужчины. Самый факт этот является спорным, обоснование его сомнительно, но, тем не менее, аргументом в пользу **вторичной** природы этой интеллектуальной ущемленности

является то обстоятельство, что женщины много терпели от суровости раннего запрета, не позволявшего им направлять свое мышление на то, что их больше всего могло бы интересовать, а именно, на проблему половой жизни. До тех пор, пока на ранние годы человека кроме запретов, относящихся к половой жизни, влияют религиозные и основанные на них другие законы, мы, действительно, не в состоянии сказать, каков, собственно человек.

Я хочу, однако, умерить свой пыл и допустить возможность того, что и я гоняюсь за иллюзией. Возможно, что влияние религиозного мыслительного запрета не так уж дурное, как я предполагаю, допустим, что может оказаться, будто человеческая природа осталась бы такой же, если бы мы не злоупотребляли воспитанием для подчинения людей религии. Как я не знаю этого, так не знает этого мой оппонент. Не только великие проблемы нашей жизни кажутся пока неразрешимыми, но и многие более мелкие вопросы. Мой оппонент должен, однако, признать, что у меня есть все основания выразить надежду следующего рода: **попытка иррелигиозного воспитания может обогатить культуру таким сокровищем, что она стоит труда, потребного на ее организацию.** Если эта попытка окажется несостоятельной, то я готов буду отказаться от реформы и вернуться к прежнему суждению: человек — это существо со слабым интеллектом, находящееся во власти своих влечений и страстей.

В одном пункте я безоговорочно соглашаюсь с моим оппонентом. Совершенно нелепой затеей несомненно была бы попытка одним ударом насильственно сокрушить религию. Прежде всего, потому, что она лишена всякого смысла. У верующего не отнимешь веры ни аргументами ни запретами. Если бы даже у некоторых и можно было бы этого добиться указанными средствами, то это было бы жестоко. **Тот, кто в течение десятков лет прибегал к наркотикам, не может естественно спать, если его лишить этих наркотических средств.**

Что действие религиозных утешений может быть сравнено с наркотизмом, великолепно подтверждается одним явлением в Америке. Там пытаются теперь, очевидно, под влиянием женщин, лишить людей всяких возбуждающих, опьяняющих средств, насыщая их взамен богобоязнью. Я думаю, что и о результатах этого эксперимента тоже не приходится обманываться.

Таким образом, я возразил и на утверждение оппонента, будто человек вообще не может обойтись без утешения религиозной иллюзии, что он без нее не мог бы сносить тяготы жизни и суровой действительности. **Конечно, это не по силам тому человеку, которого вы с раннего детства отравляли сладким или горько-сладким ядом.** Ну, а другой человек, который был трезво воспитан? Быть может, тот, кто не страдает неврозом, не нуждается и в интоксикации[1]) для того, чтобы заглушить этот невроз. Конечно, такой человек может находиться в затруднительном положении, ему придется признавать всю свою беспомощность, свое ничтожество среди мира, конечно, он уже не будет считать себя венцом творения или об'ектом нежной заботливости какого-то благостного провидения. Он будет в том же положении, что и дитя, которое покинуло отчий дом, где ему было так тепло и уютно.

Но, ведь, инфантилизм осужден на то, чтобы быть преодоленным, не правда ли? Человек не может же оставаться вечным ребенком, он должен же, наконец, выйти наружу, во „враждебную жизнь". Должен

[1]) Интоксикация—введение ядов, морфия, гашиша, кокаина и пр.—Ред.

ли я снова подчеркнуть, что единственной целью моего сочинения является обратить внимание на необходимость „воспитания в духе реальности"?

Мой оппонент боится, вероятно, что человек не выдержит тяжелого испытания? Ну, что ж, позвольте нам все же надеяться. Кое-что будет значить одно то, что человек будет знать, что он предоставлен собственным силам. Он тогда будет учиться правильно пользоваться ими. Человек, ведь, не остается и в этом случае без всякой помощи, его наука многому научила его со времен дилювия, сила и мощь этой науки возрастут еще больше. А что касается тех роковых сцеплений случая, той судьбы, против которой наука помочь не может, то их человек научится переносить со спокойной твердостью. Что толку человеку от грез о каком-нибудь крупном поместье на луне, доходов от которого никто еще никогда не видал? Как честный мелкий землевладелец на этой земле, человечество научится обрабатывать свой клочок так, что он будет кормить его. **То обстоятельство, что человек откажется от своих потусторонних чаяний и все свои освобожденные силы сосредоточит на земной жизни, по всей вероятности, обогатит его так, что жизнь станет сносной для всех и культура не будет больше никого угнетать. Тогда он без всякого сожаления вместе с одним из моих товарищей по неверию сможет сказать:**

А небо мы оставим
Ангелам и воробьям [1]).

X.

„Это выглядит величественно. Человечество, которое отказалось от всех иллюзий и тем самым обрело способность сносно устроиться на земле! Я, однако, не могу разделить ваши ожидания и надежды. Не потому, чтобы я был неисправимым реакционером, за которого вы меня принимаете. Нет, на основании здравого размышления. Мне думается, что мы теперь переменились ролями. Вы оказываетесь мечтателем, который позволяет себе увлекаться иллюзиями, а я защищаю права рассудка, скепсиса. То, что вы нарисовали выше, кажется мне построенным на заблуждениях, которые я, по вашему примеру, должен назвать иллюзиями, ибо в них достаточно отчетливо обнаруживается влияние ваших желаний. Вы возлагаете свои надежды на то, что поколения, которые не испытали на себе в раннем детстве влияний религиозных учений, легко достигнут желанного примата интеллекта над голосом своих эмоций и влечений. Но это, ведь, иллюзия: в этом решающем пункте человеческая природа вряд ли изменится. Если я не ошибаюсь,—мы так мало знаем о других культурах,—и ныне существуют народы, которые не вырастают под гнетом религиозной системы и, тем не менее, они не ближе к вашему идеалу, чем другие народы. Если вы хотите устранить из нашей европейской культуры религию, то это может быть сделано лишь путем замены ее другой системой учений, а ведь эта система с самого начала приняла бы психологический облик религии, приобрела бы для своей защиты ту же святость, нетерпимость, косность, утвердила бы тот же запрет подвергать себя критике. Для того, чтобы воспитывать людей, что-нибудь в этом роде необходимо иметь, а ведь от воспитания вы не можете отказаться. Путь от младенца к культурному человеку длинен и далек, слишком много людей будут заблуждаться на этом пути и не смогут во-время подготовиться к своим жизненным задачам, если вы их предоставите собственному разви-

[1]) Слова принадлежат Генриху Гейне.—(Ред.).

тию, если вы оставите их без всякого руководства. Учения, которые вы будете применять в вашем воспитании, неизбежно поставят границы мышлению людей в их более зрелые годы, точно так же, как это делает, согласно вашим упрекам, религия. Разве вы не замечаете, что **совершенно неизбывным**, первородным недостатком нашей, как и всякой, культуры, является то обстоятельство, что она ставит эмоционального и слабоумного ребенка пред готовыми выводами, которые осмыслить в состоянии лишь зрелый интеллект взрослого человека? Иначе культура поступать не может, в виду того, что ей приходится вместить вековое развитие человечества в несколько лет ребенка, в виду того, что ребенка можно побудить к овладению поставленной пред ним задачей лишь путем аффективных средств. Вот каковы перспективы вашего примата (первенствующей роли) интеллекта.

Теперь вы не должны удивляться, если я высказываюсь за сохранение религиозного обучения, как основы воспитания и человеческого общежития. Это—практическая проблема, а не вопрос о реальной ценности религии. Так как мы в интересах сохранения нашей культуры не можем медлить с подчинением личности определенному влиянию до того момента, пока она становится культурно зрелой,—многие личности, вообще, никогда не становятся культурными,—так как мы вынуждены навязать подрастающему человеку какую-нибудь систему учения, которая должна действовать в нем, как не подлежащая критике предпосылка поведения, то мне кажется, что религиозная система наибольше подходит для всего этого. Она кажется мне наиболее подходящей, именно из за того, что она является утешающей и удовлетворяющей желания силой, в чем вы признали ее отличительное свойство, как иллюзии. Пред лицом трудностей, которые стоят пред нами по пути познания реальности, при наличии сомнений в том, можно ли вообще познать эту реальность, мы не должны терять из виду, что и человеческие потребности являются элементом реальности и притом весьма важным, таким, который нас особенно близко касается.

Другим преимуществом религиозного учения я считаю одну из ее особенностей, против которой вы больше всего вооружаетесь. Она легко поддается очищению и сублимированию[1]), которые могут устранить большую часть того, что носит в себе следы примитивного и инфантильного мышления. То, что остается после устранения этих примитивных и инфантильных элементов, является суммой идей, которым наука уже не противоречит и которые она также не может опровергнуть. Эти переработки религиозного учения, которые осуждены вами, как половинчатость и компромиссы, дают возможность избежать разрыва между необразованной массой и философскими мыслителями, они сохраняют ту связь между ними, которая так существенна для поддержания культуры. Вовсе не приходится, дальше, бояться того, что человек из народа может узнать, что верхние слои общества не веруют больше в бога. Мне думается, что я вправе утверждать следующее: **ваши старания сводятся к попытке заменить испытанную и эмоционально-полноценную иллюзию другой иллюзией, неиспытанной и безразличной**".

Вы не должны думать, что я глух к вашей критике. Я знаю, как трудно избежать иллюзии: возможно, что и те надежды, которые высказаны мною, имеют иллюзорную природу. Однако, одно различие я считаю необходимым подчеркнуть. Мои иллюзии,—не говоря

---

[1]) См. предисловие.

уже о том, что они не грозят карой тому, кто их не разделяет,—не являются такими непоправимыми, как религиозные иллюзии, они не имеют химерического, бредового, характера.

Если бы опыт,—не мне, а другим после меня, думающим подобно мне,—мог показать, что мы заблуждались, то мы не стали бы задумываться над тем, чтобы от них отказаться. Принимайте же мою попытку за то, чем она является. Психолог, который нисколько не обманывается относительно того, как трудно человеку утвердиться на этой земле, пытается высказать суждение о развитии человечества на основании той капли опыта, которую он приобрел в исследовании душевных процессов у отдельной личности, имеющих место в ее развитии от младенчества к зрелому возрасту. При этом у него напрашивается предположение, что религия может быть сравнима с детским неврозом. Он достаточно оптимистичен для предположения, что человечество преодолеет эту невротическую фазу, подобно тому, как многие дети преодолевают свои, похожие на этот, неврозы. Эти воззрения, основанные на индивидуальной психологии, могут быть неудовлетворительными, перенесение их на все человечество может казаться неправомерным, оптимизм автора может казаться неосновательным,—все это я допускаю. Однако, часто невозможно удержаться от высказывания того, что думаешь, причем извинением мне служит то, что я не приписываю своим выводам больше ценности, чем они имеют на деле.

Еще на двух пунктах я должен остановиться. Во-первых, слабость моей позиции вовсе не означает силы вашей позиции. **Мне думается, что вы защищаете погибшее дело.** Мы можем сколько угодно подчеркивать, что человеческий интеллект бессилен по сравнению с человеческими влечениями и страстями, и при этом быть правыми. Однако, эта слабость особого сорта: **голос интеллекта очень тих, но он не успокаивается до тех пор, пока не заставит себя услышать.** В конце концов, после бесчисленных неудач, он достигает цели. Это один из немногих пунктов, в котором можно быть оптимистически настроенным относительно будущего человечества, но это пункт весьма немаловажный. С ним можно связывать и другие надежды. Примат интеллекта, несомненно, находится в большой, очень большой, но, вероятно, не бесконечной дали. А так как это господство разума, как предполагаем мы, поставит себе те цели, осуществления которых вы ждете от вашего бога, т. е. утверждения человеческой любви и ограничения страдания, в человеческом масштабе, разумеется, т.-е. поскольку это позволит внешняя действительность, „ананке", рок, то мы вправе сказать, что наше расхождение с вами является лишь временным. Мы надеемся на то же самое, что и вы, но вы нетерпеливее, претенциознее и,—почему бы мне этого не сказать?—себялюбивее, чем я и мои единомышленники. Вы хотите, чтобы блаженство началось сейчас же после смерти. Вы требуете невозможного и не хотите совершенно отказаться от своей отдельной личности. Наш бог, логос[1]), осуществит из этих желаний все то, что позволит существующая вне нас природа, но лишь постепенно, лишь в отдаленном будущем и для новых человеческих поколений. Никакой награды для нас, которым тяжело приходится в жизни, он не обещает. На пути к этой далекой цели ваши религиозные учения необходимо должны быть оставлены, брошены, независимо от того, будут ли удачны или неудачны первые попытки обойтись без них.

[1]) Божественная пара—Логос (разум) и Ананке (сцепление явлений внешнего мира)—голландца Мультатули.

независимо от того, оправдают себя или не оправдают те новообразования, которые первыми явятся на их замену. Вы знаете, почему это произойдет: **разуму и опыту ничто не может противостоять вечно, противоречие же между религией и ими слишком велико и очевидно.** И очищенные религиозные идеи не могут уйти от этой судьбы, поскольку они пытаются хоть что-нибудь спасти от утешительного содержания религии. **Конечно, когда они ограничиваются признанием некоего высшего духовного существа, свойства которого не поддаются определению, намерения которого неисповедимы, то тогда они, может быть, не становятся в непримиримое противоречие с наукой, но тогда они теряют всякий интерес для людей.**

А теперь перейдем ко второму пункту. Обратите внимание на разницу в вашем и моем отношении к иллюзии. Вам приходится защищать религиозную иллюзию всеми вашими силами. Стоит вашей иллюзии потерять цену, а такая угроза сейчас, действительно, достаточно реальна,—как весь ваш мир обрушится, от него ничего не останется и вам суждено будет только отчаяться во всем и во всех, в культуре и в будущем человечества. От этой перспективы я, мы совершенно свободны. Так как мы готовы отказаться от доброй доли наших инфантильных желаний, то мы в состоянии перенести то обстоятельство, что некоторые наши ожидания могут оказаться иллюзиями.

Освобожденное от гнета религиозных учений воспитание немного, быть может, изменит в психологическом существе человека, наш бог, логос, возможно не очень всемогущ, он может исполнить лишь небольшую долю того, что обещали его предшественники. Если мы в этом убедимся, то мы примиримся и с этим. Мы не потеряем от этого интереса к миру и жизни, ибо у нас есть одна надежная опора, которой не хватает вам. Мы верим в то, что научная работа в состоянии узнать кое-что о реальности мира, благодаря чему наша мощь возрастает, благодаря чему мы можем утвердить нашу жизнь на земле. Если эта вера является иллюзией, тогда мы оказываемся в том же положении, что и вы; однако, **наука своими значительными и многочисленными успехами показала, что она не является иллюзией. Она имеет много явных и еще больше скрытых врагов среди тех, кто ей не может простить, что она обессилила религиозную веру и грозит сокрушением ее.** Ее упрекают в том, что она слишком малому научила нас, что она неизмеримо больше вопросов оставила без разрешения. При этом, однако, забывается, как она молода, как трудны были ее первые шаги, как недавно, сравнительно, человеческий интеллект достаточно окреп для исполнения своих задач. Разве не все мы грешим тем, что в основу наших суждений мы кладем слишком короткие периоды времени? Нам следовало бы брать пример с геологов. Люди жалуются на недостоверность науки, на то, что она, мол, провозглашает законом то, что ближайшее поколение может признать заблуждением, что законы эти действительны лишь для небольшого периода времени. Это, однако, несправедливо, а отчасти неправильно. Изменение научных мнений является развитием, прогрессом, а не переворотом, катастрофой. Один закон, который сначала казался универсальным, может оказаться лишь специальным случаем более широко-об'емлющей закономерности, может быть ограничен другим законом, который открыт лишь позже: в результате этого менее точное приближение к истине заменяется более полным приближением, которое еще увеличится при открытии новых законов или уточнении старых.

В некоторых областях науки мы еще не преодолели той фазы исследования, где приходится ограничиваться недолговечными гипотезами, в других, однако, мы имеем уже вполне надежное и почти неизменное ядро познания. Некоторые, наконец, пытались коренным образом обесценить старания науки тем соображением, что эти усилия науки, будучи связаны со всей организацией нашей психики, не в состоянии дать ничего, кроме субъективных результатов, тогда как подлинная природа вещей вне нас остается недоступной нам. При этом упускаются некоторые моменты, которые имеют решающее значение для представления о сущности научной работы, а именно то обстоятельство, что наша организация, т.-е. наш психический аппарат, развилась как раз в процессе познавания внешнего мира, т.-е., что наш психический аппарат необходимо реализовал в своем строении известную целесообразность, что он сам является элементом того мира, который мы должны исследовать, что он великолепно допускает подобное исследование, что задача науки полностью исчерпывается тем ее определением, которое гласит: мы ограничиваем науку заданием показать, каким необходимо должен нам являться мир в силу своеобразия нашей организации.

Следует иметь еще в виду, что, конечно, результаты науки, как раз в силу способа их получения, обуславливаются не только нашей организацией, но также и тем, что̀ действует на нашу организацию.

Наконец, не следует забывать и того, что проблема мира, решаемая без учета нашего воспринимающего психического аппарата, является пустой абстракцией, лишенной практического интереса.

Нет, наша наука не является иллюзией. Но иллюзией было бы думать, что мы где-нибудь можем получить то, чего она нам не может дать.

Издатель:
Общество „Атекст“

Отв. Ред.: **И. А. Шпицберг.**
Ред. Совет: *Н. Румянцев, В. Шишаков, Е. Федоров-Грекулов, И. Воронцын, проф. С. А. Каменев, проф. С. Г. Лозинский, проф. В. Дитякин.*

Мосгублит № 26848. Тираж 4.000 экз.

17-я тип. „Мосполиграф“, Садовая-Сухаревская, д. 9.

В издании „АТЕИСТА“

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

„Миф о христе“—т. I и II, А. Древса, пер. с нем. под редакцией П. Красикова. (Распр.).

„Миф о христе“—А. Древса, пер. Н. Румянцева. Однотомное, переработанное автором в 1924 г. последнее издание. 1 р.

„О боге и о чорте“—памфлет Э. Даэнсона, пер. с франц. и примечания И. Шпицберга. (Распр.).

„Святой отрок Гавриил“—бейлисиада. 10 к. (Распр.).

„Рождество христово“—Н. Румянцева. 15 к. (Распр.).

„Страшный суд, как картина звездного неба“—Д. Святского (Распр.).

„Философия жизни Иисуса“—А. Немоевского, пер. с польского языка и предисловие Н. Румянцева. 35 к. (Распр.).

„Евангельские мифы“—Джона Робертсона, пер. с нем., под редакцией и с предисловием И. Шпицберга. 50 к. (Распр.).

„Первобытный коммунизм и первобытная религия в историко-материалистическом освещении“—Г. Эйльдермана, пер. с нем., с предисловием автора и проф. В. К. Никольского. 1 р. 50 к. (Распр.).

„Зеркало папизма“ — О. Корвина, с предисл. И. Шпицберга. (Распр.).

„Миф об Иоанне крестителе“—Н. Румянцева. 20 к. (Распр.).

„Жил ли христос“? — А. Древса, 40 к. Изд. 2-е (Распр.).

„Рождественская мифология“—Н. Румянцева. 25 к. (Распр.).

„Религия и здравый смысл“ — П. Гольбаха, пер. с франц., под редакцией В. Шишакова. 75 к. (Распр.).

„Завещание священника Иоанна Мелье“ — Перев. с франц. под редакцией В. Шишакова. 30 к. (Распр.).

„Пасхальная мифология“—Н. Румянцева. 1 р. 25 к. (Распр.).

„Жил ли апостол Петр“? — В. Древса, пер. и примечания Н. Румянцева с предисловием И. Шпицберга. 75 к. (Распр.)

„Что мы знаем об Иисусе“?—Э. Гертлейна, с нем. 40 к.

„Христианство и франц. революция“—А. Олара, пер. с франц. 75 к.

„Святой Тихон амафунтский“—Н. Румянцева. 40 к.

„Святой Василий Грязнов — защита подмосковных акул текстильной промышленности“—И. Шпицберга. 30 к.

„От религии к атеизму“ — библиографический сборник. 1р.

„Смерть и воскресение спасителя“ (исследование в области сравнительной мифологии)—Н. Румянцева. 2 р. 50 к.

„Дохристианский христос“—Румянцева. 1 р.

„Миф о деве Марии“—А. Древса, пер. с нем. Н. Румянцева. 1 р.

„Мысли В. И. Ленина о религии“. 1 р. 25 к. Третье, дополн., издание.

„Занимательная библия“—Лео Таксиля, т. I. Пятикнижие; с 39 сатир. рисунками. Пер. с франц., под ред. В. Шишакова. 1 р. 25 к. (Распр.).

„Занимательная библия“ — Лео Таксиля, т. II. Иисус Навин—Соломон; с 23 сатир. рис. В. Триваса. 1 р. 25 к. (Распр.).

„Занимательная библия“ — Лео Таксиля, т. III. После Соломона, с 10 сатир. рис. В. Триваса. 1 р.

„Миф и религия“ (Первобытная мифология—в материалистическом освещении)—Г. Эйльдермана. Пер. с нем. 70 к.

„Светский календарь Великой Французской Революции“ — И. Воронцына. 30 к. (Распр.).

„Иисус или Карл Маркс“—Т. Гартвига, с нем. 30 к.

Цена 75 коп.

„Бог и страшный суд"—Т. Гартвига, с нем. 30 к. (Распр.).

„История атеизма"—И. Вороницына. Вып. I—Атеизм в древности.—Свободомыслие в Германии XVII и первой половины XVIII столетия. 1 р. 25 к.

„История атеизма"—И. Вороницына. Вып. II—Борьба религий во Франции в первую половину XVIII столетия. Философская битва. 1 р. 25 к.

„История атеизма"—И. Вороницына. Вып. III—Борьба с религией и атеизм в эпоху Французской революции—Лаланд, Марешаль. 1 р.

„История атеизма"—И. Вороницына. Вып. IV—Немецкое просвещение в его зависимости от французского просвещения и революции. Религиозное свободомыслие в Росии в XVIII веке. 2 р. 50 к.

„Святая инквизиция"—Проф. С. Г. Лозинского. 3 р.

„Христианство и рабство"—А. Катца. 40 к. (Распр.).

„Тайны древнего христианства"—Г. Даумера, пер. с нем. 1 р. 50 т.

„Происхождение креста"—Статьи.—От редакции; Маурент-Брока; П. Ошара; П. Сэнтива; А. Немоевского. 75 к.

„Происходит ли человек от обезьяны"—Г. Графа. 30 к. (Распр.)

„Мощи новозаветных героев"—Н. Румянцеа. 30 к.

„История развития земли"—Г. Графа 50 к.

„Церковь и империалистическая война"—Б. Кандидова. 1 р. 25 к.

„Загробные ужасы—как черный террор"—А. Струве 50 к.

„Мысли К. Маркса и Ф. Энгельса о религии". 3 р. 75 к.

„Секуляризация церковных имуществ в России. Е. Грекулова. 60 к.

„Атеизм А. С. Пушкина" В. Рожицына. 1 р.

„Церковь и просвещение в России"—С. А. Каменева. 1 р. 50 к.

„Из истории христианского культа"—(Статьи А. Древса, Г. Лешке, Н. Румянцева). 60 к.

„Из приктики рясников"—П. Сэнтива и Ф. Мели. 50 к.

„Руины"—атеистический памфлет XVIII ст. Вольнея. С пред. В. С. Рожицына. С рис. 1 р. 50 к.

„Золотая ветвь"—Д. Фрэзера. Вып I. Магия и Религия. С пред. проф. П. Ф. Преображенского 2 р.

„Золотая ветвь"—Д. Фрэзера. Вып. II. Табу—запреты. 1 р. 50 к.

„Золотая ветвь"—Д. Фрэзера. Вып. III. Умирающие и воскресающие боги растительности. 2 р. 25 к.

„Золотая ветвь"—Д. Фрэзера. Вып. IV. Богоедство, жертвоприношения, искупление и представления о душе. 3 р.

„В. Белинский и религия"—И. Вороницына. 40 к.

„Буржуазия и религия"—Г. А. Покровского. 50 к.

„Илия пророк"—Н. Румянцева. 70 к.

„15 лет за монастырской стеной"—Ф. Шахерля. 40 к.

„Лев Толстой, как столп и утверждение поповщины".—Сборник полезных материалов. 1 р. 25 к.

„Декабристы и религия"—И. Вороницына 50 к.

„Монахиня" Дени Дидро. Роман. 1 р.

„Великий шантаж"—Н. Румянцева. Второй выпуск. 50 к.

„Папа римский в роли спекулянта"—проф. С. Г. Лозинского. 25 к.

„Легенда о христе в классовой борьбе"—Б. Кандидова. 60 к.

„Герцен и религия"—И. Вороницына. 30 к.

„Нравы русского духовенства"—Е. Ф. Грекулова. 50 к.

„Мысли Г. В. Плеханова о религии". 2 р. 25 к.